

Annotation

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжают. Павел Ивлев принимает активное участие в борьбе за контроль над меховой фабрикой – там все непросто. В то же время его личные контакты с влиятельными людьми приобретают неожиданное продолжение. А благодарность от ливанского бизнеса в помощи по поимке вора заставит даже его, выдавшего вида аудитора, удивиться.

*

Ревизор: возвращение в СССР 13

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

*

Ревизор: возвращение в СССР 13

Глава 1

г. Москва. Квартира Ивлевых

— Эх, хоть и ждали, но все же лучше бы без этого. — сказал я.

— Вам с Еленой Викторовной нужно сейчас решить, — сказал Сатчан. — что необходимо срочно сделать, пока они из бухгалтерии на производство не пошли.

Пригласил их раздеться и пройти на кухню. Представил удивленной такому необычному визиту Галие. Она взволнованно поглядывала на меня и на своего бывшего шефа.

— Всё под контролем, дорогая. — попытался я успокоить её.

Она нарезала нам бутеров с копчёной колбасой, налила чаю и ушла в спальню, догадавшись, что у нас совещание, на котором посторонние недопустимы.

— Что надо сделать? — задумался я. — Прежде всего, успокоиться и не нервничать. А то знаете, как говорят? На воре шапка горит. Они там в ОБХСС тоже не лыком шиты, опытный оперативник, в первую очередь, психолог. Будете психовать, только внимание привлечёте. Вот так, как вы сейчас выглядите, точно нельзя держаться. Будьте спокойны и уверены. — сказал я главбуху.

— Дальше. На время проверки нужно остановить левый выпуск. — сказал я, глядя на Сатчана. — Совсем.

— Понял. Конечно. — кивнул он.

— Та-ак... Кроме работы с документами, — продолжил я. — милиция может опрашивать рабочих на местах. Поэтому, всех, кто что-то конкретное знает, отправьте кого на больничный, кого в командировку, кого в отпуск. Чтобы у ОБХСС к ним не было

физического доступа. Замените их временно другими людьми на интересующих нас участках, и чтобы эти новые люди вообще не в теме были. Это не так много, десяток-полтора человек. На фоне двух тысяч сотрудников предприятия этого никто не заметит.

— Понял. — кивнул Сатчан. — Сделаем.

— Ну и сидим, курим, ждём и наблюдаем. — подвёл итог я, глядя на главбуха. — Сами им не подсказем своими необдуманными действиями, они и не докопаются. Спокойствие и терпение. Просят документы, вы предоставляете, спокойно и уверенно. Чайку им предложите с печеньками... Хорошо?

Главбух, вроде, отошла от первого шока и закивала.

— Можно, я после работы буду заходить к вам? — спросила она вдруг.

— Не можно, а нужно. — сказал Сатчан.

А вдруг её сопровождают? Она приведёт их прямо ко мне. Хотя, вряд ли, это какой ресурс надо задействовать. Для этого очень веские основания нужны. Но все же не помешает подстраховаться...

— Может, нам на нейтральной территории где-нибудь лучше встречаться? — на всякий случай решил предложить я. Паранойя — не паранойя, а бережёного бог бережёт. Наводить врагов Сатчана на свою квартиру было бы тупо. Она мне очень нравится.

— Тут почта у метро, я видела, когда мы ехали. — предложила главбух. — Позвоню от метро, ты подойдешь.

— Ну, можно и так. Типа, бланки за одним столом заполняем. — согласился я.

— Конспираторы. — усмехнулся Сатчан.

Они допили чай, более-менее успокоились и ушли. А мне было не до спокойствия. Всё ли предусмотрел? Обо всём ли подумал? Ну, сейчас сделать уже, всё равно, ничего нельзя. Начнём суетиться на глазах у доблестной милиции, только хуже сделаем. Остаётся только ждать и надеяться на то, что очень глубоко копать они не станут.

Вечер прошёл на автопилоте. Мысли крутились вокруг проверки. При желании, можно нарыть. Я бы нарыл. Весь вопрос в квалификации и мотивации проверяющих. Обрадовался, когда Родька пришёл, пошли с ним Тузика выгуливать, хоть отвлекся немного.

Утром проснулся совершенно с другим настроением. Появилась уверенность, что всё будет хорошо. Не зря говорят, что утро вечера мудренее.

Минут за двадцать до назначенного срока Юрка Бахтин уже стоял у нас в коридоре и нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока мы с женой одевались.

— Возьмём тапки с собой. — велела Галия. — Не будем же мы у них в уличной обуви по мастерской ходить.

В моём представлении художественная мастерская это что-то, связанное с рабочей обстановкой, в смысле, там не шибко чисто. Но спорить с женой не стал.

Ровно в одиннадцать спустились на первый этаж. Михаил Андреевич сразу открыл нам дверь, он стоял в прихожей уже почти одетый. Выдал по увесистой сумке мне и Юрке. Елена Яковлевна вынесла ему ещё одну сумку и велела идти уже в мастерскую, сказала, что догонит нас.

Мы вышли и пошли в сторону проспекта Мира, перешли его и направились в сторону платформы. Но не прошли и квартала, как Михаил Андреевич нас остановил.

— Пришли. — с беспокойством оглянулся он назад, высматривая Елену Яковлевну. — Заходите. — открыл он дверь обычного подъезда.

Мы поднялись на верхний этаж и оказались в обычной по планировке двухкомнатной квартире, но с необычно большими окнами.

Вот она — святая святых. Мы вышли по очереди из прихожей и разбрелись кто куда. На стенах висели большие полотна, размеры которых измерялись в метрах. Портреты, пейзажи, сюжетные картины. Надолго мы потерялись в этом месте. Уже и Елена Яковлевна пришла, а мы всё бродили по комнатам. На стенах не было свободного места. Всё было увешано работами художников. Много чего стояло на полу, отвёрнутое к стенам. Взглянув на Михаила Андреевича, хотел было начать их перебирать, но он остановил меня.

— Там ничего интересного. — сказал он. — Холсты пустые. Или работы не оконченные, или просто рамы.

В мастерской была полноценная кухня, санузел с ванной.

— Здесь можно жить при желании. — заметил я.

— А что ты думаешь, у нас тут жил как-то знакомый художник из Самары два года. — усмехнулся Михаил Яковлевич. — так уж получилось, надо было его выручить.

Оценив, сколько тут работ, сколько у них дома, сколько они на заказ сделали и продали, я представил себе масштабы работы художников.

— Сколько же за всю жизнь вы картин написали? — спросил я уважительно.

Михаил Андреевич рассмеялся.

— На самом деле, ты видел только малую часть. Каждого члена союза художников обязывают для денежно-вещевой лотереи по пять небольших картин написать. А она же каждый год. Вот и посчитай. А сколько подарено!..

— Идите за стол! — позвала всех Елена Яковлевна.

Старики, оказывается, несколько сумок угощения приготовили. Вот что, оказывается, мы тащили. По центру стола стояла потрёпанная глиняная бутылка, очевидно, с домашним вином.

— Ну вы даёте. — стало неудобно мне. — Думал, вы моментом воспользовались, чтобы какие-то вещи в мастерскую с нашей помощью перенести, а вы вон, что устроили.

— Нам очень приятно, что вы тут. Мы любим гостей. — ответила Елена Яковлевна, улыбаясь.

Нас угощали домашним пирогом с рыбой под грузинское вино. Потом мы пили чай со сладким печеньем с секретом. Ломали печенюшки и читали предсказания. Так забавно было, временами смешно. Сколько в эти милые записки было вложено заботы, души. И времени...

Эти художники потрясли меня до глубины души. Мой мир перевернулся. Мало того, что у них в мастерской чисто, как в квартире. Мало того, что они пашут, пашут по-настоящему, а не ждут вдохновения от поэзии атмосферы.

Но они и как люди очень интересные, душевные, интеллигентные. Понятие «человек творческий» утратило для меня свой ироничный смысл. Наоборот, я проникся к этим художникам глубоким уважением. Глубочайшим.

Потом нам рассказывали об офортах. Показали пресс, большой, тяжёлый и солидный. Мы просидели в гостях часов до пяти. Мы бы ещё сидели, но надо и честь знать. И потом, я вспомнил про проверку на меховой фабрике. Вдруг она и по выходным проходит. Или главбух захочет встретиться. А меня дома нет, я на звонок ответить не могу. Мне вчера показалось, что Елена Викторовна от меня уверенностью заражается и будет приезжать даже без повода, просто пообщаться.

Юрка к нам не пошёл от художников, попрощался на полпути и потопал к метро, заявив, что, похоже, он не станет заканчивать Горный институт. Задержал его на пару минут.

— Ты впереди паровоза не беги. — посоветовал я ему. — Узнай сначала, что нужно для поступления в художественную академию. Может, там конкурс бешеный и проще будет в художественное училище какое-нибудь попроще после института на вечернее отделение поступить. А если сейчас Горный бросишь, в армию загремишь. И будет тебе рисование зубной щеткой по унитазу в течение двух лет. А вот если Горный закончишь, как полагается, военную кафедру пройдя, то офицером станешь. Скорее всего, в армию на сборы съездишь на несколько месяцев, и после этого сможешь дальше учиться. Уже на художника.

Юрка посмотрел на меня, как на врага народа, все мечты ему сломал. Но он тоже не соображает! Отчислят и здравствуй армия в ближайший же призыв! Не совсем то, что надо для тонкой деликатной натуры художника, я знаю, я служил. Ладно, пусть сам думает.

Вечером заехал Сатчан.

— Трое взяли больничный. Двое с понедельника за свой счёт напишут на неделю. — докладывал он, как будто я его начальник. — Хватит недели?

— Да кто его знает? — пожал плечами я. — Ну, не хватит, напишут ещё на неделю по семейным обстоятельствам. А остальные как?

— Да остальной народ стрелянный. Их на понт не возмёшь. На дачу завтра, кстати, с тобой едем.

— Так. С этого места поподробнее. — усмехнулся я, догадавшись, что это привет от тестя Сатчана.

— Тесть ждёт. — озадаченно почесал он затылок. — И Римма, и ты в одной машине... Не очень удачно, думаю.

— Согласен. Та-ак... Я могу на электричке доехать до ближайшей платформы, а ты меня встретишь на станции без Риммы.

— О. Тогда мы сегодня туда и поедем. — согласился он. — Тесть с тещей уже там. А тебя будем завтра ждать на разговор.

— Кстати, жена не отошла? — спросил я.

— Дуется, но обеды-ужины готовит. — поделился Сатчан.

— А откуда ветер дует, не выяснил?

— Многовато народу набралось, что могли такие подробности без проблем узнать. Так что надо с ней поговорить, узнать, кто ей в уши надул. А она со мной не разговаривает. Только да, нет, не знаю.

— Упёртая какая... Как твой тесть вообще? Есть какие-нибудь особенности в общении, что мне надо знать? Обидчив, высокомерен?

Сатчан подвис немного от такого вопроса. Потом почесал затылок и сказал:

— Так-то, мужик он вежливый и справедливый, обо всем договориться можно. Но я же с ним общаюсь в другой позиции, как зять. Как он с тобой разговаривать будет, кто его знает...

— Ну и это уже ценная информация. Был бы спесивый и надменный, уж ты бы точно заметил.

Мы договорились, что я доеду завтра до нужной платформы, он меня встретит и прямо к тестю доставит. Сатчан сейчас доедет до вокзала, уточнит расписание электричек и

перезвонит мне с автомата.

Тут Родька зашёл. Предупредил Галию, что Сатчан звонить должен, попросил её телефон слушать внимательно.

На следующий день Галия хотела меня нарядить, как на свадьбу, услышав, что к министру знакомиться еду.

— Дорогая, ну, мы же в неформальной обстановке встречаемся, на даче. Ну какой галстук? Свитер на рубашку и джинсы.

Приехал на станцию, как договорились, Сатчан меня уже ждал в своём жигулёнке. Как народ высыпал из электрички на перрон, он вышел из машины и стал высматривать меня. Помахал ему рукой.

Добрались быстро, еще раз по дороге обсудив, что мне лучше говорить. Решили, что сам я никаких вопросов о любых беременностях не поднимаю, есть шанс, что он тоже такого касаться не будет.

Римму мы сразу не встретили, и слава богу, а то, кто его знает, что она устроила бы, увидев меня. А мне надо до этой встречи успеть впечатление на министра произвести, чтобы она уже глупо выглядела, если скандал устроит. Министры обычно в людях разбираются. Пообщаюсь с ним хоть немного, и он поймет, что я не пустышка.

Министр автомобильных дорог РСФСР Николай Алексеевич оказался очень серьёзным дядькой. Внешне совершенно невозмутимый, он очень корректно поздоровался, представился и пригласил меня в свой кабинет.

Как выяснилось, дача министра — это полноценный коттедж, а в кабинете можно провести совещание человек на десять.

Бегло осмотрелся, но личности за обстановкой кабинета не разглядел. То ли казенная дача только недавно обрела своего нового хозяина, то ли... Так и не успел придумать, что «то ли», как Николай Алексеевич положил ко мне поближе газеты, что лежали у него на столе.

— Теперь, вижу, что это всё вполне может быть. — постучал пальцем по стопке газет он. — Неплохо держишься, не суетишься, как будто каждый день к министрам в гости приезжаешь. А то признаться, сперва подумал, что зять меня дурит, и ты просто на фотографиях засветился.

— Да я и на фотографиях, признаться, не хотел светиться.

— Это почему? — впервые с интересом взглянул он на меня.

— А зачем? — пожал я плечами. — Выскочек в любых коллективах не любят. Это Павел всё, зять ваш. Не хотел, чтоб вся слава ему одному доставалась. Честным хотел быть... А мне это не надо.

— А что же тебе надо?

— Такая вот слава не нужна, с общественными инициативами, чтобы по комсомольской линии продвигаться. Я хочу обычной работой заниматься, в экономической сфере. Выучиться, устроиться на работу, сделать карьеру на каком-нибудь серьёзном предприятии... Семью обеспечить. Детей на ноги поставить... Что ещё?.. Полезным обществу быть, в конечном итоге.

Министр усмехнулся, хитро прищурившись, он молча смотрел на меня. Выдержал его взгляд спокойно. При ближайшем рассмотрении, у него оказался добрый взгляд. Не так страшен министр, как его малюют.

И тут он спросил, каким я вижу своё ближайшее будущее.

— Насколько ближайшее? — уточнил я.

— Лет пять.

— Это я только университет закончу и куда-то распределюсь. Но, уверен, на этом месте меня уже будут хорошо знать и должность у меня будет сразу уровня руководителя среднего звена.

— С чего ты так уверен? — уже по-свойски спросил меня Николай Алексеевич.

— Так я уже над этим работаю. Уже больше сотни предприятий с лекциями от общества «Знание» объездил в Москве и области! Наверняка будут предложения по распределению от директоров. И я ещё выбирать буду.

— Так ты ещё и лекции читаешь? — заинтересованно наклонился в мою сторону министр.
— И где ты выступал последний раз?

— В депо метрополитена. — ответил я тоном, каким сказочник начинает рассказывать свою сказку.

— И что ты им там рассказывал? — рассмеявшись, ответил он, оценив мою шутку.

И тут Остапа понесло. Выложил ему концепцию транспортной инфраструктуры всех видов транспорта для единого городского пространства всего Московского региона, включая города Подмосковья. Сначала он слушал просто с интересом, а в конце уже с большим интересом. Всё, что я ему рассказывал, выстрадано жизнью. И когда я перешёл к «возможным» ошибкам проектирования транспортных развязок типа «клевер», он не выдержал.

— Да, с чего ты взял?! — воскликнул он.

— Это простой расчёт! Стоит замкнуться одному из четырёх лепестков развязки, как вскоре встанет вся развязка. Можете эксперимент провести.

— И проведём! — уверенно сказал он.

Тут дверь приоткрылась и заглянула Римма.

— Пап, обедать. — произнесла она и тут увидела меня.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Она опомнилась и скрылась за дверью. Фух, вроде не настроена она бузить...

— Пообедаешь с нами? — пригласил меня Николай Алексеевич.

— С удовольствием бы остался, но надо в Москву. — подумал я, что пора и честь знать. Хочешь произвести благоприятное впечатление на важного собеседника, заканчивай встречу сам, когда ты ему любопытен, а не заставляй его тебя выгонять. — Дела не ждут. Спасибо вам за интересную беседу. Очень рад знакомству.

Сатчан повёз меня на станцию. Предупредил его по дороге, что Римма меня видела в кабинете у отца. Мы попрощались, он высадил меня у платформы. Пожелал ему удачи и остался ждать свою электричку.

*

Дача министра автомобильных дорог РСФСР.

Николай Алексеевич вышел в гостиную, жена с дочерью уже ждали за столом.

— А где Павел? — спросил министр, не заметив нигде зятя.

— Гостя повёз на станцию — ответила жена.

— Гостя!.. — воскликнула нервно дочь. — Да вы знаете кто это?! Этот мерзавец Сатчана покрывает! Что он здесь делал?

— Успокойся, Римма. — удивилась мать. — Что случилось-то? Зачем покрывает?

— То и случилось. Что Сатчан привёз в Москву любовницу, свою бывшую помощницу в Святославле, а этого мальчишку уговорил на ней жениться! А она беременная от него! — Римма зарыдала.

— Ой, дура, дура... — вздохнул министр. — Будь наш сегодняшний гость лет на пять постарше, я бы тебя за него замуж выдал, а не за Сатчана...

*

Глава 2

Дача министра автомобильных дорог РСФСР.

— Коля! Ну, что ты говоришь? — воскликнула жена, пытаясь успокоить дочь, поглаживая её по спине. — Паша Сатчан хороший муж!

— Катя!.. — Николай Алексеевич многозначительно посмотрел на жену, и та сразу опять переключилась на дочь, отмахнувшись.

Министр давно понял, что торговля многозначительным молчанием это золотое дно. А кто там что себе при этом подумал — дело десятое.

— Римма, с чего ты взяла, что Павел Ивлев женился для отвода глаз на любовнице твоего мужа? — спросил министр.

— Что?.. — возмущенно уставилась на него жена.

— Мне помощница его звонила! — выкрикнула в слезах Римма. — Она всё про него знает!

— Помощница. Вот как... — проговорил министр. — Бедный мой ребёнок... Тебя обвели вокруг пальца, как маленькую девочку.

— Так! — раздраженно бросила на стол салфетку Екатерина.

— Катюш, — обратился министр к жене. — думаю, тебе надо серьезно поговорить с дочерью. И чем быстрее, тем лучше. Вон, Павел уже возвращается. — кивнул он в сторону окна.

— Пойдем, девочка моя. Вся тушь расплылась... — подхватила Екатерина дочь под локоть, вытаскивая её из-за стола. — Если бы ты знала, родная, сколько раз мне писали и звонили всякие помощницы!.. А ты не думала о том, что она хочет заставить вас развестись, чтобы самой прибрать твоего мужа к рукам? Банальная же вещь — работает с ним, влюбилась в него, единственное препятствие, с ее точки зрения — это ты. Первый вопрос, что нужно задать себе, когда слышишь что-то странное, так это, кому это выгодно!

Что правда, то правда. — подумал министр, когда жена увела дочь из гостиной. Он остался один и принялся за остывающий обед. Через что им с женой пришлось пройти, пока он поднимался по карьерной лестнице, лучше не вспоминать. Но они всегда оберегали свою единственную дочь от всей этой грязи, и похоже, что зря. Она выросла наивной и доверчивой.

Дождавшись, пока зять усядет за столом, Николай Алексеевич спросил:

— Думал уже, кто Римме доложил, что Ивлев на твоей бывшей помощнице женат?

— Да, это и не секрет никакой. — пожал плечами Сатчан. — Многие в курсе. Я-то, вообще, думал, что это плюс моей репутации, поймите правильно, что людей своих не бросаю, за собой тяну и всё такое... Понимаете?

— Ну, это... — усмехнулся министр. — Да.

— Хотя, в данном конкретном случае, они сами решили в Москву ехать и вернулись раньше меня.

— Уже не важно... Запомни, — сказал Николай Алексеевич. — слишком преданные люди, это тоже не хорошо. — и многозначительно посмотрел на зятя. — Это помощница твоя.

Павел от удивления аж есть перестал. Вот уж, на кого никогда бы не подумал, считал, что преданней человека у него еще не было, думал, ей можно доверять. А ещё собирался по всем кабинетам её за собой таскать... Представлял, как он станет министром, а она рядом с ним дорастет до министерского работника... Идиот! Хорошо ещё, что ни во что серьёзное не успел её посвятить.

Эх, молодо-зелено... — думал министр, наблюдая за шоком, а затем за глубоким разочарованием, появившимся на лице зятя. — Парень неплохой, но ему ещё набираться и набираться опыта.

Сатчан на нервах решил прогуляться по лесу. Николай Алексеевич это одобрил — ему надо некоторые неожиданные вещи упорядочить в голове. Прогулка ему в этом поможет.

Дочь успокоилась после разговора с матерью, и Николай Алексеевич решил тоже поговорить с ней.

— Римм, — подсел он к ней в гостиной. — жизнь длинная и сложная. Не всегда мы с матерью будем рядом, не всегда сможем помочь. Твой муж хороший человек и не дурак. У тебя есть все шансы прожить с ним хорошую жизнь. Но тебе надо помогать ему, а не ссорить с нужными людьми. Надеюсь то, что случилось, не скажется на дружбе Ивлева с твоим Павлом. Поверь, этот парень очень далеко пойдёт. Иметь таких друзей дорогого стоит. Я рад, что у твоего мужа такой друг есть. Нельзя их дружбу рушить.

— Можно подумать, на этом Ивлеве свет клином сошёлся. — буркнула Римма.

— Сошёлся, не сошёлся, а я людей вижу! — строго сказал ей отец. — Я сам всего добивался. Мне никто не помогал. Отец в колхозе всю жизнь работал, мать потерял совсем маленьким... Кто сам пробивается, как этот Ивлев, тот гораздо крепче на ногах стоит, чем вы, родившиеся на всё готовое. Сколько меня ни пытались подсадить детки наших партийных деятелей, пока молод был, а ничего у них не вышло. Потому что они на всём готовом, не получилось, ну и ладно. А у меня выхода другого не было, кроме как землю рыть, своего добиваться.

Римма встревоженно взглянула на отца. Она прекрасно знала, каким жёстким он может быть. Побавалась и очень уважала его способность не пасовать и не отступить перед любыми трудностями.

— Со своей секретаршей Павел разберётся. Она тебя никогда больше не побеспокоит. — сказал Николай Алексеевич. — На будущее, дочка, кто-то позвонит еще раз, а звонить будут, потому, что твой муж — желанная партия для многих, всё запиши, кто звонит, как связаться

и передай мужу. Дальше это будет его забота. И не надо переживать, изводить себя и мужа. Только порадуешь эту сволочь, возомнившую себя твоей соперницей.

Последние слова министр произнёс с таким чувством, что Римма испугалась за участь тех несчастных, которые осмеливались писать или звонить её матери.

Взглянув на ситуацию с другой стороны, она поняла, что совершенно напрасно переживала почти две недели. Надо было сразу Сатчану всё сказать, пусть бы сам и разбирался. Павел, конечно, гораздо мягче отца, но не спустит и не простит такую выходку никому. В этом Римма была уверена.

— И ещё, дочь. — обратился к ней отец. — Тебе надо извиниться и помириться с женой Ивлева. Это будет правильно и разумно. Ещё неизвестно, кто кому нужнее будет лет через десять, Сатчан Ивлеву или наоборот.

Римма уже и сама об этом подумала. Вела она себя, конечно, безобразно...

*

Вернулся домой часам к трём. Обеспокоенная жена меня едва дождалась. Вместе с Родькой. Дед его сегодня ушел на сутки, и пацан упросил его оставить не с Шурой, а у нас. Галия посадила его модель доклеивать, пока меня не было. Поделился с ними впечатлениями от знакомства с министром.

— Хороший, в целом, человек. — подвёл я итог. — Без зазнайства и спеси. Вот есть же такие...

Появилось свободное время и хотел позаниматься, но, пообедав, почувствовал, как сон накрывает. Нервотрепка последних дней, похоже, начала своё брать. Перегрузил я свой новый организм. — решил я и завалился спать.

Домочадцам не оставалась ничего другого, как прилечь рядом. Так я и проснулся через пару часов: с женой в обнимку и чужим пацаном под боком. В голове кот, а в ногах собака.

Интересная у меня жизнь. — усмехнулся я про себя и попытался аккуратно вылезти из постели, чтобы никого не разбудить. Но оказался той нижней картой, вытащи которую, и весь карточный домик рассыплется.

Все мгновенно проснулись, стоило мне пошевелиться.

Минут через тридцать уже все отошли от сна, попив чаю, сидели за столом на кухне и решали, что делать дальше. Позаниматься перед сном успеем, решили мы с женой. А сейчас хотелось чего-то для души.

Но для души не получилось. Выскочивший из постели Тузик стал очень характерно метаться у двери. Мол, хозяин, что-то не то сожрал, очень на улицу надо. В моих интересах было к нему прислушаться, уже проверено. Так что мы с Родькой быстро оделись и пошли на улицу.

Выходя с Родькой и Тузиком из подъезда, на первом этаже опять столкнулись с капитаном, он из лифта выходил с очередным каким-то мешком. Мы поздоровались, он пропустил меня с собакой вперед и вышел за нами.

Родька выхватил у меня поводок и понесся по двору с Тузиком. А я решил познакомиться с капитаном, соседи все же. Предпочитаю знать, с кем рядом живу. Да и стыдно немного было, что принял его недавно за не пойми кого, а он так пострадал из-за своей жены. Так что остановился у дверей, ожидая, когда сосед мусор выкинет. Родька тем временем сделал с псом круг вокруг двора и подбежал ко мне, не понимая, чего я стою. Сосед возвращался.

— Павел. — протянул я ему руку. — С третьего этажа, восемьдесят первая квартира.

— Николай. Седьмой этаж. Девяносто восьмая. — лаконично доложил капитан, остановившись.

— Рад знакомству. Прошлый раз как-то не получилось познакомиться. — сказал я. Сосед при этих словах кивнул и немного смущенно пожал плечами. Похоже, стыдно стало, что едва из-за елки не подрался.

— Да. Не в духе я был, это говоря мягко. — сказал сосед. — Навалилось все как-то... Не хотел никого ни видеть, ни слышать. А тут хмырь этот, иголки ему убери... — капитан снова начал раздражаться.

— А правду болтают, что вы капитан? — спросил я, стараясь перевести тему в более мирное русло.

— Правда. — усмехнулся сосед.

— Ух ты! — восхищенно ахнул Родька. — Прямо, настоящий?

— Да, капитан дальнего плавания. Что, интересно тебе? — обратил сосед внимание на пацана, с открытым ртом вклинившегося между нами. — Вы братья, что ли? Похожи!

— Ну, разве что только по духу. — улыбнулся я и прижал малого к себе. — Родион в соседнем подъезде живёт с дедушкой. Не так давно и познакомились.

При последних моих словах у капитана брови удивленно взметнулись вверх.

— А приходите ко мне в гости. — неожиданно предложил он. — Покажу всякие сувениры заморские.

Родька при этих его словах аж подпрыгнул на месте и с такой надеждой на меня воззрился, что шансов отказать не было.

— С удовольствием! — подмигнул я пацану, от чего тот мгновенно просиял. — Сейчас, только с собакой погуляем и зайдем. Но ненадолго, — строго глянул я на мелкого. — Тебя накормить надо. Галя там уже хлопочет по хозяйству.

Николай усмехнулся и пошёл в подъезд. А мы с Родькой сильно сократили привычный моцион Тузика, надеюсь, он не обидится. Наверное, и сам понимает, что без очереди не положено то, что положено по очереди.

Закинули пса домой, предупредил Галию, что я на седьмом этаже, услышал требование быстрее возвращаться кушать. После этого чуть не бегом побежали с Родькой по лестнице, не дожидаясь лифта. Только мы постучались, как услышали «Открыто!». Родька на радостях уже собрался рвануть внутрь в уличной обуви, едва успел поймать его за шиворот.

Ох, не зря я с этим капитаном решил познакомиться. Люблю чужие квартиры осматривать, много можно о хозяевах сказать. Эта квартира была натуральной экспозицией всяческих причудливых вещиц и сувениров. Морские раковины разных форм и просто огромных размеров, морской ёж, какой-то гигантский зуб, морская звезда, безделушки из кокосового ореха и много всякой прочей ерунды.

— А это чей? — спросил я, указав на зуб.

— Зуб-то? Кашалота. — улыбаясь, ответил Николай.

Перед хрусталём в буфете с зеркальными стенками стояли открытки с переливающимися картинками: улыбающиеся азиатки подмигивали одним глазом. Родька заворуженно приседал перед ними, пытаюсь уловить момент перехода одной картинке в другую.

— Да, Родька, сюда надо на целый день приходиться. Настоящий музей. — оглядываясь по сторонам, проговорил я.

— Ага. — протянул он восторженно.

— А сейчас кормить тебя пора. Галия обидится, если задержимся.

Тут Николай протянул Родьке слоника с детскую ладошку из очень чёрного дерева. У слоника были вставлены белые бивни, как будто из кости, а вместо глаз металлические бусинки. Родька с благоговением принял подарок, не в силах оторвать от него глаз.

— Что надо сказать? — слегка обнял я малого за плечи.

— Спасибо! — чуть дыша, прошептал мальчишка.

— Рад знакомству. — пожал я руку Николаю.

— До свидания. — блаженно улыбаясь, попрощался Родька.

— А приходите, как покормите пацана. — улыбаясь, пригласил нас хозяин, — С женой.

Дома рассказал жене, что был в гостях у капитана, и что он приглашал в гости после ужина, надо будет сходить, как покушаем.

— Ты, лучше, сходи пригласи его к нам на ужин, я голубцы сегодня приготовила. О, точно! Он же один сейчас, кто ему приготовит?

— Согласен. Прекрасная идея!

Поднялся на этаж. Позвонил в дверь.

— О! — радостно воскликнул он. — Как вы быстро обернулись! Так, а где малой и жена? — распахнул он дверь настежь, приглашая меня войти.

— Я, собственно, хотел тебя пригласить к нам в гости. Жена голубцов наготовила...

Николай откровенно растерялся, потом улыбнулся и метнулся внутрь квартиры.

— Я щас. — услышал из комнаты.

Он вышел почти сразу с бутылкой чего-то импортного.

— Корейский соджу. — гордо показал он мне бутылку с фруктами на этикетке.

Он закрыл дверь, и мы спустились с ним к нам. Познакомил его с женой. Галя засуетилась, разволновалась, что с целым капитаном дальнего плавания познакомилась!

— Успокойся, дорогая. — поймал я её за руку. — Мы никуда не торопимся!

Расселись вокруг стола. Родька ждал рассказов о заморских странах и с откровенным интересом рассматривал бутылку с иероглифами.

— Родька, это для взрослых. — заметив, что он уже облизываться сказал я. — Соджу крепкий как водка.

— Правда, что ли? — разочарованно спросила Галя. — А я уже четыре стакана приготовила...

— Две рюмки надо. А вам я компота сейчас принесу. — пошёл я за банкой в спальню.

Попробовал это соджу. Ну, интересно, но не более того. Не зря я не очень в прошлой жизни любил всю эту азиатскую экзотику. Саке, китайскую водку со змеями внутри бутылки...

Галя угощала нас голубцами со сметаной. Ещё по чуть-чуть выпили с Николаем, точнее, я его поддерживал, а он пил.

— Эх, Родька! — вдруг сказал Николай. — Как я тебя понимаю! Сам с бабушкой рос. Ни отца, ни матери...

— У него есть отец. — поспешил пояснить я. — Только далеко сейчас.

— Сидит? — ошарашенно одними губами спросил сосед.

— Не, — замотал я головой. — военный. В заграникомандировке.

— Ну, хоть так. Это хорошо. — потрепал он Родьку по голове. — Батя вернётся...

— Конечно, вернётся. — поддержал я. — Куда он денется...

— Я так о сыне мечтал... — признался капитан, тоскливо взглянув на Родьку, которому надоело с нами сидеть, и он переключился на кота на подоконнике. — Теперь ни жены, ни детей...

— Ещё всё впереди. — сказал я и подлил ему в стопку его корейского пойла. Быстро с него развозит, однако.

— Брось. В сорок лет детей нет, уже и не будет... Слушай, хотел спросить тебя, ты дверь такую где взял?

— Дам телефон. — пообещал я.

— Хочу дверь поменять. А то уйду в рейс, квартира пустая будет стоять. Мало ли что...

— Верная мысль. У нас в подъезде уже кража была. Соседей наших обнесли.

— Ой. А у меня же цветы! — вспомнил Николай. — Жена оставила. Вам не нужны цветы? — посмотрел он на Галию.

— Комнатные? — заинтересовалась она.

— Ну, на подоконниках...

— А можно посмотреть?

— Конечно. Пошли!

Мы всей гурьбой поднялись к нему. Галия про цветы забыла, естественно. Потерялась в ракушках, морских звёздах и кораллах. Дали ей время насмотреться. Родька бегал от одной полки к другой и кричал ей:

— А здесь посмотри!

Галия как ребёнок с восхищенными глазами осматривала диковинки.

— А можно потрогать? — спросила она, стоя перед сушеной рыбой-шаром.

— Конечно. — разрешил Николай, щедрая душа.

— А мне? — тут же подсуетился Родька.

— Давайте, аккуратно! — заволновался я. — А то сейчас всю коллекцию разнесёте.

— Да, ладно! — одернул меня Николай. — Еще привезу. Вам, кстати, что-нибудь надо?

— Нам всё надо. — тут же сориентировалась жена.

— Джинсы можно. — начал перечислять я. — У нас же всё буквально дефицит. Родьке надо на вырост костюм спортивный в школу, футболки, кроссовки. Еще, если можно, ему же джинсы и свитер. Много не надо, растёт быстро. Тебе деньги надо дать или техникой? Вы же за валюту за границей отовариваетесь? Могу фотоаппаратов купить, секундомеры наши, говорят, хорошо идут.

— Часы наручные можно. — пожал плечами Николай. — Это ещё не скоро, потом обсудим. Вы подумайте, может, ещё что надо?

Жена забыла про экзотику, подошла к нам и в глазах её заметил ажиотажный блеск. Хватай мешки, вокзал отходит...

— Платок газовый с люрексом. — поспешно начала перечислять она. — Нитки мохеровые. Кримплен...

— Дорогая, это всё не скоро ещё будет. — поспешил я успокоить её. — В рейс через пару месяцев, да? — взглянул я на Николая. — И в рейсе четыре. Если срочно, что-то надо будет, в Берёзке купим.

У Галии лицо прояснилось, она смущённо улыбнулась.

— Цветы. — подсказал я.

Цветы на окнах были замученные без должного ухода. Галия забрала большой алоэ, каланхое, традесканцию, две фиалки. Мы несколько раз с Родькой спускались к нам, перетаскивая горшки.

— Фикус заберите и пальму. — просил Николай. — Это финиковая пальма. Наверное...

— Большие очень. — сразу не понравились мне эти кусты. — У нас кот, от этой пальмы за вечер ничего не останется. Рыжий гад будет в кадки ссать. Да, и куда их поставить?

— Ну, тогда, будете поливать, когда я в рейсе. — решил сосед. — Не выбрасывать же их.

— Это можно. — согласился я.

Он взял последний цветок, который Галия выбрала для себя, и мы пошли обратно к нам, допивать корейское соджу.

г. Москва

Гулять вечером с собакой пошли все вместе, мы с женой, Родька и Николай. Мальчик сегодня у нас ночует, дед на сутках, можно не волноваться, что он ждет его у окна, и не торопиться. Сосед много рассказывал про Индию и Кубу. Посещал не раз Гонконг, Малайзию, Сингапур. А вообще, по всему миру ходил, несколько раз в Японию и Южную Америку. Впечатлений масса, я так понял, он может рассказывать часами про дальние страны. Родька держал его за руку и смотрел в рот.

Николай выпил прилично, но ни разу не сказал, на каком судне ходит, и что перевозит, хотя болтал без умолку. Очень интересный типаж, встречал я таких, прикидываются простачками и балагурами, а на самом деле держат под постоянным контролем и себя, и окружающих. Это же СССР — секретность во всем, что связано с его зарубежными поездками и товарами, ему необходимо соблюдать. Небось, и оружие в дружественные СССР страны возит и боеприпасы. Так что у Николая — подписки, тесный контакт с КГБ, а то и с ГРУ. Одно слово: советский капитан!

Утром в понедельник отправили Родьку в школу и поехали на учебу сами. На перемене меня выловила Эмма Эдуардовна.

— Павел! — едва сдерживалась она, чтобы не обнять меня. — Звонили из Курчатовского института! Отзывы о твоей лекции просто великолепные!

— Да что вы говорите. — постарался искренне удивиться я. — Я очень рад.

— Да! Они просили тебя ещё раз прислать уже в следующем месяце.

— С удовольствием съезжу. — ответил я. — Тем более, мне самому понравилось.

— Ты молодец, Павел. — дотронулась она до моего плеча и, довольная, пошла дальше по своим делам.

Я так понимаю, инцидент с Будапештом исчерпан.

Ну и надо мне к следующему визиту подготовиться получше. Может, хоть здесь удастся что-то для СССР хорошее сделать. Подсказать какие-то инновации. Хотя толку-то... Придет Горбачев, разрушит страну, и все эти инновации бесплатно привезут на Запад сбежавшие от разрухи советские ученые. Вот западные корпорации обрадуются новинкам, полученным на халяву!

После пар заехал в райком, узнал, как дела с проверкой на меховой фабрике.

— Ну, пока тишина.... — выдохнул Сатчан и переплюнул через левое плечо.

— В бухгалтерии сидят?

— В основном, нет. Побыли там полдня только. По цехам ходят, смотрят.

— Елена Викторовна как держится?

— Молодцом. Рассказывала, отдельный кабинет им выделила для работы с документами, все условия, на обед в столовую водила.

— Хорошо.

Сатчан встал и вышел в свою приёмную. Я вышел за ним.

— Ничего не замечаешь? — спросил он меня.

— Пусто как-то... — огляделся я. — А где твоя секретарша?

— Выгнал. — поджал губы Павел.

— О как... Она?

Он кивнул головой.

— Представляешь, думал, какая сотрудница замечательная, с полуслова понимает.

— История стара, как мир. — задумчиво проговорил я. В меня тоже помощницы влюблялись, но я, хотя бы, не был женат. — Возрастную помощницу в следующий раз бери. — подсказал Сатчану.— Чтобы она не о шурах-мурах с тобой думала, а по-матерински опекала.

Мы еще немного поговорили о том, как впредь обезопасить себя и семью от подобных выходов. После райкома поехал на курсы вождения. Вернулись с курсов с женой поздно. Сразу пошли с Родькой на прогулку, а Галя взялась пока лёгкий ужин сварганить.

Проводил Родьку и, вернувшись домой, застал жену в странном состоянии. Удивление на её лице было таким, как будто она с инопланетянами повстречалась.

— Что случилось? — спросил я с порога.

— Римма Сатчан только что звонила. — ответила Галя таким тоном, как будто сама себе не верит.

— И? — потребовал я конкретики.

— Извинилась.

— И всё?

— Всё.

— Муж заставил? — предположил я. — Или папа-министр?

Галия пожала плечами.

— Говорила, вроде, искренне. Не так, как будто кто-то заставил.

— Неожиданно. — признал я, усаживаясь за стол на кухне. — Хотя, в свете того, что я сегодня узнал...

— Что узнал? — заинтригованно спросила Галия, поставив передо мной тарелку с яичницей и сосисками.

— Секретарша Сатчана позвонила Римме и рассказала ей историю, будто ты его любовница, и он тебя в Москву за собой из Святославля притащил, а меня для отвода глаз уговорил на тебе жениться. Похоже, влюбилась в него и хотела его развести.

— Что-о-о?!

— Да-да. Представляешь, какая фантазия у девушки.

— Да я ей... — Галия покраснела от злости.

— Брось. — обнял я жену. — Сатчан её уже выгнал. Отложи томагавк в сторону, скво, скальп сняли за тебя.

— Поторопился! — воинственно ответила жена.

Рассмеялся, глядя на её решительный вид.

— Ладно, дорогая. Всё хорошо, что хорошо кончается. Римма извинилась. Уверен, ей не просто было это сделать. Простим её?

— Простим. — согласилась Галия. — Раз ее саму подставили, то ладно, можно понять. Да и мне было очень жаль, что мы с женой Паши не нашли общий язык. Думаю, теперь найдём.

Галия ушла читать в спальню, а я засел за конспекты на кухне.

Не прошло и двадцати минут, как в дверь постучали.

На пороге стоял Иван, под глазом фингал. В одной руке бутылка, в другой Лина записка.

Молча распахнул перед ним дверь, типа, заходи. Он благодарно кивнул и сел за стол, поставив передо мной бутылку коньяка.

Вышла жена. Ей одного взгляда на Ивана хватило, она нарезала нам домашней колбасы, хлеба, поставила передо мной рыбную консерву, положила открывалку и оставила нас.

Стаканы я сам взял. Налил Ивану, сам выпил символически для начала разговора. Но он не спешил передо мной душу наизнанку выворачивать. Положил передо мной записку.

— Как думаешь, это правда? — наконец спросил он.

— Не уверен. — честно сказал я.

— Вот и я так думаю. — сказал Иван, налил себе ещё и залпом выпил.

Он молчал. И я молчал, не зная, что ему сказать. Проблема, вечная, как жизнь...

— Я этого «брата» как у Лины увидел, глазам своим не поверил. Неужели опять?! — подумал. У меня с первой женой точно так же было... — Я сразу все понял. Брат он, как же. Когда с родственником общаются, не выглядят такими виноватыми, да и не шастают в одном халатике, едва одетые...

Вот оно что! Ему с таким опытом точно с Линой не ужиться.

— Слушай. Давай начистоту. Лина, я думаю, не относится к твоему типу женщин. — сказал я. — Ты стабильности хочешь, преданности, а она женщина-праздник. Да, красивая. С ней интересно и весело. Но для совместной жизни она не подходит. Для такой жизни нужна спокойная женщина, домашняя. Согласен?

Иван молча кивнул.

— Ну вот и забудь. Ты с ней жил бы, как на вулкане, как на пороховой бочке. Она не изменится ради тебя. А у тебя жизнь кочевая, с твоей-то профессией. Каждый раз по приезду сюрприз был бы... Так что, перелистни страницу и живи дальше. Найдешь ты еще свою половинку!

Иван опять кивнул.

Ну, а что я ещё мог ему сказать. Не говорить же, что она даже меня клеила. А у нас разница, на минуточку, больше десяти лет.

Иван просидел у нас больше часа. Все никак не мог смириться с произошедшим. Допил бутылку и пошел к себе. Помог ему до постели добраться. Накидался он изрядно. Ну, авось стресс хоть немного снимет. Главное, чтобы в привычку не вошло.

Сел на кухне над учебниками, которые так и не было возможности сегодня полистать. Задумался... И как мы в двадцать первом веке жили, не зная соседей даже по лестничной площадке? Наверное, развитие технических возможностей для коммуникации компенсировало отсутствие общения с тем, кто рядом. Зачем идти к соседу, если можно набрать по видеосвязи приятеля с Камчатки.

Работал как-то на одном предприятии, так тамошний директор сына в Европу учиться отправил, жилье ему отдельное снимал. Мне интересно было, как там парень, по семье не скучает?

— Да они с бабушкой, моей матерью, целыми вечерами на связи. — усмехнулся директор. —

Вчера, вот, блинчики делали вместе, она у нас на кухне, а он в Амстердаме. Она его уже научила и отбивные жарить, и шарлотку печь.

И вот зачем, спрашивается, при таких возможностях парнишка станет общества соседей искать? Ему и так не одиноко и есть, с кем поговорить.

Вышла Галя, услышав, что Иван ушёл, села напротив меня с грустным взглядом.

— Что-то не везёт Ивану. — произнесла она. — Ирина Леонидовна рассказывала, что у него и первая жена заводная была. Могла ночью пьяненькая домой вернуться. А однажды, представляешь, в одной туфле пришла! Потеряла где-то, не помнит где. Это как надо было напиться, чтоб туфлю потерять?

— Может, в Золушку играла, — пошутил я. — Главное, что всегда возвращалась, в любом состоянии. Автопилот дорогу домой помнит.

Галя посмотрела на меня удивлённо, а я горько усмехнулся, представив себе состояние мужа при такой жене. Вернулась такая женщина-кошка домой, нагулявшаяся и счастливая с таким видом, будто муж должен радоваться, что она вообще домой вернулась, накормить и не трогать, дать отдохнуть.

— Жалко Ивана, — снова вздохнула жена. — Очень ему Лина нравилась.

— На вкус и цвет, конечно... Но второй раз на те же грабли. — задумчиво произнес я. — Похоже, это у Ивана проблемы, дорогая: спокойные девушки ему не нравятся. — развёл я руками. — Такое бывает. Ему надо в себе разобраться, понять, чего он хочет в жизни. Иначе история будет повторяться снова и снова.

— Почему? Может он уже все понял и больше такой ошибки не сделает, — возразила жена. — На ошибках учатся.

— Ах, если бы, — я мрачно усмехнулся. — Так говорят, но на самом деле все несколько иначе. Чтобы человек смог чему-то научиться на своей ошибке, ему надо, во-первых, осознать, что дело в нем, а во-вторых, разобраться, что именно в его действиях к этой ошибке привело. А это очень сложное дело. Большинство людей даже первую часть работы над ошибками сделать не могут, виня во всем других людей или обстоятельства. Что уж говорить о второй. Так что в реальности чаще всего человек наступает снова и снова на одни и те же грабли, виня во всем свою неудачливую натуру.

— Но ведь бывает же, что просто не везет, — возразила Галя.

— Да, — я кивнул, — если что-то случилось один раз, может и просто невезение сработало. Но если повторилось второй — извини, это уже система.

— И что делать тогда? Как Ивану помочь?

— Пока никак. Взрослому человеку в голову не залезешь и жизнь за него не проживешь. Это

его задача, ему и решать. А уж сколько времени займет решение, предсказать невозможно. Так что, не переживай. Если от нас что-то будет зависеть, сделаем. А пока, пошли лучше спать.

*

ДАС МГУ.

Ираклий всё никак не мог уснуть. Всё думал, почему у КГБ такой интерес к Пашке Ивлеву. И не только у КГБ. Замдекана по научной работе к нему равнодушна, то к себе вызовет, то сама прибежит... Не похоже, что Пашка на плохом счету. Будапешт опять же... А как он хладнокровно от него отказался! Словно в деревню соседскую предложили съездить. Да предложи кто ему...

А ЗИЛ? Там его всё комсомольское начальство лично знает.

А стройотряд, который Лёха Сандалов организует? Там, похоже, тоже всё на Пашке завязано. Ираклий как-то поинтересовался, на каком предприятии работать надо будет летом, Лёха сказал, что ещё не знает, этим вопросом Паша занимается.

Ох, не простой парень этот Ивлев. Надо к нему поближе быть, глядишь, удастся полезными связями обрасти или хорошо пристроиться. — решил Ираклий.

*

Квартира Павла Сатчана.

Римма извинилась перед Сатчаном за свою доверчивость по отношению к чужому человеку и недоверие к родному мужу. Всю дорогу с дачи домой она сидела в машине с виноватым видом.

— Чужой девке поверила. — оправдывалась она. — Даже в голову не пришло усомниться. Хоть бы Ивлевы не решились, что я конченная стерва.

Павел был очень рад, что семейная жизнь вернулась в прежнее спокойное русло. Жена опять стала заботливой и приветливой, в понедельник встретила с работы, как и прежде, накрытым столом. На радостях он предложил ей куда-нибудь сходить, например, в театр.

Римма с радостью согласилась. Муж не затаил обиду, за что она была ему очень благодарна. Правильно отец сказал, что ей неплохой муж достался. И жена Ивлева поговорила с ней, хотя могла трубку бросить. Имела все основания.

— А если мы Ивлевых пригласим с нами в театр, как думаешь, они согласятся? — вдруг спросила Римма мужа. Ей очень хотелось загладить вину перед всеми и начать всё заново.

Сатчан такого предложения от жены никак не ожидал и удивленно и немного настороженно соображал, что бы это значило. Но, видя ее смущенное лицо, пообещал узнать, может и

согласятся.

*

Вторник в универе прошёл спокойно, наш агитационный коллектив каждый обед уже традиционно вместе проводил. Мы сдружились и как-то само собой получилось, что старшим признали меня.

— Что там с Комсомольским прожектором? — спросила Света. — Сходил бы ты к Самедову. — попросила она меня. — А то он подумает, что нам не интересно, другую команду наберет.

— Что за Комсомольский прожектор? — тут же заинтересовался Ираклий. — Я тоже хочу!

Пришлось наведаться к Самедову.

— Рашид Фархадович, добрый день. — кивнул ему я через открытую дверь. Методист взглянула на меня и никак не отреагировала. Решил, что это значит, что Самедов не занят.

Он посмотрел на меня с удивлением и рукой предложил присесть рядом.

— Ребята застоялись без дела. — начал я. — Интересные у нас проверки были. Уже и еще один доброволец есть, что желает в Комсомольском прожекторе поработать. Команда в вашем распоряжении и рвётся в бой.

Самедов откинулся в кресле и с интересом посмотрел на меня.

— А что за новичок такой? И почему пришел именно ты, а не Борщевский? — спросил он меня.

— Ребята попросили. Борщевский на практике. — невинно пожал я плечами. — А парень новый надежный, комсорг нашей группы на первом курсе.

— Что ж, похвально, что есть такой запал работать, и даже доброволец новый появился... — задумчиво посмотрел на меня Фархатыч.

Я улыбнулся в ответ.

— Хорошо. — сказал Самедов и встал из-за стола. — Можешь идти.

— Когда мне к вам подойти? Или вы сами меня найдёте, если мы понадобится? — решил сразу уточнить я.

— Сам найду.

— Спасибо. — сказал я и пошёл к выходу, видя, что прощаться за руку со мной он не собирается.

Наши так и ждали меня в столовой.

— Ну, что? — нетерпеливо спросила Светка.

— Сказал, что команда рвется в бой и ждет указаний. — ответил я.

— А про меня спросил? — влез Ираклий.

— Сказал, что ты желаешь тоже поработать.

— А он? — не отставал Ираклий.

— Ничего. — развёл я руками. — Может, посмотреть на тебе ещё захочет. Откуда я знаю, он мне не докладывает.

— Ну да. В чужую голову не залезешь. — поддакнул Лёха.

Ираклий разочарованно насупился и умолк.

— Не расстраивайся. — решила поддержать его Света. — Думаешь, там прямо конкурс в Комсомольский прожектор?

— Конечно, вам легко говорить: не расстраивайся. — с досадой заявил Ираклий. — Вы все москвичи. Даже Лёха, вон, из общаги съехал. Вы после учёбы в Москве и останетесь. А меня распределят куда-нибудь в Таджикскую республику.

А скоро ещё и Брагин съедет... — подумал я.

— До распределения еще, как пешком до Пекина. — сказал я, усмехнувшись своим мыслям.

Надо было уже идти на пару, и мы поспешили покинуть столовую.

После пар съездил на лекцию в очередные «Дары природы». Магазин находился недалеко от метро, всего пять остановок на автобусе. Коллектив магазина оказался возрастной, принял меня хорошо. Тётушки жалели меня, мол, тяжело сейчас молодёжи, и учатся, и работают. Вопросы задавали не по теме лекции, а спрашивали где я учусь и далеко ли мне домой добираться. Всё пытались меня поскорей домой отправить. Первый раз меня так принимали... Удивительное дело.

— Ну, раз вам всё понятно, — пришлось согласиться мне. — тогда я поехал?

— Езжай уже. — усмехнулась заведующая и сунула мне небольшой сверток.

Уже на улице сообразил, в чем дело. Едва я вышел, дверь за мной поспешно прикрыли, и повесили табличку «Переучет». Соотнес это с тем, что запах был спиртного от сотрудниц, да и глаза у них блестели. Все стало на свои места — они уже начали потихоньку что-то важное в коллективе праздновать, и спешили от меня избавиться, чтобы продолжить. Какая уж тут

лекция, когда водка в организме плещется, и еще хочется добавиться...

Глава 4

г. Москва

Лекция накануне праздника совершенно бессмысленное мероприятие. Завтра же восьмое марта, выходной. Вот сотрудницы и начали уже с обеда гулять. Будем считать, что я их поздравил тем, что смылся побыстрее и дал возможность продолжить.

Удивило, что в универе восьмое марта празднуется как-то скромно. На подарки девчонкам не собирали. Единственное, Ираклий воспользовался опытом нашей агитбригады и организовал из соседей по общежитию небольшую команду для смешной сценки-поздравления. Парни и спели, и сплясали. Девчонкам понравилось. Посмеялся над сценкой вместе со всеми, крикнул «Поздравляем!» и переключился на текущие дела. Занёс Эмме Эдуардовне коробку зефира. Она очень мило улыбнулась и поблагодарила.

*

Москва. Гагаринский райисполком. Кабинет второго секретаря РК КПСС.

— Так не бывает. — недовольным тоном выговаривал второй секретарь посетителю в форме майора милиции. — Там не может не быть нарушений.

— Но, Герман Владленович. Люди отработали. Ничего не нашли. — возразил майор.

— Плохо искали. Пусть ещё раз всё перетрясут.

— Это огромная застроенная территория. — возразил майор. — Десять производственных корпусов, масса пристроек, сараев, гаражей, подвалов, каких-то будок... Знать бы, хотя бы, где искать! А то, это даже не иголка в стоге сена!

— Ну знаете! Знали бы, где искать, к вам бы не обращались. — ответил ему Иван Николаевич, райкомовский работник. — Кто из нас профессионал? Ищите!

Майор кивнул, поджав губы. Спорить было бесполезно... Тем более, что все в кабинете прекрасно знали, как сложно было организовать эту проверку. Майор даже припомнить не мог, когда бы проверке ставили так палки в колеса. Даже когда разрешение удалось получить, каждый шаг на меховой фабрике начальство рассматривало под микроскопом, требуя неукоснительного соблюдения социалистической законности.

Кто-то влиятельный очень не хотел проведения этой проверки, и однозначно, был категорически против того, чтобы она дала результаты. Вот и приходилось ему маневрировать между двумя влиятельными силами. Силу использовать нельзя, любую жалобу на нарушение прав работников грубостью или выкручиванием рук тут же неизбежно раздуют в катастрофу вселенского масштаба. Стать жертвой борьбы двух группировок майор откровенно не хотел, ему еще подполковником нужно стать, прежде чем на пенсию

выходить. Поэтому проверку проводил, но полностью по текущему законодательству. Чтобы придраться к нему не мог никто. Будут результаты — хорошо. Не будут — тоже.

*

Решил заехать к Сатчану, узнать последние новости про фабрику и взнос за квартиру завезти. Лучше я сам куда-нибудь подъеду, чем они с главбухом проверяемой фабрики ко мне домой ходить будут. Да и почта тоже так себе вариант — один раз прокатит, а потом сотрудницы могут что недоброе заподозрить. Никогда не знаешь, когда на наблюдательного человека нарвёшься. Насмотрится сотрудница фильмов про шпионов и позвонит в КГБ, решив, что мы с главбухом шпионы американские.

Позвонил Сатчану от метро. Он пообещал дожидаться меня.

— На фабрике всё ровно. — доложил он, встретив меня в своей приёмной, перерывая бумаги на столе своей бывшей помощницы. — Обещали кого-нибудь прислать, но так и не прислали пока. — сказал он, заметив мой недоумённый взгляд.

— Это хорошо, что всё ровно. Но не расслабляйтесь, — посоветовал я. — Пока милиция на фабрике, все может быть. Я тут подумал. Чтобы такую проверку организовать, считай повторно, и опять с привлечением милиции, это надо хорошие связи иметь. Соперник против вас играет по-крупному и, как я понимаю, круг заинтересованных в фабрике лиц постепенно расширяется. Неплохо бы выяснить, кого они подключили. Чтоб понимать, с кем дело имеете. И после проверки тоже нужно будет минимум пару недель за людьми понаблюдать. Могут кого-то завербовать и задание дать стукануть, если что подозрительное увидит.

— Естественно, выявили уже всех. — сказал второй секретарь и вернулся в свой кабинет, найдя, наконец, нужную бумагу. Положил её у себя на столе и принялся одеваться. — Проводи меня до машины. — попросил он. — Привет из типографии заберёшь.

— Понятно. — усмехнулся я. Ещё с десятков томов дефицитных изданий. — О! Чуть не забыл. — положил я столик перед ним на стол.

Сатчан спрятал его в ящик своего стола и принялся выключать везде свет.

— Мы с женой приглашаем вас с Галией в театр, — вдруг объявил Сатчан, когда мы спускались по лестнице.

От неожиданности споткнулся на ступенях и изумленно посмотрел на него.

— Вот и я так же среагировал, когда Римма это предложила. — рассмеялся он.

— Это Риммы идея? — не поверил я.

— Да. Переживает, что вы про неё плохо думаете.

— Ну... Неожиданно. Спрошу у Галии. Она тоже очень сожалела, что они с твоей женой не нашли общий язык. Позвоню, короче, как узнаю. — пообещал я.

Сатчан кивнул.

В багажнике его машины стояли стопки книг, завернутые в оберточную бумагу и обвязанные пеньковым шпагатом. Сатчан подал мне одну. Сначала она не показалась мне тяжелой. Но пока тащил домой, шпагат, даже через перчатки, больно ладони продавил.

У нас на кухне застал Ирину Леонидовну. Она разговаривала с Галией. Выражение лица у неё было такое несчастное.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил я.

— Иван с Линой объяснился, — вышла ко мне Галия. — Сказал, что всё кончено.

Ирина Леонидовна всхлипнула. Решил не мешать их беседе. Может, человеку выговориться надо.

Прошёл в спальню. Сразу за мной Галия пришла, сказала, что ужин мне сейчас в постель принесет.

— Чудесный сервис. — поблагодарил, когда она принесла мне тарелку с макаронами с сыром и чашку с чаем.

Поужинал, одновременно рассматривая книгу из пачки. Первая книга из серии про Анжелику, Анн и Серж Голон. Вспомнив прочитанный в двадцать первом веке роман, вот просто был уверен, что эта ранняя версия очень сильно пострадала от цензуры. Очень хорошо, подумал я, укладывая книги на антресоли шкафа к остальным моим запасам. Знал бы, не мучился с подарками на восьмое марта. Пусть она даже после цензуры, на эту книжку я смогу выменять все, что угодно.

Курсы сегодня пропустили. Надо бы позаниматься. Решил полистать учебники, пока время есть до прогулки с Тузиком. Но Ирина Леонидовна ушла, и Галия тут же прискакала делиться новостями.

— Иван порвал с Линой, — сказала она. — и страдает теперь.

— Милые бранятся, только тешатся. — отшутился я.

— Ирина Леонидовна тоже этого боится. — поделилась жена. — А она так радовалась, когда они расстались.

— А что так? — заинтересовался я. — Лина ей не нравилась? Вроде, хорошо же всё между ними было.

— Да, соседи разное говорят... А дыма без огня не бывает... — смутилась жена, сама

любительница посплетничать.

— Понятно. — хмыкнул я. Уж не рассказала ли она соседке, как Лина со мной натурой расплатиться пыталась?

— Ирина Леонидовна переживает, что они снова помирятся, и просит познакомить Ивана с кем-нибудь. Я всё думаю, думаю... Никто на ум не приходит. Мои девчонки все при мужьях или встречаются с кем-то.

— А в группе девчонки? Что, все замужем? — не поверил я.

— Нет, но... — Галия замялась. — Как вспомню их ехидные рожи, когда меня на собрании разбирали!.. Не нужны Ивану такие.

— Согласен. Этим злыдням нашего археолога не отдадим.

— А у тебя никого знакомых нет незамужних? — повернулась ко мне жена.

Интересный какой вопрос... От жены... Приятно даже, хороший у меня кредит доверия с ее стороны.

— Слушай, у меня все мои знакомые — это либо одноклассницы бывшие, либо однокурсницы нынешние. — задумчиво ответил я. — Молодые они для Ивана слишком. И вообще. Не уверен, что в таком деле стоит посредничать. Даже если они понравятся друг другу и сойдутся, то потом каждый раз, когда у них будут проблемы в отношениях, придётся с обеих сторон претензии выслушивать за то, что их познакомили. Сначала Иван с бутылкой придет разбираться ко мне, как давеча, а потом его жена с бутылкой к тебе. Сопьемся с такими соседями.

Галия хмыкнула и улыбнулась. Вскоре пришёл Родька, и мы ушли с ним на улицу. Поиграли с собакой, побегали, и думать забыл про новую невесту для Ивана.

Но, когда ложились уже спать, Галия вдруг вспомнила, какой замечательный пирог сегодня Ксюша принесла к общему столу в честь восьмого марта.

— Такой красивый! Как плетёная корзинка. А вкусный! С вишней...

— Слушай. А Ксюше твоей сколько лет? Она замужем? — вспомнил я эту рыжую девчонку.

— Была замужем. Двадцать восемь ей, кажется.

— Так может, её с Иваном познакомить?

— Ты ж говорил, нельзя посредничать...

— А мы так устроим, что они не поймут, что мы их специально познакомили. Пригласим её, как твою начальницу, на какой-нибудь семейный праздник, пригласим его, как соседа. Мы

их только пригласим и познакомим, а дальше пусть сами. Можно и не домой пригласить, а куда-нибудь в кино или театр, типа, билеты пропадают... О! Чуть не забыл. — вспомнил я. — Ты не хочешь в театр сходить?

— Спрашиваешь! Конечно! Театр я люблю.

— Сатчаны приглашают... — произнес я, с удовольствием наблюдая, как округляются глазищи жены.

— Серьёзно? — удивилась Галия. — И что, ты согласился?

— Нет. Сказал, что с тобой посоветуюсь.

— И что, пойдём?

— А сама ты как хочешь? Как скажешь, так и будет.

— Тогда, соглашайся. — сосредоточенно глядя на меня, решила жена. — Римма же извинилась, наверное, помириться хочет. Это её накрутила помощница Павла, вот она и устроила на его дне рождения концерт по заявкам. Я ещё тогда подумала, как это Сатчана угораздило на такой мегере жениться? Он же неплохо в людях разбирается... Давай, сходим. Вот и посмотрим, какая у него жена на самом деле.

— Хорошо, тогда позвоню ему. — притянул я её к себе и поцеловал. — Скажу, что мы согласны. И, в конце концов, мы всегда сможем встать и уйти, если нам что-то не понравится.

— Надеюсь, в этот раз всё будет хорошо. — улыбнулась жена.

Отзвонился Сатчану, сообщил ему о нашем с женой решении. Он предложил сразу завтра и сводить девчонок в театр в честь праздника. А что, хорошая идея.

Восьмого марта с утра встал пораньше. Сбегал на рынок, выбрал три веточки мимозы попышнее и, когда жена проснулась, я подарил ей цветы, колготки, ночнушку с рюшками, зефирки в яркой коробке и книгу про Анжелику.

Галия была в полном восторге и небольшом смущении. Явно не ожидала такого размаха. Люблю такие моменты.

Часов в одиннадцать заявили Родька с дедом поздравлять Галию. Подарили ей вафельный торт «Полярный». Естественно, мы посадили их сразу пить чай с этим тортиком, зефирками и прочими конфетами. Договорились, что малый выгуляет пса, пока мы в театре будем.

Позвонил Фирдаус, сказал, что они с Дианой подъедут в течение часа. Пока появилось небольшое окно, сбегал поздравил Анну Аркадьевну и Ирину Леонидовну.

Потом набрал отца, уточнил, какие у них с Кирой планы на сегодняшний день? Он сказал,

что к часу они ждут у себя Эль Хажжей.

Очень интересно. Значит, они от нас собираются к отцу. Фирдаус, наверняка, на машине. Сказал отцу, что мы с женой с ними приедем. Очень удачно получится. Не надо будет общественным транспортом добираться.

Вскоре приехали Фирдаус с Дианой. Пригласили их на кухню. Родьку дед домой утащил, видя, что у нас родня собирается. Фирдаус вручил Галие букет мимозы и импортную квадратную шоколадку.

— Мы доедем с вами до отца? — спросил я Фирдауса. — Киру поздравим.

— Конечно. — кивнул он.

— Что нового? — спросил я сестру, вручая ей колготки и томик Анн и Серж Голон. — Писал кто из наших? Какие у кого новости?

— Света Герасимович пишет чаще всех. Скоро собирается опять в Москву. — ответила Диана. — Лёша хочет её со своими родителями на дне рождения познакомить.

— Да. Это я знаю. А про Мишку что слышно?

— Ничего. Всё нормально. Они часто видятся. А! Он Светке рассказывал, что со Славкой виделся в Святославле.

— Как он?

— Водителем у командира нашей части пристроился. Дома бывает чуть не каждый день. Вот уж не думала, что Комарцев такой проныра окажется. — поделилась сестра, не скрывая своего удивления. — А тебе пишет кто?

Ну, про Славку я все знал. Диана меня ничем не удивила.

— Юлька Вабищевич написала как-то. — ответил я. — У неё ребёнок маленький, мама далеко, всё сама, везде одна... Писать особо некогда.

— А муж?

— На работе целыми днями. — пожал я плечами.

— А куда они уехали?

— В Набережные Челны.

— Далеко... — проговорила сочувственно Диана. — Как она одна с ребёнком справляется?

— Как-то справляется... Мы познакомили их с роднёй отца Галии. Они помогли ей на

работу устроиться в школу. Помогают, подсказывают...

— Молодцы. — взглянула она на меня с уважением.

К часу все вместе поехали на волге Фирдауса к отцу. У Киры, как всегда, был накрыт целый праздничный стол. Аль Хажжи подарили ей цветы и какую-то большую яркую коробку. А я вручил ей колготки с томиком Анжелики. Да, та проверка в типографии оказалась золотым дном с точки зрения возможности дарить подарки. Сколько времени я теперь могу экономить, что раньше тратил на их поиски!

*

Подмосковная дача директора фабрики музыкальных инструментов.

Ираклий напросился к родственнице поздравить её с восьмым марта, а на самом деле он хотел переговорить с её мужем, директором одной из московских фабрик.

Он очень рассчитывал на это знакомство и хотел бы больше времени проводить с дядей Дато, проявить себя, как полезного и верного помощника на будущее. Он специально звал его дядя Дато, чтобы тот привык к мысли, что Ираклий его близкий родственник, хотя это было, конечно, не так.

К счастью, Дато Шенгелия импонировала лояльность и преданность Ираклия, он с удовольствием привечал парня в своём доме, тем более, что парень родственник жены.

Поздравив тётю Нону и вручив ей веточку мимозы и коробку дорогих шоколадных конфет, Ираклий очень скоро оказался рядом с «дядей» Дато.

— Ну, как учёба? — поинтересовался тот.

— Хорошо. По комсомольской линии удалось влезть в Агитбригаду, выступал уже на ЗИЛе. Хочу попробовать в Комсомольский прожектор ещё пролезть. Не знаю только, как поступить... — вопросительно взглянул Ираклий на дядю. — В группе учиться у нас парень один, Пашка Ивлев. Какой-то очень крученный, и преподаватели глаза закрывают, когда он пары пропускает. И замдекана по науке за ним хвостом ходит. Он лекции читает от общества «Знание» по предприятиям. Представляешь? А тут еще, узнал случайно, что его в Будапешт отправляли учиться на полгода, а он отказался.

— Даже так? — удивился выдавший виды дядя.

— Его лично второй секретарь райкома комсомола знает, Пашка к нему на «ты» обращается, я сам слышал. Секретарь комсомольской организации ЗИЛа с Пашкой за руку при мне здоровался. Представляешь такого первокурсника?

Дядя многозначительно покивал головой, мол, да, интересно, и подумал, что у него, конечно, своих полезных знакомых хватает, но ещё один лишним не будет. Тем более, что этот парень только на первом курсе. А что будет лет через десять тогда?

— Хочу с ним подружиться. — откровенно признался Ираклий. — Но не знаю, что такого человека заинтересовать может?

— Летний отдых в Батуми. — хитро посмотрел на Ираклия дядька. — Ещё никто ни разу не отказался.

— Правда? — задумался Ираклий. — А как предложить? Ни с того, ни с сего?

— Нет, конечно. — покровительственным тоном ответил Дато. — Тонко такие дела надо делать... Говоришь, лекции читает от общества «Знание»... Ну так давай устроим ему лекцию у меня на фабрике, чтобы познакомиться. Как его фамилия?

— Ивлев. Павел.

— Ты тоже там «случайно окажешься», как будто помогаешь мне после учёбы. Якобы зайдешь на лекцию, с ним встретишься, познакомишь со мной. А там я лучшего друга своего племянника на дачу приглашу, в баньке все вместе посидим, про Батуми заговорим... Всё будет в лучшем виде, племянник! — задорно подмигнул Ираклию Дато.

*

Глава 5

г. Москва

Мы с Галией посидели не очень долго, сославшись на то, что нам ещё в театр сегодня идти. А Диана с Фирдаусом остались.

Приехали домой на такси. До театра оставалось время, прилегли отдохнуть, а в пять часов начали собираться. Сатчан пригласил нас в драмтеатр на спектакль «Валентин и Валентина». Прокомментировал свой выбор тем, что там про молодёжь, должно быть интересно.

Мы встретились у театра. Римма, краснея и смущаясь, попросила забыть, что она наговорила нам на дне рождения. Оценил этот её поступок. Не каждый умеет ошибки признавать.

Галия улыбалась смущённо.

— Кто старое помянет, тому глаз вон. — быстренько закрыл я тему. — Пошли внутрь. Может в буфет ещё успеем.

— Он только в антракте работает. — рассмеялся Павел и провёл нас через контроль.

Объяснения в самом начале хватило, чтобы все расслабились и дальше спокойно общались. Спектакль, на мой взгляд, скучноват. Двое любят друг друга, но их родители против. Но, может, нам сейчас и надо что-то такое, спокойное и умиротворяющее. В антракте пошли в буфет, выпили по чуть-чуть с тостом «за дружбу». Поболтали, посмеялись. Всё было очень

мирно и дружелюбно, прямо душа радовалась.

После второй части не спеша получили свои пальто, сдали бинокли и вышли на улицу.

— С почином. — шепнул мне Сатчан, пожимая руку и прощаясь.

— Да уж. Томагавки, вроде, зарыли. — усмехнулся я.

Девчонки мило поулыбались друг другу на прощанье. Ещё не подруги, но уже и не соперницы.

*

МГУ. Кабинет замдекана по науке.

Кротов задумчиво молчал. Коллеги уставившись на него, ждали, что он скажет.

— Приглашение именное. — добавила к уже выше сказанному Эмма Эдуардовна. — Никого другого, кроме Ивлева, мы отправить, всё равно не сможем.

— А если он опять откажется? — взглянул Кротов на Эмму Эдуардовну.

— Не предложим, не узнаем. — раздражённо сказал Зудинов. — Что тут обсуждать, вообще?

— Конференция это же не целый семестр, — вступила опять в полемику Эмма Эдуардовна. — это всего неделя. Какой резон ему отказываться?

Пожалуй, она права. — подумал Кротов. — Вот, и выясним, правду он нам сказал, что отказывается от Будапешта из-за беременности жены. Или там что-то другое. Хотя опытный подполковник пока и представить себе не мог, что же это такое может быть. Обычно у народа куча причин, чтобы ехать. Приобщиться к загранице, дефицита накупить, хвастаться потом всю жизнь. Но не наоборот. Может, и правда, дело в беременности жены?

— Не тяните тогда с беседой. — кивнул Кротов Эмме Эдуардовне.

*

После пар в четверг Константин Сергеевич отправил меня с лекцией в автобусный парк. Говорили о дотациях государства на общественный транспорт и об отличиях в подходе к нему «у нас» и «у них». Меня немного разозлило высказывание молодого водителя рейсового автобуса после лекции, что «у них» всё равно всё лучше. Прямо удивительно, парень как будто не в СССР живет. Не знает, что ли, в какой организации его скоро обсуждать будут? Или уверен, что ниже этой работы ему ничего не грозит?

— Ну, что именно лучше? — спросил я его. — Вещи? Обувь? Бытовая техника?

— А разве нет? — дерзко спросил он меня.

— А вы смотрите глубже! — посоветовал я. — Какую часть вашей жизни занимают вещи, обувь и техника? Ничтожно малую. Но почему вам кажется, что они так важны? Да потому, что потребности во всех остальных сферах вашей жизни закрыты. Вы не задумываетесь о том, где вам работать, и будет ли у вас завтра работа. Вы не задумываетесь о том, на какие деньги выучить детей. Вы не думаете, как заработать на квартиру и на стоматолога. А «там» они об этом думают. У них голова занята не новой шмоткой, а где взять денег на лекарства и отопление квартиры.

Парень пытался спорить, но я быстро поставил его на место, рассказав о стоимости на услуги медицины и недвижимость за рубежом. А также про налоги. Все впечатлились.

— Короче, граждане. Везде хорошо, где нас нет. — закончил я своё выступление.

Местный комсорг, присутствовавший на лекции, долго тряс мне руку, когда мы с ним отошли в сторону.

— Ну, ты силён! — восхищался он. — Как ты их!.. А это всё правда?

— Правда. — с сожалением усмехнулся я. Уж если комсорг сомневается, то простые работяги тем более. Пока сами капитализма не хлебнут, не поверят. Ничего, в 90-х поверят всему, что сейчас рассказал, со всей душой!

Зато стало понятно, почему тот водила так осмелел. Этот комсорг мышей не ловит, однозначно. Впрочем, не думаю, что он долго на этой должности задержится. Кто-то все же куда следует стуканет, и будет у них новый комсорг.

В пятницу меня вызвала Эмма Эдуардовна и огорошила тем, что мне в конце марта надо будет ехать в ГДР на конференцию. Ничего себе! Сначала та тетка из Венгрии «выстрелила» приглашением, а теперь, похоже, и тот старичок из ГДР.

— Никакие возражения не принимаются. — строго глядя мне в глаза, заявила замдекана.

Да я и не собирался возражать. Конференция это интересно. Почему не съездить, тем более, если так настойчиво просят.

— А куда надо ехать? — деловито спросил ее.

Поняв, что в этот раз я ее планы не сорву, Эмма Эдуардовна облегченно выдохнула, и ответила:

— Ростокский университет.

О, а я даже знаю, где это! Был я там как-то, в 2010 году. Друг мой в Германию переехал, по еврейской линии. Сам он не еврей, а вот жена таки да, и этого вполне хватило. Гостил у них неделю, в их социальном жилье, выданном за счет государства. На пляж меня возили, крупнейший в Германии курорт там у них, Варнемюнде. Чертовски любопытно, как он сейчас выглядит, в 1970-х. Эх, жаль, что Галию все равно взять с собой не дадут!

Освободившись после пар, поехал к Сатчану узнать последние новости по фабрике и вообще.

*

Москва. Гагаринский райисполком. Кабинет второго секретаря РК КПСС.

Герман Владленович был мрачнее тучи, выслушав доклад майора Терещенко о результатах проверки меховой фабрики, точнее, об их отсутствии.

— Я предупреждал, что это бестолковое занятие без конкретных сведений. — поспешил добавить майор.

— Если бы у вас в отделе служили профессионалы, результат был бы. — процедил второй секретарь.

— Нет. — почувствовав, что на него вот-вот повесят всех собак, возразил майор. — Так эти дела не делаются. Мы и так зашли на фабрику без повода. А был бы хороший сигнал, мы уже давно всё раскрыли бы. Такие дела изнутри начинают раскручивать.

— Так, начинайте! — потребовал Герман Владленович.

— Для серьёзной разработки нужен повод. А его как не было, так и нет. Будет повод, будет нужный вам результат. Сейчас здесь больше ничего сделать нельзя. Я вынужден отозвать людей с фабрики.

— От вас никакого толку! — раздражённо ответил хозяин кабинета — Всё самому надо делать!

*

Из райкома ушёл быстро. Никаких особых событий не произошло, мы просто перекинулись с Сатчаном парой слов, и я поехал на курсы вождения. Сегодня пропускать никак нельзя. Промежуточный внутренний экзамен. Пугали, что к вождению будут допускать, только при сданных экзаменах по теоретическому курсу.

На экзаменах присутствовало всё начальство. Запускали по пять человек. Екобс нервничал. Попросил его запустить нас с женой в первой пятёрке. Что тянуть кота за хвост? Если знаем, сдадим, и будет у нас свободный вечер. А не знаем, так и нечего агонию растягивать.

Мы сдали. Пропустили двоих отличников вперёд. Потом пошла Галя. Хотел сам видеть, как она будет сдавать, мало ли что.

Галя занервничала перед комиссией. Встал и нахально пересел на первую парту, ближайшую к ним. Директор автошколы удивлённо взглянул на меня, но ничего не сказал.

— Спокойно. Я рядом. — сказал жене. Галя взглянула на меня и кивнула.

Она сумела успокоиться и взять себя в руки. Вытянула билет и ответила на все вопросы. Директор попросил её обосновать выбор ответа сначала на первый вопрос, затем на второй. Галия, немного запинаясь, отвечала, иногда оборачиваясь на меня. Я кивал головой одобрительно, хотя не знал, что она собирается сказать. Главное, морально поддержать, чтобы она не растерялась и не засомневалась в себе.

Как сам ответил, не особо запомнил, за себя не волновался, отстрелялся и ушел. Мы оба сдали. Сдали хорошо, даже снижающих баллов не было.

Возле метро купили с женой маленький тортик, весь усыпанный орешками. Себя надо поощрять за успех. Мы сегодня молодцы.

Едва пришли домой, раздался звонок от Сатчана. Недавно же виделись... Что-то случилось?

Сатчан, пытаясь шифроваться, сообщил мне по телефону радостную новость.

— Елена Викторовна проводила своих гостей. — многозначительно сказал он.

— Всё? Они совсем уехали? — удивился я. — Так быстро?

— Ну, не так и быстро. Неделю-то они погостили.

— Хорошо. Я все понял. До свидания. — попрощался, чтобы не развивать дальше этот разговор. Мало ли кто его слушает, а вдруг Сатчан осмелеет и начнет прямым текстом говорить. У него сейчас эйфория, она сдержанности не способствует.

Слишком всё просто. Слишком легко... Что-то мне не верится в это...

Но тут постучал в дверь Родька, и мы с ним повели пса на улицу. Они бегали по двору, я тоже наворачивал круги, тренируясь, погода была не очень холодная. Все плохие мысли из головы у меня улетучились.

На обратном пути, проводив Родьку до подъезда, столкнулся во дворе с Линой. Поздоровался с ней, как обычно, а в ответ услышал едкое шипение.

— Не понял? — остановился и повернулся к ней я. — Ты чего?

— Ничего! Иван меня послал!

— А я тут причём? — усмехнулся, подумав о пресловутой женской логике.

— А что ты за меня не заступился, когда он к тебе приходил?

Ничего себе заявочка! Это я ещё и виноват? Нет, дорогая, переложить свою вину на меня у тебя не получится.

— Ну, во-первых, я не адвокат. — спокойно сказал я. — А во-вторых, Иван взрослый

мужчина и сам решения принимает, если ты не заметила.

— Скажи ещё, что он ни тебя, ни мамочку свою не слушает! — с досадой ответила Лина, развернувшись и пошла в подъезд с гордо поднятой головой.

Наверное, думала, что продолжит со мной свой спор перед лифтом. А я взял и прошёл мимо неё на лестницу. О чём с ней разговаривать? Какая она белая и пушистая, а кругом нее одни злые люди? А не пробовала она не крутить любовь одновременно с разными мужиками, чтобы все попроще было? Но ей об этом говорить совершенно бесполезно...

В выходные решили навестить бабушек, поздравить с прошедшим восьмым марта и вообще, давно не виделись.

Приехали не самым ранним автобусом, часам к одиннадцати. Ещё когда к дому подходили, подумал, что дед Трофим с домом что-то сделал, не так, как раньше выглядит. Но быстро переключился на своих. Зима в этом году снежная, улицу хорошо чистят, но отвалом перегораживают доступ к воротам. Бабушки сегодня еще не выходили и нам с женой пришлось по колено в снегу пробираться к нашей калитке.

Бабушки нам обрадовались, давай сразу стол накрывать, как будто мы с голодного края приехали. А мы им гостинцы привезли. Зефир и пастилу на восьмое марта и две баночки кальмаров натуральных. Это мне в последних «Дарах природы» заведующая шесть баночек сунула, чтобы я им праздновать не мешал.

Бабушки решили сегодня, по случаю нашего приезда, устроить вечером сабантуй и принялись за пирожки.

— Эх, знал бы, винца какого-нибудь вам привёз. — вздохнул я.

— Мы приличный запас своего покрепче имеем, нет нужды, — хмыкнула Никифоровна.

Галия присоединилась к бабушкам на кухне. А я переоделся и пошёл чистить снег. Сначала во дворе у дома ковырялся, постепенно смещаясь к улице. Потом выбрался за ворота и принялся откидывать многодневный отвал.

Махал лопатой уже прилично по времени, решил постоять немного, отдышаться. Тут опять взгляд упал на дом Трофима. Что же изменилось? Стоял, стоял, вспоминал, вспоминал... Догадался! Крыши над крыльцом нет. Да и самого крыльца нет...

Подошёл поближе к дороге... Перед входной дверью Трофима сугроб здоровенный... Ерунда какая-то. Перешел через дорогу, смотрю, ничего понять не могу. Снежный отвал от бульдозера не тронут, и во дворе до самого дома девственная снежная целина. Где Трофим-то? Не помер часом?

Обеспокоенный, я полез через отвал к дому старого. Подойдя чуть ближе, увидел его в маленьком окне деревенской избушки. Он махал мне рукой. Жив, значит, дед. Ускорился и подошёл к окну. Слышно ничего не было, но он активно показывал мне на входную дверь.

Подойдя, не сразу понял, что она у него наружу открывается. Только когда он начал пытаться её открыть, услышал стук, дверь упиралась во что-то деревянное. Подойдя к двери ближе, услышал голос деда.

— Крыльцо вчера сорвало! — кричал он из-за двери. — Выйти вторые сутки не могу, дверь не открывается.

О, господи! Полез через сугроб к двери, а это не сугроб, это доски, брёвна снегом засыпанные, всё, что от крыльца осталось. Начал растаскивать, оттаскивать в сторону. Вскоре дед уже дверь приоткрыть смог и протиснулся в щель.

— Слава богу, ты пришёл! — возбужденно говорил он. — Я уж сидел, сидел, ждал, ждал. Ну, думаю, придется вторую раму из окна вынимать, через окно выбираться.

— А что ж сутки ждал? Давно бы вынул. — спросил я.

— Да я их уж лет пять не вынимал, может больше... — махнул рукой сосед. — И красил еще в прошлом году, не снимая. Там все так краской прихватилось, что побоялся, что стекла треснут, если силой отрывать.

Доски, брёвна я убрал. Принёс свою лопату, которую бросил у наших ворот, и почистил у деда ступеньки и дорожку к калитке.

Он попросил меня помочь ему крыльцо восстановить.

— А то снега если много наметет, может дверь не открыться. — объяснил он.

— Как его вообще оторвало? — удивлялся я.

— Снег с крыши пошёл разом со всего ската. А у него вес, знаешь какой?! — зябко поежился старый.

— А ты печь-то топил? — спросил я.

— Да где там, дрова-то в сарае. Я ж говорю, уже инструменты искал, чем окно разбирать. Так-то у меня все инструменты в мастерской...

— Давай-ка к нам быстро. — скомандовал я. — Согреешься, потом всё остальное.

Бабушки как услышали, что дед сутки в нетопленной хате просидел, поначалу в шоке были. А потом начали как две наседки над ним квохтать. Таз ему с горячей водой сразу у печки поставили ноги согреть. Дед сидел спиной к печи, ноги в тазу с горячей водой, в руках большая чашка с горячим чаем. И на лице его постепенно расплывалась блаженная улыбка.

Когда уже он согрелся и поел горячего, мы стали анализировать произошедшее. Как так получилось, что никто деда сутки не хватился?

— Вечером сегодня мы бы его хватились. — уверенно сказала Никифоровна. — Как это так: Трофим на пироги не пришёл?

— Он бы замерз до вечера. — возразил я.

— Да не... Расковырял бы чем-нибудь вторую раму. — ответил дед. — Разбил бы стекло, черт уж с ним, на худой конец.

— Ну, хорошо, что хорошо кончается. — подвела итог бабушка. — Даже окна бить не пришлось.

Но, на самом деле, все были под впечатлением от произошедшего. Зимой шутки плохи...

Пошли с отогревшимся дедом к нему, посмотрели, с чего начать. Посоветовал ему угол наклона изменить у крыши крыльца, покруче сделать.

— Может, следующий раз выдержит, когда снег сразу весь с крыши поедет.

Стойки крыльца быстро подняли и закрепили, а с крышей повозились. Всё хотелось её понадежней закрепить.

Зашивать крышу решили завтра. А то пока мы копались, темнеть начало.

— С боков-то я сам обошью. — рассуждал вслух дед, когда мы шли к нам. — Встану завтра пораньше и обошью. А на крыше мне одному не справиться.

— Я помогу, не переживай! У нас завтра еще целый день будет.

Наши натопили хату посильнее, понимая, что мы с дедом весь день на морозе провели. Позволил себе пять капель под тушеную картошку с мясом, чтобы расслабиться после напряженного дня. Бабушки и Трофим затыкнули «Ой, мороз, мороз...». И так мне хорошо у печки стало, что не заметил, как задремал.

А приснилась мне, ни много, ни мало, меховая фабрика. Цех снился скорняжный, помню, это там, где шкуры в готовые изделия собирают. Не запомнил, что конкретно, помнил только, что опасность там какая-то...

Жизнь меня научила, что своим снам, как и предчувствию, надо доверять. Нельзя сейчас производство левое запускать, ох, спинным мозгом чую, нельзя. В понедельник буду с Сатчаном встречаться, попробую его в этом убедить. Так-то он мне обещал, но опыт свидетельствует, что в ожидании проверки все очень податливые и на все готовые, чтобы она прошла благополучно. А вот после того, как она уйдет...

Глава 6

12.03.1972 г. Подмосковье. Деревня Коростово.

В воскресенье мы с Трофимом довольно быстро зашили крышу. Но старый шифер раскололся. Пришлось повозиться с новым куском, который пришлось подгонять. Как это сделать без болгарки, я понятия не имел. Но старый показал мне интересный способ. Он гвоздём пробил по линии отреза множество отверстий, а потом, приложив брусок, отломил лишний кусок. Всё гениальное просто.

До обеда мы управились. Дед остался дошивать боковины. Послал меня отдыхать уже категорически, сказал, что погода хорошая, и ему самому в радость немного поработать. И я вернулся к нам. Вчерашний сон не давал покоя. Не хотелось ждать до понедельника, лучше встретиться с Сатчаном сегодня. А то завтра прямо с утра начнут производство левака, и, пока я доберусь до Сатчана, уже успеют всю схему засветить, если менты кого-то на месте оставили.

Объявил своим, что надо возвратиться в Москву пораньше. Вернувшись, набрал Сатчана, сказал, что подъеду, мол, есть один разговор. Но он сказал, что приедет сейчас сам, у него терпения не хватит ждать, пока я на метро до него доберусь. Мне не хотелось лишней раз тревожить жену. Договорились, что я выйду к нему, поговорим в машине.

Минут через тридцать во дворе посигналили.

— Что случилось? — набросился он на меня, когда я подсел к нему на пассажирское сиденье.

— Нельзя завтра возобновлять параллельное производство. — без обиняков ответил ему я.

— Почему? — разочарованно спросил он.

Ну вот как и знал — все обещания забыты. Жажда наживы все перед глазами застит...

— Слишком легко проверку прошли... Так не бывает, учитывая, что проверку конкуренты прислали... Помяни моё слово! Они просто тактику сменили.

— Да что ты выдумываешь! Какую тактику?!

— Не знаю! Просто, жопой чую... Что-то не то... Нельзя сейчас возобновлять параллельный поток.

— И как я, по-твоему, это должен объяснить своим? — раздраженно спросил Павел.

— Мерами предусмотрительности и собственной безопасности. — пожал я плечами. — И Елене Викторовне подскажи, чтобы у неё производственные показатели не сильно отличались в аналогичных периодах. Чтоб всё ровно было...

— Параноик. — недовольно ответил мне Сатчан.

— Пац, ты зря думаешь, что всё закончилось. — серьёзно сказал я. — Всё только начинается. Ты же не думаешь, что Самедов и компания так легко отступятся? Утрутся и

забудут?

— Я понял. — резко вскинул он на меня недовольный взгляд. — Попробую донести твою позицию. На сколько надо отложить параллельный выпуск? На неделю хватит?

— Откуда я знаю? — пожал я плечами. — Давай, пока, на две. А там посмотрим.

— Две недели!.. Мне нужны убедительные аргументы. — недовольно сказал он.

— А «бережёного бог бережёт» не аргумент? — усмехнулся я. — Это шахматная партия, понимаешь? Чтобы сделать ход, надо дождаться своей очереди, а мы её ещё не дождались: мы не знаем, что они предприняли.

— Ладно, я понял. — устало ответил Сатчан. Мы попрощались, и он уехал.

Ну, я сделал, всё что мог. Теперь им только собственная жадность угрожает.

В понедельник Лёха напомнил, что у него в воскресенье день рождения, и что он привезет Свету утром в субботу к нам.

— Она билеты взяла заранее, — докладывал он. — и туда и обратно.

— Хорошо, хорошо. Привози, конечно. — подтвердил я, что все наши договоренности в силе. Как у них всё серьёзно, однако. На Новый год только познакомились, а уже такие планы далеко идущие. — Что мама-то твоя, уже привыкла, что она москвичка?

— Ну как тебе сказать?.. Пока ещё не особо. Она только работу поменяла, в Москву из Загорска перевелась, психует, что на дорогу до работы и домой много времени уходит.

— Вот как? А она раньше не знала, что это неотъемлемая часть жизни москвичей? — рассмеялся я.

— Ну может слышала, но не представляла себе, что это такое: полтора-два часа в одну сторону. — усмехнулся Лёха. — Удивляется сейчас, как я ездил полгода из Загорска в Москву учиться?

— Вот. Всё только на своей шкуре познаётся. — подвёл итог я.

Через четверг у нашей агитбригады очередное выступление на ЗИЛе. Наши опять начали оставаться после пар на репетиции. Предупредил всех, что по вторникам и четвергам надолго оставаться не могу, у меня лекции. Предложил оптимальней использовать большой перерыв между парами. Ираклий поддержал меня, он, оказывается, тоже ездит пару раз в неделю на работу после пар.

После репетиции до курсов у меня оставалось ещё время, заехал к Сатчану, узнать, что они решили?

— Ты знаешь, — удивлённо сказал Павел. — А меня поддержали, только я рот открыл про то, что это не конец и надо тормознуть с параллельным выпуском.

— Ну вот видишь. — удовлетворенно откинулся я на стуле. — Теперь у нас есть время спокойно подумать и оценить ситуацию.

— И как мы будем ее оценивать? — заинтересованно наклонился он ко мне.

— А никак. — усмехнулся я. — Знаешь, как китайцы говорят, если долго сидеть на берегу реки, то рано или поздно мимо проплывет труп твоего врага.

— Не понял.

— Будем сидеть на попе ровно и ждать, когда что-нибудь произойдёт. Может, кто-то на чём-то спалится. Надо обращать внимание на всё подозрительное и необычное.

Проинструктируйте всех: если вам показалось, что что-то не так, значит, что-то не так. Обращать внимание на всё! На любой пустяк. Бумаги лежат не так, как их оставили или замок на двери на два оборота закрыт, тогда как его на одном обороте оставляли и так далее.

— Понял. — кивнул головой Павел.

— Тогда я пошёл. У меня еще курсы вождения сегодня.

Он протянул мне руку, мы попрощались, и я покинул кабинет второго секретаря. Только выйдя, обратил внимание на его новую помощницу. Тётеньке было конкретно под пятьдесят, маленькая, полноватая и внимательная. Проводила меня строгим взглядом поверх очков.

— До свидания. — сказал ей, с трудом сдерживая улыбку. Молодец Сатчан! Сделал работу над ошибками.

На курсы приехал немного раньше Галии.

А у нас переполох. Врачи приехали.

— А что происходит? — спросил я Екобса, стоящего в сторонке и спокойно наблюдающего, как медики оккупируют аудиторию и делят её между собой.

— Медкомиссия сегодня. — как ни в чём ни бывало ответил он.

Не понял. Это как? Прямо тут нас всех осматривать будут? — ошарашенно наблюдал я, как окулист вывешивает свою таблицу на доске.

Вышел в коридор и решил предупредить Галию заранее.

Она появилась очень скоро.

— У нас сегодня медкомиссия. — встретив её, сказал я. — Не говори им, что беременна.

По очереди мы переходили от доктора к доктору. Нам проверили зрение, слух. Среди докторов были ещё, как я понял, невропатолог и терапевт. Никто не спрашивал с нас справки из психдиспансера или наркодиспансера, осмотр проводился в присутствии всех остальных. Ни о каком соблюдении врачебной тайны и речи не было. Шустрая медсестра резво наклеивала на бланки справок наши фотографии, сданные еще при оформлении на курсы.

Весь процесс был отлажен и занял не более полутора часов. К концу вечера у нас у всех были на руках медсправки. Пришёл инструктор по вождению. Нам объявили, что начинается занятие на автомобиле. Заниматься будем не все сразу и надо разделиться на подгруппы по пять человек.

Вождение по часу в день на площадке автошколы. Машина всего одна, поэтому и разделились, чтобы не стоять долго на улице, ожидая своей очереди попасть в кабину. Не май месяц.

— Может, мы объединимся с какой-нибудь группой и будем приезжать через день, но на два часа? — отозвал я в сторонку Екобса. — День мы два часа занимаем, следующий день вторая группа. А то, если один час всего заниматься, на дорогу времени будет больше тратиться, чем на занятия.

Екобс кивнул и сам поговорил с водилой по поводу моего предложения. Тот пожал плечами нейтрально, типа, мне всё равно. Екобс включил в нашу группу еще троих ребят, с которыми мы в первой пятёрке на внутренний экзамен пошли. Вторую группу тоже сам назначил. Остальные разбивались на группы сами.

Отдали списки групп водиле, они с Екобсом быстренько проставили, с какого времени по каким дням каждая группа занимается. Помня, что у меня вторник и четверг заняты работой, Екобс поставил мою группу на понедельник, среду, пятницу. Пятница не каждую неделю, а через раз. Вообще классно. На этом нас отпустили по домам.

Шли домой с женой от метро не спеша, подморозило слегка, стало скользко. Не хотелось бы, чтобы Галия поскользнулась. Обсуждали начало вождения, жена цепко держалась за меня, отлично понимая, что в её положении дёргаться никак нельзя.

Только завернули во двор, из нашего подъезда вышла Лина с новым мужиком. Она также крепко вцепилась в него, как и моя жена в меня. Вот, ведь, неугомная... Идя нам навстречу, она сделала воинственное лицо, прямо амазонка. Хотел молча пройти мимо, но не сдержался:

— Добрый вечер, Лина. — ехидно улыбнулся и кивнул на ходу и ей, и её новому мужчине. — Это дядя или брат? — и, не дожидаясь ответа, добавил: — Какая же у тебя семья большая!

Лина что-то фыркнула и прошла мимо, увлекая за собой мужика, недоуменно оглядывающегося на нас.

— Ты чего?! — возмущенно спросила Галия. — Зачем ты так?

— А я тебе не рассказывал? — открыл я перед женой дверь подъезда. — Она мне на днях тут высказала претензии, что не заступился за неё, когда Иван советоваться приходил.

— А откуда она знает, что он к тебе советоваться приходил? — удивилась в свою очередь Галя.

— Кстати да. Откуда? — сообразил я. Небось, сам Иван и рассказал, чтобы было удобнее свой отказ обосновать. Тоже еще. Как ребенок прямо. Ответственность обязательно надо с кем-то разделить. — Ой, ну их...

Поднялись к себе на этаж, а у нас записка в дверях. Николай из девяносто восьмой квартиры просит зайти.

— Иди, узнай, что там стряслось, пока я ужином занимаюсь. — предложила жена.

Разделся и пошёл наверх. Капитан был слегка навеселе, увидев меня, обрадовался и распахнул дверь, приглашая меня войти. У него на кухне сидел гость за аскетичным, по-мужски накрытым столом. Познакомились. Мужики отмечали встречу, учились когда-то вместе. Игорь в Москве проездом. Тоже ходит в загранку. Приехал с Владивостока.

— У меня задание от сослуживцев, — объяснил мне Игорь. — посетить московскую «Берёзку».

— И? Причём тут я? — с какого перепугу они ко мне с таким вопросом обращаются. — В портовых городах должны же быть свои магазины вроде, специально для вашего брата с валютой.

— Ты что, валюту всю отбирают. — возразил мне Николай. — У нас чеки.

— И у нас считают, что в Москве снабжение лучше. — добавил Игорь.

— Вы же себе что угодно привезти можете, зачем вам «Берёзка»? — я никак не мог уловить суть проблемы.

— Не всю валюту за границей можно потратить. — пояснил Николай. — Командировочные за обратный путь уже нигде не потратишь. Их на чеки меняют по прибытии в родной порт и в специальных магазинах отоваривают.

— Хорошо, а от меня что требуется? — всё не мог взять в толк я.

— Адрес «Берёзки» нужен! — объяснил, наконец, Игорь.

— А ты что, не знаешь? — взглянул я на Николая.

— Откуда? Я не москвич.

— Здравствуйте, приехали... — удивился я. — А квартира чья?

— Мамы с папой. — подмигнул мне Николай с таким хитрым видом, что я не удержался и рассмеялся. Не сомневался, что он ещё тот жучила.

— Был я как-то в «Берёзке»... — проговорил я. — Но меня туда возили, адрес даже близко не пытался запоминать. Мне надо звонок сделать. Узнаю адрес и приду, ладно?

— Давай! Мы тебя ждём! — Николай показал рукой на начатую бутылку виски на столе.

Галия хлопотала у плиты.

— Ещё пять минут! — крикнула она мне с кухни.

Тогда позвоню пока Фирдаусу. Набрал номер и стал ждать. А трубку всё не берут и не берут. Где Эль Хажжей носит? Наконец, Фирдаус ответил.

— Слушаю. — сказал он то ли нервно, то ли расстроено.

— Привет. Это Павел Ивлев. — представился я и услышал возмущенный женский голос. Ругалась Диана. Я сразу узнал эти интонации... — Что там у вас? — сочувственно спросил я Фирдауса.

— Да... — с досадой протянул он. — Думали, что поедем летом в Париж. Но родители решили, что в Париж поедет старший сын Амаль. А я пока останусь при отце в Ливане.

— Ну, задумку я понимаю. — сказал я. — На самом деле, твой отец очень правильно рассудил: отправить в самостоятельное плавание старшего сына, а младшему дать возможность опыта поднабраться под своим чутким руководством.

— Я тоже это понимаю! — воскликнул Фирдаус. — Как мне жене это объяснить? Зачем я вообще ей рассказал про Париж?

— Это да... — ответил я. — Давно она бесится?

— Сегодня уже минут десять. И вчера кричала минут двадцать, когда только узнали.

— Авось, скоро начнёт успокаиваться. Ты, главное, сам первый мириться не начинай. Покажи, что недоволен таким ее поведением, что ей надо учиться держать себя в руках. У Дианы характер вспыльчивый, сам знаешь. И с этим обязательно надо разбираться сразу. А не то...

— Угу. — ответил Фирдаус, и я обратил внимание, что у них в квартире стало тихо. Похоже, до Дианы, наконец, дошло, что они с мужем не одни и кто-то ещё её слышит.

— О, я что звоню-то... — вспомнил я. — Можешь сказать адрес «Берёзки», где мы музыку мне покупали?

Точный адрес Фирдаус не знал, но сказал, как найти и как проехать.

— Спасибо. Держись там, брат. — пошутил я и попрощался.

Поужинал и, пока не пришло время с Тузиком идти гулять, поднялся к мужикам сориентировать их насчет магазина. Меня тут же усадили за стол, и я минут пятнадцать сначала объяснял им, как проехать, а потом делал вид, что пью, а сам с удовольствием слушал их пиратские байки. Эх, если б не Родька, пошёл бы гулять с псом позднее. Хотелось еще посидеть с мужиками, но пацан уже небось ждет меня.

Так и оказалось. Вернувшись, застал его у нас в прихожей одетого. Велел ему брать Тузика на поводок и идти во двор. А то точно вспотеет, пока я оденусь.

Пока спускался во двор, всё думал, что надо что-то делать с сестрицей. А то напугает Фирдауса своими скандалами, он без неё к родителям летом вернется. Сама себе все испортит, дуреха, на ровном месте. Решил заехать к Эль Хажжам завтра после лекции, серьезно поговорить с сестрой.

Во вторник Эмма Эдуардовна сняла меня с первой пары и возила в райком, и я понял, что она едет в ГДР со мной. Интересно, не планировалось ли также и с Будапештом? Должна была меня отвезти туда на учебу, а потом приехать и забрать? Тогда понятно, почему она тогда так расстроилась, когда я отказался ехать... Сразу две поездки в загранку потеряла.

Мы посетили несколько кабинетов, после чего вернулись в универ. Интересно, мне сделают загранпаспорт? Или поедем со списком? Удивительно, но все было очень ровно. Вопросы задавали, конечно, но какие-то безобидные, на общую эрудицию. Кто руководит ГДР? Какова роль немецкого пролетариата на международной сцене? Думал, выезд за рубеж предваряет более серьезная волокита. Хотя, ГДР же не капстрана.

С другой стороны, вот точно помнил, что людям конкретно так нервы трепали, прежде чем выпустить и в соцстрану... Может быть, в университете попросту боятся, что я снова откажусь, и провели предварительную работу, чтобы ко мне в этих высоких кабинетах не сильно придирались с расспросами? Подвязки у них, наверняка, будь здоров. Или же другая версия тоже возможна... Не все же такой эрудицией располагают, как лектор «Знания». Может, те вопросы, которые я счел простыми, кого-то на самом деле серьезно напрягают?

Правда, как намекнула Эмма Эдуардовна, мне еще предстоит разговор в КГБ, но они сами меня найдут. И очень посоветовала не проявлять там свой норов. Я сделал добрые глаза, и сказал, что и не думал. Она только тяжело вздохнула, словно мне не поверила ни на грамм.

Глава 7

г. Москва

Поговорили с замдекана и на тему выступления в ГДР. Как выяснилось, от меня требовалось сделать тот же самый доклад, что я уже делал на московской конференции. Мол, именно он впечатлил профессора, и он настоятельно просил никаких изменений не делать.

Странно как-то, если честно. Смахивает на мои лекции в «Дарах природы». Одна и та же тема в нескольких десятках магазинов и крутись как хочешь. Это я из-за своей натуры, чтобы не скучать, каждый раз что-то переделываю, а мог бы то же самое долдонить...

Лёха в столовой обмолвился, что Света просит пригласить на день рождения и Диану. Типа, ей спокойней будет в привычном кругу.

— Может, всех наших пригласить? — спросил он меня. — Машу с Витей, Свету с Ираклием?

— Это ты сам решай. — усмехнулся я. — Если дома будешь отмечать, то надо с родителями в первую очередь посоветоваться, стол же они будут организовывать?

— Правильно. — согласился со мной Лёха и помчался звонить матери на работу.

После пар на репетиции он торжественно пригласил нас в воскресенье на свой день рождения и получил в ответ радостные возгласы. Все согласились.

Мы с Ираклием долго на репетиции оставаться не могли, у нас работа. Пока шли к метро, Ираклий поделился со мной, что его взял к себе на полставки тёткин муж в управлении фабрики бумажки перебирать, как он выразился.

— Ну, молодец, пристроился. — похвалил я его. — Всегда говорил: кто ищет, тот всегда найдёт. И практику у него проходить будешь, потом и распредишься к нему, в Москве останешься. — сразу прикинул я возможные перспективы.

Мы дошли до метро и попрощались до завтра. Меня ждут в очередных «Дарах природы». Это оказался небольшой магазинчик в районе Зоопарка. Добрался быстро и приехал раньше назначенного срока. Вошёл в торговый зал и как обычный покупатель начал осматривать прилавки и витрины. Всё-таки, умели в Советском союзе витрины оформлять. Какходишь, красиво, уютно, кругом горы, стопки и пирамиды из товаров. Все полки заняты. А подойдешь ближе, или муляжи, или трехлитровые банки с соком, или бутылки с минералкой и уксусом, или простые рыбные консервы.

Обошёл магазин не спеша, растягивая время. До начала выступления было еще минут пять. И вдруг наткнулся на презрительный взгляд работницы торговли. Две продавщицы из разных отделов, за неимением спроса покупателей на представленные в магазине товары, цены все же тут высокие, коротали время на границе отделов, болтая друг с другом. Не знаю, о чём они говорили, но судя по взгляду одной из них, немногочисленные покупатели магазина стояли для нее на одном уровне с мышами в подсобке, которые крутятся под ногами и отвлекают от важных разговоров.

Меня неприятно удивил этот взгляд. Ах ты ж, думаю, торговый техник на тройки закончила, а туда же: королева, хозяйка жизни! Усмехнулся, погулял еще немного, пока, наконец, не пришло время для лекции. Продавщицы так и продолжали болтать, игнорируя покупателей.

— Простите, можно вас? — подошел я к рабочему месту той самой продавщицы.

— Вы не видите, я занята! — получил я пренебрежительный ответ.

Мадам отвернулась и продолжила болтать, ничуть не стесняясь.

Хорошо, немного подожду. Эх, советская система торговли во всей своей красе!

Постоял секунд тридцать и постучал в деревянную панель прилавка, напоминая о себе.

— Щас! — рывкнула она на меня и продолжила болтать. Вторая продавец почувствовала что-то и попыталась отойти от неё к центру своей зоны ответственности, но моя задержала её, буквально схватив за руку.

Дело принципа, как я понял, ей обязательно надо было показать, кто в доме хозяин.

Улыбаясь, подошёл к ним.

— Пригласите заведующую, будьте добры. — произнёс я.

В ответ послышался крик и чуть не мат. Как меня только не называли. Выслушал все молча и, когда она на мгновение заткнулась дух перевести, спокойно повторил:

— Заведующую позовите!

Опять начались вопли. Вторая продавец, немного смущаясь, отошла чуть в сторону. Улучив момент, я обратился к ней с просьбой позвать начальство. К моему огромному удивлению, она, краснея, показала едва заметно на мою обидчицу.

— Ничего себе! — воскликнул я. — Вот это номер! Так вы и есть заведующая?!

— Да! Заведующая!

— А что ж молчали?

— Я отчитываться перед каждым буду?! Нашёлся мне тут!..

— Тихо! — пришлось рывкнуть, чтобы она успокоилась. — Уже три минуты, как я должен читать у вас лекцию. Соберите персонал. Ну или я могу уйти обратно и написать отчет, который обязательно уйдет вашему начальству — что вы напали на лектора общества «Знание», препятствовали идеологической работе с персоналом, видимо, потому, что решили, что вы хозяйка жизни и советская власть вас не устраивает. Ведете себя так, словно купили этот магазин, а все вокруг у вас в рабстве. Не за то наши деды и отцы сражались с империалистами!

Вот тут до нее дошло. И взгляд, и поведение сразу изменились. Начала что-то лепетать, убрав все прежние властные повадки. И про то, что не знала, что такого молодого человека

могут прислать лекцию читать, и про то, что советскую власть она любит.

Орать она на меня тут же перестала, но и успокоиться сразу не могла. Отыгралась на коллективе. С такими выражениями сгоняла их в торговый зал, что уши вяли... Магазин закрыли.

— Салтычиха вам не родственница случайно? — не удержался и спросил я заведующую. — Вы нагайку в руки следующий раз возьмите, увидите, люди гораздо быстрее слушаться начнут.

Прочитал им лекцию по заданной теме. Во всех частях, связанных с повышением культуры обращения с покупателями, не отрывал свой взгляд от заведующей. Та вертелась, как уж на сковородке, так ей это было неприятно. Обсуждать никто ничего не стал, как и задавать вопросы. Да уж, рабочая атмосфера в этом магазине из-за этой дуры, закусившей удила, конечно тяжелая. Трудовой коллектив мне лично жалко.

Собираясь уходить я, всё же, решил купить несколько кусочков фруктового сахара, на который в самом начале смотрел.

Продавщица, красневшая за свою начальницу, подошла меня обслужить. Взвесила мне сладости, попросил ее положить куски разного цвета. Родьке будет интереснее.

Оплатил на кассе, вернулся к ней. А она мне два свертка даёт. Один, как я понял, с моим цветным сахаром, и ещё что-то по форме похожее на коробку конфет.

Ну нет уж, в этом магазине ничего в подарок брать ни в коем случае нельзя. Мало ли, посидит эта хамка-заведующая, осмелеет, да накатает на меня какую-нибудь жалобу, что я тут у них подарок вымогал. Мне оно надо? Так что просто взял свой оплаченный товар и ушел. Спрятал свёрток в портфель и покинул этот странный магазин. Да и другой есть резон подарок не брать. Она, узнав об этом, испугается. Поймет, что я зло затаил и будет бояться, что я однажды создам ей проблемы.

Книгу жалоб и предложений я не просил. Что я, не знаю, что ли, что во всех магазинах есть две таких книги? Если видно, что жалобу хотят написать, тащат подложную. Чтобы проблем потом не получить от начальства.

Написать самому жалобу ее начальству? Прислать сюда Комсомольский прожектор с расследованием? Страдай я жаждой справедливости, характерной для моего биологического возраста, может, так и сделал бы. Но я таки старый тертый жизнью мужик. Стоит только так сделать и по городу быстро распространится слух, что, приглашая с лекцией некого Павла Ивлева, вы рискуете по итогу нарваться на жалобу или проверку.

И чтобы понять, чем это закончится, мне не нужно быть провидцем. Начальники всех уровней станут массово отказываться от такого лектора, подыскивая для своего отказа правдоподобные обоснования. Не говорить же им, что они боятся свое теплое место потерять? Значит скажут, что этот лектор не представляет из себя интереса, что кто-то им

сказал, что на его лекциях люди засыпают от скуки, или и вовсе — не уверены они, что он правильно понимает идеологическую линию советской компартии. И тот же Константин Сергеевич, который сейчас во мне души не чает, потупив взгляд, скажет, что общество «Знание» больше не нуждается в моих услугах. И я потеряю не только очень хороший постоянный доход, но и возможность заводить связи, будучи всего лишь студентом первого курса.

Так что ограничусь тем, что поставил хамку на место, и унизил в глазах ее собственных подчиненных. На безумную она не похожа, значит, на хорошем счету у начальства или, вообще, чья-то протееже.

Но людей, её подчинённых, мне было откровенно жаль. Странный, конечно, коллектив, давно бы снёс эту идиотку. Можно же было как-то её подставить, подсидеть... Раз покорно терпят, то, вполне может быть, заслуживают к себе такого отношения. Властные хозяева не сами появляются, они востребованы людьми с рабским менталитетом.

Никогда я, ни в СССР, ни после, не позволял кому бы то ни было орать на меня или унижать. Ну и что, что начальник? Просто орал на такого хама в ответ. Карьеры, понятное дело, мне так было не сделать, поэтому я и сказал честно Сатчану, когда с ним в Святославле общались, что не рвусь я к комсомольской карьере. Не умею я вылизывать начальственные задницы и льстиво улыбаться дуболомам. Мне легче дурака нахрен послать... Буду просто ценным специалистом на предприятии, где начальник умный человек и понимает, что ему меня терять никак нельзя. Если ко мне со всем уважением, так и я в ответ никогда не подведу.

И опять же, и в СССР, и после него знал множество случаев, когда здоровый коллектив съедал хамского руководителя, выживая его с рабочего места. Это же обычное дело — прислать сынка какого-нибудь начальника на руководящую должность, при этом эта детина понятия не имеет, что входит в его должностные обязанности и не собирается ничего делать, кроме как пальцы загигать и над людьми измываться. Три-четыре месяца подстав и саботажа со стороны возмущенных сотрудников, и он сам уходит, сообразив, что дело пахнет керосином.

Конечно, такое возможно только на государственном предприятии, частник имеет намного больше возможностей сломить людей, ну так эти «Дары природы» и являются вполне себе государственным предприятием.

После лекции планировал заехать к Эль Хажжам, переговорить с Дианой. Позвонил им от метро. Трубку взяла сестра. Сказал, что хочу встретиться с ней, но так, чтоб Фирдаус не знал. Договорились, что она подойдёт к своему метро, там и встретимся в вестибюле.

Не знаю, что она подумала, может, решила, что дело касается КГБ. Но когда я заговорил о вчерашнем инциденте, она вспыхнула.

— Я не хочу на всю жизнь ехать в Ливан! — в сердцах сказала она. — Там летом жара! Там пустыня. Я хочу в Париж.

Во как заговорила! А когда только приехала из Ливана, только и слышали от нее про прекрасную погоду, зелень, красивые деревья и множество вкусных фруктов. Что же ей муж наговорил про Париж, пока думал, что они с ней туда отправятся, что она на фоне этих рассказов Ливан возненавидела за какую-то неделю? Тоже блин, дурак молодой — не понял, что за характер у собственной жены. Сам ей дал аргументы, чтобы гнобить себя, когда затея с Парижем провалилась...

— Диана, всё будет, но не сразу. — попытался образумить я её. — Наберись терпения. У тебя очень перспективный муж. Но пойми, чтобы стать женой генерала, надо выйти замуж за лейтенанта.

— И ты туда же! Вот и Фирдаус говорит, что я веду себя недостойно мусульманской женщины... Вы что, мужики, сговорились между собой? — пожаловалась сестра, насупив брови.

— Всё правильно говорит. Где это видано, чтобы мусульманская жена в три горла на мужа орала? Ты прекрасно знаешь, что он человек другой культуры и с ним так нельзя. Так зачем это всё устраиваешь?

— Ну, что же мне теперь и поорать совсем нельзя? — обиженно посмотрела на меня сестра.

— Можно, но когда его дома нет.

— Я не смогу-уу! — на полном серьёзе заныла она.

— Диана! Ты в своём уме? Ты на одни весы ставишь своё обеспеченное и безбедное будущее с одной стороны и возможность вести себя с мужем, как базарная баба — с другой. Это как понимать? Здравый смысл где?

Она посмотрела на меня сначала капризно, потом грустно.

— У вас всё нормально? — почему-то испугался за их отношения я.

— Не знаю... — поджала она губы. — Я думала, скоро поедем в Париж... Он так его описал... Там такая счастливая ночная жизнь. Там множество театров, и на Монмартре люди пьют кофе... А магазины... Он сказал, что там самые лучшие магазины в мире, и он мне каждую неделю будет что-то новое покупать, потому что отец установит ему большую зарплату!

Ну, верно я угадал. Сам Фирдаус и распалил Диану, сделав из нее монстра. Ой, дурак! Впрочем, в его возрасте разве я умнее был?

— Балбеска ты! Ну, конечно, поедете вы в Париж скоро. В гости к брату. Посмотреть, как он там устроился. И чтобы это побыстрее случилось, нужно не скандалить, а ласково рассказывать мужу, как тебе хочется увидеть Париж. Да он в лепёшку для тебя расшибётся, если будет видеть, что ты тоже стараешься приспособиться к новым для тебя правилам.

— Думаешь?

— Конечно. Он тебе очень многое прощает, делая поправки на менталитет. Но на родине его просто не поймут, если он будет позволять тебе такое. Так что, Диана, соберись и работай над собой. Ты молодец, сделала очень хороший выбор. Фирдаус очень удачная партия. Для девушки твоего возраста это вообще счастье неопишное. Умный, богатый, не жадный, культурный и воспитанный, совсем немного старше тебя. Или что, ты хочешь в Святославль вернуться? В мамин дом с удобствами на улице?

— Причём тут Святославль? — пожала она плечами. — Есть ещё и Москва.

— Диана! Не дури! — ошарашенно воскликнул я. — Локти потом будешь кусать! Кто в Москве возьмёт в жёны разведёнку из провинции без своего жилья? Какой-нибудь старый алкаш?

— Ну, почему сразу алкаш? — поджала она опять губы. — Меня что, нормальный молодой человек полюбить не может?

— Может. Конечно, может. Уже, собственно, и полюбил. — взял я её за плечи и слегка встряхнул. — Вот Фирдаус тебя и любит. Возвращайся домой и наслаждайся жизнью. Поверь, для девушки совсем неплохо, когда ее всем обеспечили, а ей только и нужно, что счастливо улыбаться и говорить, какой муж молодец. Вспомни, как твоя мать жизнь прожила, работая в две смены, сначала на работе, а потом дома. Ты также хочешь?

Вроде, убедил. Насколько это вообще возможно с ее взрывным характером и ветреностью... Диана кивнула, мы попрощались, и она пошла домой. А я спустился в метро.

Эх, был бы у Дианы отец... Если бы кто-то наподобие Загита ее воспитывал, ей бы, конечно, гораздо легче было бы адаптироваться. Она всю жизнь только и видела взрывной характер своей матери, который ограничить некому было, вот и подражает старательно. Я вспомнил в связи с этим, как я с Галией первоначально зацепился, и улыбнулся. Тот самый эпизод, когда, столкнувшись с проблемой в моём лице, когда я отказывался сдавать взносы на Чили в Святославле, заигрывая с ней... Она же не стала на меня орать, стыдить и с кулаками набрасываться, добиваясь своего, как сделала бы Диана в такой ситуации, а тихо и спокойно привела Сатчана, мол, вот Ивлев не сдаёт деньги на Чили, разбирайся... Вот оно, хорошее воспитание...

Усмехнувшись приятному воспоминанию, приехал домой в прекрасном настроении.

За ужином сказал жене, что в субботу Лёха опять Свету привезёт, просит нас приютить её на пару дней. В воскресенье у него день рождения, будет Свету с родителями знакомить.

— А ещё кто будет? — поинтересовалась жена.

— Кстати, твоя Маша с Виктором приглашены.

— Здорово! — обрадованно захлопала Галия в ладоши.

— Ещё будут наши ребята из агитбригады и прожектора Света и Ираклий. И Света хочет, чтобы Диана тоже была, ей так спокойней будет... с родителями Лёхиными знакомиться.

И тут в голове что-то щелкнуло. Как-то Диана уж очень определенно говорила про другого молодого человека, что может ее полюбить в Москве... О, чёрт! А не Лёху ли Дианка в качестве альтернативы Фирдаусу сейчас рассматривает?! Может, потому и начала с мужем скандалить, что интересный вариант увидела, едва Леха стал москвичом? Наверняка, Света уже поделилась с подружкой этой радостной новостью. Дианка же помнит, что он в нее по уши был влюблен совсем недавно.

Глава 8

г. Москва

Подленько звучит по отношению к Светке, ее лучшей подруге, но что я только не видел в отношениях между женщинами, чтобы такому варианту удивиться... Наверняка Света уже давно поделилась с лучшей школьной подружкой радостной новостью, что Лёха теперь москвич. А Диана могла припомнить, как беззаветно тот в нее был влюблен... А в пески Ливана уже не хочется, Фирдаус опрометчиво развеял в глазах жены очарование своей родины, собравшись ехать с ней в Париж. А Парижа больше не ожидается...

Или, как вариант, Диана вполне могла задумать поднять Фирдауса на нервы. Показать ему влюбленного в нее парня, чтобы заставить больше ценить ее. Вполне может быть, что в ее «хитрой задумке» запланировано, что Фирдаус, чтобы убедить, что любит ее, и удержать около себя, выпросит у отца ту позицию в Париже, что обещал уже его брату. И они в результате летом поедут вдвоем в так желанный Париж. Ой, что-то я сильно сомневаюсь, что это сработает... Но совсем не удивлюсь, если что-то такое вот и задумано. Но Диана вовсе не мастер эффективных комбинаций, чтобы она сама по этому поводу не воображала. Тут, скорее, дурь из нее необузданная прет.

Надо аккуратно выяснить, приглашен ли Фирдаус к Лёхе. Дианка, конечно, та ещё стерва, но при муже Лёху кадрить не рискнёт. Это если первый вариант. А вот если у нее план заставить его приревновать, то как раз и начнет. Получается, узнав, приглашен ли Фирдаус, я смогу понять, в чем именно заключается ее план...

— Встречался с Дианой сегодня. — поделился я с женой. — Надолго её не хватило, начала характер свой Фирдаусу показывать, скандалы закатывает. Он в шоке. Всё понимает, разница культур и всё такое, но позволить, чтобы она так себя вела в Ливане не может.

— Как же так?... — растерянно посмотрела на меня Галия. — Зачем она так?

— Возможно, просто дура... Фирдауса жалко. Успел его узнать, он неплохой человек. Думаю, мы уже друзьями с ним стали. Но он и сам накосячил...

Рассказал ей про всю эту историю с планами молодой семьи на Париж, что жестоко

похерила птица обломинго.

— И что теперь?

— Боюсь, как бы она на Лёхином дне рождения что-нибудь не учудила. Сдаётся мне, она хочет в Москве остаться. Или хочет Фирдауса заставить ревновать. И, зная её, добиваться своего она будет любой ценой. Ни перед чем не остановится... — я многозначительно посмотрел на жену.

— Но Света же её лучшая подруга! — возразила мне Галия, поняв, на что я намекаю.

— Дорогая, кого и когда это останавливало?

— Уф! — выдохнула Галия и покачала головой, явно не в силах мне поверить.

— Да ты вспомни, как мы оказались должны ей свою колбасу отдать, с ее точки зрения? Забыла уже? А, вспомнила? И что она потом сделала, вместе с Рафаэлем, чтобы с нами разобраться? А мы ей родственники, в отличие от Светки, та всего лишь подруга. Если с родственниками была готова так поступить...

Вот теперь Галия мне поверила. По глазам понял.

— И что делать?

— Во-первых, узнаю завтра, Диана одна будет или с Фирдаусом на дне рождения. Во-вторых, надо попытаться проверить, какие у нее планы в отношении Лехи. До самого дня рождения.

— Первое понятно. А как со вторым ты справишься? — недоумённо уставилась на меня жена.

— Так, чтобы это не повлияло на знакомство с родителями. То есть произошло без них. А как это сделать?.. Пригласим Диану и Леху к нам в субботу. Без Фирдауса пригласим. Тогда и спрашивать не надо, приглашён он или нет на день рождения... Да? Всё правильно? — размышлял я. — Если у Дианки есть коварные планы в отношении Лёхи, она их сразу и выдаст. Будем на нее поглядывать внимательно, когда она с Лехой общаться будет. Если появятся подозрения, то надо со Светкой будет переговорить. Чтобы она отменила приглашение для Дианы на Лехин день рождения на воскресенье. Почует угрозу своему счастью с ним, сразу на том ее дружба с Дианой и закончится.

— Ты думаешь, Диана себя так легко проявит? — удивилась жена.

— Да она на два шага вперёд не может ситуацию просчитать. Это же надо таким мужем пренебречь из-за того, что на него орать будет нельзя в его доме!.. В голове не укладывается.

Зашёл Родька, и я вышел в прихожую собираться.

— Ой, забыл совсем. — вспомнил я про «Дары природы». — Там сахар фруктовый в портфеле. Малому купил...

Мы ушли гулять. Всю прогулку пытался оценить, насколько Диана коварна и расчётлива. Попадётся ли она в субботу в расставленные нами сети? Покажет ли Свете свои истинные намерения в отношении Лёхи? Или выждет до воскресенья и выдаст что-то такое, после чего Лёхины родители Светку знать не захотят.

Довёл Родьку до подъезда и вернулся домой. Только собрался позаниматься хоть немного, как Галия протянула мне потрёпанную тетрадь.

— Книга жалоб и предложений. — прочитал я.

— В магазинном свертке была. — сказала Галия удивленно. — Случайно, может, завернули с покупкой?

— Это из «Даров природы», получается... — сказал я задумчиво. Блин, и верно, я сразу, ещё в магазине, подумал, что кулёк слишком объёмный, но переключился на второй свёрток, который они мне хотели впарить, и вылетело из головы. — Ёперный театр!.. Нет, явно не случайно она ко мне попала. И что я должен с этим делать?

Стал листать и читать по диагонали... Это же «вторая» книга, которая только для жалоб! Бытует сейчас такой обычай — для тех, кто желает оставить благодарность, дают официальную книгу, а для тех, кто хочет пожаловаться — вот такую запасную, которую никогда не показывают начальству. Как и ожидал, внутри все записи — о грубости и хамстве персонала. Если уж советский человек жалуется, значит, очень сильно достали. К обычному хамству торговых работников все привыкли. А тут, прямо, демон в юбке описан. То, что все жалобы на одного и того же человека, понять было нетрудно по характерным выражениям Салтычихи.

Давненько она сама в зале торгует. — посмотрел я на даты первых записей. — А что ж продавца-то не возьмёт? Похоже, текучка в коллективе бешеная, вот и приходится самой за прилавков вставать. С такой атмосферой в коллективе странно, что там вообще кто-то кроме нее работает.

Вспомнил, как я рассуждал, что рабы, не устраивающие восстания против рабовладельца, сами этого заслуживают. Ну вот теперь уже вижу, что делание скинуть с шеи ярмо у них есть. Это хороший знак. Но сами боятся. То, что мне подсунули эту тетрадку — надо расценивать, как крик о помощи. А помочь я и сам хочу, но надо и самому не подставиться и продавщицу, так рискнувшую, передавая мне вторую книгу жалоб, не подставить.

Подумать надо... Может, к Сатчану обратиться? Выяснит, хотя бы, по своим каналам, кто за этой ведьмой стоит. Хотя, какая разница, кто? Кто бы не стоял, это надо пресечь. Но нет, хватит, чуть что, мотаться к Сатчану. А то он еще решит, что я и чихнуть не могу без его помощи.

Ладно, утро вечера мудренее. Завтра придумаю что-нибудь.

В среду взял жалобную книгу из «Даров природы» с собой в университет, думая на ходу, к кому обратиться за помощью. Созрела мысль обратиться к отцу. Все равно общаться надо чаще. Появилась мысль выйти на советскую печать. В СССР был такой жанр, как фельетоны, может, сотрудников, работающих в этом стиле эта история заинтересует? Сам я ни с одним журналистом в Москве познакомиться еще не успел. Может, у бати есть выходы на журналистов, которых можно было бы на эту заведующую натравить?

На обеде Витька Макаров попросил у меня принести завтра мемуары Жукова. Зачем, не сказал. Только хитро улыбнулся.

Спросил Лёху, пригласил ли он уже Диану на день рождения.

— Света должна была пригласить, они там сами договаривались. — ответил он.

— Фирдауса, мужа Дианы, тоже пригласили?

— Понятия не имею. — беззаботно ответил Лёха.

— Как это? А что ты матери сказал, сколько у тебя гостей будет?

— Сказал, что моих будет человек восемь-десять. Там же ещё родственники подтянутся... Сестра двоюродная точно будет.

— Толпа народу! — усмехнулся я. И как мне Диану в субботу заманить?

*

Москва. Магазин «Дары природы».

Книга жалоб и предложений в каждом магазине должна быть доступна покупателям. Заведующая Инга Возна прекрасно понимала, что, если дать покупателям волю, они испортят важный документ. Поэтому в торговом зале всегда висела одна книга, а во время проверок демонстрировалась другая.

На черновую книгу гражданка Возна не обращала внимания, пусть пишут, что хотят. Всё равно, её никто не увидит, а бумага всё стерпит. Более того, когда возмущённые покупатели делали очередную запись, она ещё и подначивала их:

— Пишите, пишите! Подробнее! И, смотрите, без ошибок! Начальству ещё читать вашу писанину...

И вот она пропала. Заведующая пришла на работу и не сразу это заметила. Карандаш висит, а книги нет. Снять её не стоило никакого труда. Простая верёвочная петля, не затянутая, не завязанная. Это специально было сделано, чтобы книгу можно было быстро поменять, если вдруг проверка.

Сперва заведующая подумала, что она просто выпала из петли, и лежит где-то рядом. Не стесняясь в выражениях, она потребовала от продавцов отодвинуть стол и обшарить всё вокруг. Но когда поиск ничего не дал, у заведующей зашевелилась в мозгу неприятная мысль, что книга не просто так пропала. Кто-то может воспользоваться ею. И обязательно воспользуется, слишком много врагов вокруг. Женщина почувствовала, как под ней зашатался стул, на котором она так неплохо сидела несколько последних лет. Её охватила злоба, а бессилие только распалило её. Досталось всем, и покупателям, и подчинённым. Прокричавшись и разбив о прилавок кулак, она поняла, что это ничего уже не изменит.

— Что, сволочи, смотрите!?! — крикнула она своему испуганному коллективу. — Я всё равно узнаю, кто это сделал! Вы ещё пожалеете! Вы меня ещё узнаете!

*

После пар позвонил бате и попросил встретиться. Он сказал, что сегодня в институте задерживается, предложил приехать к нему на кафедру, если что срочное. Сразу и поехал.

— Представляешь, попал вчера в какую-то историю дурацкую. — начал я рассказывать отцу про свои вчерашние приключения в «Дарах природы». — Подсунули мне эту жалобную книгу несчастные продавцы, что страдают от заведующей, тайком, как в шпионских детективах. Но там заведующая, реально, без тормозов. Если бы сам не слышал вчера, как она с покупателями и подчинёнными обращается, не поверил бы, что такое возможно.

— И что ты собираешься делать? — спросил он меня с любопытством.

— Не знаю. Посоветоваться хотел, что тут можно сделать, чтобы меня не светить? Мне же явно не стоит как преподавателя от «Знания» себя вовлекать. Работники магазина её боятся. Думаю, кто-то прикрывает её, не даёт жалобам ходу. Может, кто попытался рыпнуться, да ему прищемили хвост так, что теперь все остальные молчат и с опаской оглядываются.

— Ну, ты перебарщиваешь. — усмехнулся батя. — У нас не рабовладельческий строй. Кто хочет, тот уволится.

— Ну, не просто же так эта выдра сама за прилавком стоит. — возразил я. — Значит, нет у неё людей, значит, текучка.

— Ну, текучка...

— А у тебя, случайно, нет журналиста знакомого? Пусть бы журналистское расследование провёл...

— Что провёл? — удивился отец.

— Журналистское расследование. Ну, как тебе объяснить?.. Это когда журналисты проверяют информацию не криминальную, а морально-этического характера. Как милиционеры могут прикинуться простыми людьми, скрытно зафиксировать на магнитофон происходящее, возможно, даже, собрать факты, которые важны для расследования.

Понимаешь? Потом статья обличающая выходит. Если обнаружен криминал, то перед этим компетентным органам сообщают.

— Это где так? — ошеломленно смотрел на меня отец.

— Да любой фельетон в газете и появляется в результате вот такого вот журналистского расследования. — спокойно глядя ему в глаза, ответил я. Понял уже, что использую термин, который в СССР, видимо, еще не появился. Может, в восьмидесятых только появится... Но теперь деваться уже некуда.

— Интересно...

— Подумай, может, подкинешь кому идею. Пусть бы журналисты магазин этот проверили. Полезное дело для людей сделаем.

— Оставь мне эту... жалобную книгу. — задумчиво взглянул на меня отец.

По глазам вижу, он уже придумал, как с ней поступить, но хочет переговорить с кем-то сначала...

— Если понадобится, сведи меня с журналистом. Подробнее про ситуацию там расскажу. — попросил я. — Только скажи, что на условиях анонимности.

Мы ещё немного поболтали с батей о делах семейных. Тянул время до курсов. Слишком рано приезжать не хотелось, занятия теперь будут на улице, на площадке.

В итоге, приехал последним. Наша группа уже кучковалась у площадки, включая Галию. Вскоре и инструктор подошёл.

Первое занятие меня немного разочаровало, даже поехать не дали. Мы учились регулировать сиденье, зеркала, заводить машину и трогаться. Люди регулярно забывали снять машину с ручника, или включить левый поворотник, или скорость воткнуть. Галие помогал забраться в кабину, хотя она и сама бы справилась.

У меня проблем с этим не было, но нельзя же было, чтобы с первого раза всё сразу получилось. Пришлось пару раз «забыть» про поворотник, чтобы сильно не палиться. Да и чтобы у Галии комплекс неполноценности не вырабатывать.

Галия откровенно волновалась, но на общем фоне не выделялась, ляпов у неё было не больше, чем у остальных.

— Ну, что скажешь? — спросил я её, когда мы уже ехали домой. — Будешь дальше учиться?

— Конечно! — с удивлением взглянула она на меня. — Почему ты спрашиваешь?

— Показалось, тебе трудно. Не слишком устала?

— Устала. Ну, и что? На права выучиться же надо.

— Ну, смотри. Если все же слишком будет утомительно, то помни, что можно и потом, когда родишь. Подвиги нам в твоём состоянии ни к чему.

— Ага. Потом будет всё тоже самое, только ещё ребёнок маленький на руках. — ответила мне жена. — Видела я загнанных мамочек с малышами... Нет уж! Я сейчас отучусь и экзамены сдам.

— Логично. — усмехнулся я. Молодец у меня жена. Молодая, а здравомыслящая, в отличие от некоторых.

Приехали домой поздно. Взялись за домашние дела. Тут батя позвонил.

О, похоже, насчёт моей книги жалоб что-то наклюнулось.

Батя предложил подъехать к нему завтра после пар. Пришлось отказаться, завтра же четверг, у меня лекция. Договорились о встрече на пятницу. Больше он ничего не сказал, но понятно было, что хочет меня с кем-то познакомить. Ну, и отлично. Лёд тронулся.

Вспомнил, что Витя просил принести мой том воспоминаний Жукова и сразу положил его в портфель, пока помню.

Осталось одно нерешённое дело: надо сделать так, чтобы Диана появилась у нас в субботу.

Позвонил Эль Хажжам домой. Трубку взяла Диана.

— Привет, сестрёнка. Как дела? — обрадовался я, что сразу на неё попал. — Успокоилась? Или всё бунтуешь?

— Ничего я не бунтую. — ответила сестра. — Уже и расстроиться нельзя.

— Это из-за Парижа? До него, в любом случае, пришлось бы до лета ждать. А Света Герасимович уже в эту субботу у меня будет. Вот, о чём думать надо, а не о Париже.

— Точно! — оживилась Дианка. — Она же писала, что у тебя остановится. Во сколько она приезжает?

— Встретить хочешь? — предположил я. — Даже не знаю... Вроде, сутра. Её Лёха будет встречать и сразу ко мне привезёт.

— Я тоже приеду.

— Конечно, приезжай. — усмехнулся я. — Тогда, до субботы.

— Давай, счастливо! — попрощалась сестра.

Всё, ловушка захлопнулась. Хватит у Дианы мозгов не подличать среди своих, слава богу. А не хватит, хотя бы друзей из-под удара выведу.

Тут зашёл сосед Николай-капитан, похоже, слегка на веселе.

— Давай, ко мне поднимемся, дело есть. — попросил он.

Игорь, его гость, был ещё у него и сидел опять за столом, за который они тут же усадили и меня.

— Остаёшься за старшего. — подвинул ко мне телеграмму Николай.

— «Месяц дома. Приезжайте».

— Это что? — не понял я.

— В Одессу летим ночью. — объяснил Николай и плеснул мне в стакан бренди. — Проверим, как там мама.

— Дружбан у нас там. — пояснил Игорь. — Учились вместе.

— Ах, Одесса!.. — мечтательно проговорил я и пригубил импортное пойло. — А что, в Берёзке, купили что хотели?

— Угу... — закусывая, утвердительно промычал Николай.

Он вышел с кухни и вскоре вернулся с упаковкой фломастеров двадцать четыре цвета.

— Пацану от меня. — положил он их передо мной.

— О, спасибо. Передам. — пообещал я.

Мы посидели немного, мужики вспоминали свои приключения, а я слушал с нескрываемым интересом, уточняя иногда непонятные термины.

— В скольких странах вы побывали? — спросил я из любопытства.

— А шут его знает. — усмехнулся Игорь.

— Во всех, где море есть. — рассмеялся Николай.

— В сильные шторма, наверное, доводилось попадать? — продолжал задавать вопросы я. Ну да, все же 1972 год, что-то, что хочешь узнать интересное, загуглить невозможно. А привычка-то осталась информацию собирать и уточнять самую разнообразную. Значит, раз Интернета нет, то просто находишь человека с необычной профессией и расспрашиваешь его.

— В каждом рейсе сильные шторма и бури. — отмахнулся Николай.

— Это всё ерунда. — подтвердил Игорь. — А вот когда у тебя трюм посреди океана горит!..

— И он выругался очень витиевато.

— Ага... Или на берег в иностранном порту сходишь, а тебя в капитанерии под арест берут.

— добавил Николай.

— Зачем? — удивился я.

— Провокация!

— Ничего себе! Вот тебе и морская романтика. — покачал головой я.

Мужики расхохотались в голос.

— Давай, за романтику! — обновил нам стаканы Николай.

Николай всучил мне ключ от своей квартиры, сожалел, что не успел дверь поменять.

— Надеюсь, вернусь, она уже готова будет, только поставить останется. — поделился он.

Пожелал им хорошо долететь и спустился к себе, скоро Родька придёт. Галия увидела фломастеры и у неё глаза загорелись. Найдя какой-то лист бумаги, она, аккуратно вытаскивая фломастеры, по одному перепробовала на бумаге все цвета по очереди. Когда пришёл Родька, я спрятал фломастеры в сумку, чтобы сделать ему сюрприз. И когда мы уже погуляли и дошли до его подъезда, вручил ему подарок от дяди Коли-капитана.

У мальчика не было слов, одни нечленораздельные звуки. Не веря собственным глазам, он принял у меня упаковку фломастеров двумя руками и торжественно понёс её в подъезд, не забыв при этом взглянуть вверх, видит ли всё это дед. Помахал старому в окне и повёл пса домой.

Полночи играть теперь будет. — усмехнувшись, подумал я.

Дорогие читатели! Мы рады, что серию читает шесть с половиной тысяч человек. Будем признательны, если поможете подтянуть количество лайков на первой книге к круглой цифре 5000. Не так много и не хватает! <https://author.today/work/267068>

Глава 9

Москва. МГУ.

В четверг отдал Витьке свой том Жукова.

— Скажи честно, ты же не в гости к маршалу без меня собрался? — поинтересовался я, пристально глядя на него. Ну а что я еще могу подумать после такой странной просьбы?

— Нет, конечно. — сделал друг невинное лицо, но долго продержаться не смог, и довольный, улыбнулся. — Но автограф будет.

— Да ладно! — искренне обрадовался я. — Серьёзно?! Ну, ты молодец. — схватил я его за плечи.

— Да это не я. Это отец. — засмутился Витька. — Подожди, пусть подпишет сначала.

— И то верно. — отпустил я его.

Но автограф маршала Жукова! Блин, здорово!

Костян Брагин в перерыве между парами подошёл.

— Что сегодня вечером делаешь? — спросил он меня с невинным видом.

— А что? — опешил я от такого вопроса. Как-то у нас с ним не настолько близкие сложились отношения, чтобы вечера вместе проводить.

— В гости хочу пригласить. — не в силах больше сдерживаться, улыбнулся он, фонтанируя положительными эмоциями.

— Опа! — догадался я о причине его радости. — Соседи?

— Ага.

— И какой дом?

— Твой! Первый подъезд. Правда, последний этаж...

— Блин! Поздравляю. — ошарашено проговорил я. — А последний, не последний... Какая разница?! Дом с лифтом. Ну, батя у тебя молоток! И какая квартира?

— Тридцать шестая. Из лифта налево. Я вчера на прописку паспорт сдал. — в радостном возбуждении делился Костян.

— Поздравляю ещё раз. Зайду сегодня вечером. — пообещал я. — Обязательно.

Брагин кивнул довольный и мы разошлись по своим делам.

С ума сойти, как мир тесен! Хотя, если райисполком не успел все свои квартиры выделить или тайком продать из положенного ему десятипроцентного фонда, почему бы и нет. Деньги за квартиру надо отдать немалые, а этаж последний, вот и зависла квартирка. А Брагину-младшему всё равно, лишь бы этот район... Так-то, вроде, всё закономерно.

После пар Константин Сергеевич отправил меня сегодня с лекцией на фабрику музыкальных инструментов. Интересно, что они там делают, скрипки Страдивари?

Нашёл быстро, на проходной меня встретил местный профорг и проводил в клуб. Там уже собрался народ. Обстановка расслабленная, лица весёлые. Будут после лекции каверзными вопросами донимать. — сразу понял я.

На сцене стоял стол, за столом заседал президиум в лице трёх человек, включая профорга. Мне предоставили солидную трибуну, внутри на полке стоял графин с водой и стакан. Уважают лектора. — усмехнулся я. Правда, я побаивался пить из таких вот графинов. Никогда не угадаешь, когда в него водичку наливали, была ли она чистой при этом, и не испортилась ли, даже если и была первоначально. Есть же уборщицы, что одной тряпкой и унитаза протирают, и графины... Эх, где эти полулитровые пластиковые бутылочки с газированной водой, к которым я так привык в будущем!

Через несколько минут время для лекции подошло, и профорг стал стучать карандашом по графину, стоявшему на столе президиума.

— Тишина, товарищи, мы начинаем! — провозгласил он и представил меня народу, который разразился бурными овациями.

Вот, всегда бы так. — улыбнулся я и проверил, включили ли уже микрофон.

— Тема нашей сегодняшней лекции: роль социализма в развитии искусства. — начал я. — Для начала, давайте с вами определимся, что такое массовое искусство...

Конечно, у каждого поколения свои кумиры, но кто бы что бы не говорил, творчество советских певцов, в частности, моей любимой Валентины Толкуновой, не идёт ни в какое сравнение с бизнес-проектами поп-культуры будущего. Об этом и говорил. Потом спорили. Молодежь доказывала мне, что Битлы это здорово, хотя и порождение капитализма. Ну, кому что больше нравится...

Интересно было... И о западной культуре говорил, и советские нормы морали и культуры не поставил под сомнение. Ходил по канату! Шаг в сторону — провал всей миссии.

После лекции особо рьяные спорщики ещё стояли в зале напротив трибуны и донимали меня вопросами, как вдруг их растолкал Ираклий и пробился ближе всех.

— Здорово! — закричал он и полез ко мне на сцену.

— Привет. Так, ты здесь подрабатываешь? — удивился я. — Вот мир тесен!

— Пойдём! С дядей тебя познакомлю. — предложил Ираклий и потащил меня к заседавшим в президиуме.

Они все уже встали из-за стола и с удивлением смотрели на Ираклия.

— Дато Леванович! — подтащил он меня к одному из них. — Это мой однокашник! Мы в МГУ в одной группе учимся. — представил он меня. — Дядя тут директор. — шепнул мне Ираклий, пока тот увлеченно тряс мне руку.

— Друг моего племянника — мой друг! — восторженно воскликнул дядя Ираклия. — Очень рад! Так неожиданно! А хочешь посмотреть, как рояли делают?

— Не откажусь. — ошарашенный таким приёмом, согласился я.

Не будь тут однокурсника, так мог бы и поспешить домой. Но теперь неудобно уходить. Человек обрадовался, выяснив, что я друг его родственника, хочет проявить гостеприимство. Откажешься — явно обидится. И Ираклию скажет, что друг его невоспитанный.

Директор предприятия в сопровождении главного инженера и профорга провели для меня персональную экскурсию. Было очень интересно, но чувствовал почему-то себя не в своей тарелке. Ираклий нас сопровождал. Дядя его нахваливал, говорил, что специально на экономический факультет его учиться отправил, и планирует к себе его и распределить. А у меня память хорошая. Чего, тогда, Ираклий переживал, что его в Таджикистан распределят?

В конце экскурсии, очень плавно как-то вышло так, что мы оказались в директорском кабинете за накрытым столом. Странная компания: три взрослых мужика и два пацана. Но голод не тётка, а стол шикарный. Да и от восточного гостеприимства вообще отказаться очень тяжело, не обидев хозяина.

От крепкого алкоголя сразу отказался под предлогом того, что мне, типа, за руль ещё сегодня на курсах по вождению. Но винца домашнего пригубил.

Директор с мужиками по коньяку вдарили и минут через двадцать Дато Леванович уже рассказывал мне, как он рад, что у его племянника такие друзья замечательные и приглашал нас в гости на дачу в ближайшие выходные.

— Так мы ж к Лёхе идём на день рождения. — переглянулись мы с Ираклием. — Увы, не получится.

— А в следующие выходные? — тут же переобулся Дато.

— Ой, не знаю... — напрягся я от такой настойчивости. — Мне надо с женой посоветоваться.

— И жену бери! — тут же предложил он. — Вот, молодец! А? Уже женат.

— Хорошо, я предложу ей. — пообещал я. — Спасибо. Вынужден откланяться, надо бежать: курсы. Рад знакомству. — пожал я всем по очереди руки.

— И я очень рад знакомству. — встал, прощаясь со мной Дато. — Возьми домой бутылочку. — предложил он мне домашнего грузинского вина. — Жену угостишь. — подмигнул он.

— Ей нельзя. Она в положении. — выдал мою тайну Ираклий.

— Ай, генацвале! — воскликнул Дато и хлопнул меня по плечу. — Тем более, бери!

— До завтра. — попрощался я с Ираклием, пряча бутылку в портфель. Отказываться не стал, эти с пустыми руками, всё равно, не отпустят. Да и дурак я, что ли, от домашнего вина, сделанного для себя, отказываться? — Спасибо! — прижал я руку к груди, глядя на Дато.

Ираклий проводил меня до проходной.

— Знал, что ты за словом в карман не лезешь, но такого, честно скажу, не ожидал. — восхищённо отозвался он о моей лекции на прощанье.

А меня не оставляло чувство нереальности происходящего. Как, всё-таки, тесен мир. — очередной раз подумал я, выбираясь от фабрики к метро.

Приехав домой после лекции, первым делом поужинал и поспешил в первый подъезд проведать новосёла.

Костян был не один. Он представил меня высокому стройному блондину лет пятидесяти со взглядом уставшего императора. Эхо разносило наши голоса по пустой квартире.

— Лев Борисович. — представился он.

Так вот вы какой, генерал Брагин. — заинтересованно разглядывал я его. Между отцом и сыном Брагиными просматривалось очевидное фамильное сходство.

— Должен поблагодарить вас от имени всех наших сокурсников за помощь. — опомнившись, сказал ему. — Вы неоднократно нас так выручали...

— Это моя работа. — отрезал он.

А генерал не любит подхалимаж. — одобрительно подумал я. Он мне сразу начал нравиться. Сам такой — когда начинают хвалить, напрягаюсь.

— Краны уже получили, поставили? — решил я переключиться на прозу жизни.

— Нет ещё... — пожал плечами Костян.

— А их получать надо? — заинтересовался Брагин-старший. — Хорошо, что сказал, а то я уже прикидывал, где их доставать.

— Да. Пойдёмте, получим. — предложил я. — Я провожу. Сумку, только, возьмите или коробку какую: там ещё ручки на двери дадут и на плиту запчасти.

Пока наши техника в ЖЭКе, пока выяснили, где теперь это всё получают, пока получили. Удивительно, но у них не растащили столь ценные вещи за столько времени. На обратном пути я пошёл напрямик к себе за инструментами и паклей, потому что у Брагиных ничего не оказалось.

Мы немного повозились на кухне и в ванной. И минут через сорок у Костяна в квартире уже

функционировало водоснабжение и можно было пользоваться туалетом.

— Ну, сын. Можешь перебираться. — торжественно объявил генерал.

— Рано ещё. — возразил я. — Надо полы сразу шлифануть и полачить. А то убьются мгновенно.

— И спать, пока, не на чем. — добавил Костян. — Пару матрасов, хотя бы, надо где-то раздобыть.

— У меня раскладушка есть, могу дать попользоваться, пока диван купишь. — предложил я.
— Но сначала полы.

— Ну, допустим. — согласился Брагин-старший. — И как их шлифовать?

— Это надо было сразу у техника в ЖЭКе спросить, есть ли у них циклёвочная машина. Что-то я тормознул... — с досадой ответил я. — А то вручную тоже можно, но убьешь неделю своей жизни.

— Ладно. Сходим ещё раз. Это всё приятные хлопоты. Да, сын? — взглянул генерал на сына.

— Кстати, телефон в квартире очень удобная вещь. — сказал я. — Если есть возможность, об этом тоже надо сразу начинать хлопотать.

— Так говоришь, будто у тебя есть. — скептически усмехнулся Лев Борисович.

— У меня есть. Запишите номер на всякий случай. Мало ли, надо будет срочно Костяна выловить.

Генерал мгновение удивлённо смотрел на меня, потом потянулся за записной книжкой.

— Когда полы шлифанёте, зайди ко мне, — сказал я. — подскажу, где у нас на районе паркетный лак купить. Кисти ещё нужны. Противогаз у меня есть. Три раза надо будет покрыть: вечером на ночь, потом утром перед универом и ещё раз на ночь. Можешь у нас оставаться ночевать, а то это дело не быстрое, можешь не успеть в общагу до одиннадцати. Хотя, это же однушка, будет быстрее...

— А у тебя что, двушка? — с интересом спросил Брагин-старший.

— Да. — ответил я как о само собой разумеющемся. — В любом случае, места хватает, мы с женой с удовольствием примем тебя у нас. — заверил я Костяна. — Только не в эти выходные. На эти выходные Лёха Сандалов к нам уже невесту свою пристроил.

— Серьёзно? — удивился Брагин-младший. — У него невеста есть? Никогда не видел... И даже не ожидал. Такой скромняга, все время с какой-то книгой, даже на перемене. Думал, он вообще еще к девушкам подходить боится...

— Первое впечатление обманчиво. — усмехнулся я. — А что девушки не видел, тоже ничего необычного, не в общагу же к вам он её поведёт. Короче, заходи если что. Зови. Чем смогу помогу. По-соседски. — улыбнулся я.

— Спасибо тебе за помощь. — протянул мне руку генерал, видя, что я собрался уходить. — Немного обживёмся, обставимся и обязательно всех соберём на новоселье. Да, сын?

— Конечно! — счастливо улыбаясь, подтвердил Костян.

А жизнь-то налаживается. — усмехнулся я, подумав о Брагине-младшем, поднимаясь к себе на этаж. — А как начиналось наше знакомство?..

*

Квартира Брагина-младшего.

— Что это за парень? Откуда он? — спросил генерал сына, как только гость вышел из их квартиры. — И кто его родители?

— Однокурсник мой. — растерянно ответил ему сын. — А что?

— Да, ничего... Думаю, просто. — задумчиво ответил генерал.

На самом деле, он сомневался, правильно ли он поступает, приобретая сыну отдельную квартиру и очень переживал, что это спровоцирует мальчишку на свободную и разгульную жизнь. Начнутся пьянки-гулянки, девочек к себе будет водить, будет заброшена учёба...

— Он же твой ровесник? — спросил Лев Борисович сына. — Своя двушка, телефон домашний... Кто у него родители?

Костя только недоуменно пожал плечами.

— Да как-то не интересовался. Но парень он очень взрослый и самостоятельный. Представляешь, отказался на учебу в Будапештский университет на полгода ехать, потому что жена беременна. Говорит, не могу ее оставить. И это, вспомнил — я же именно от него тебе бутылку передавал. Помнишь, когда ты помог квартирную кражу раскрыть? Так, это его соседи были!

— А, так это он... — припомнил генерал. Так-то подобных просьб у него каждый месяц было с десятков, знакомых у него было много, дорожку к нему протоптали, знали, что он неравнодушен к волоките в рядах своего ведомства. И дело не такое и сложное оказалось, быстро раскрыли, когда пинка дал кому следует.

Как бы там ни было, — решил генерал. — очевидно, родители этого парня серьёзные люди, и их сын подходящая компания для моего отпрыска. А то, что он уже женат и учится в МГУ, делает его компанию ещё более подходящей.

У генерала зародилась надежда, что он всё делает правильно, и всё будет хорошо. Они с сыном пристроили на место полученные у техника ЖЭКа отражатели на конфорки газовой плиты. Проверили комплектность дверных ручек и пошли обратно в ЖЭК, договариваться насчёт циклёвки паркета.

*

В пятницу еле дождался окончания пар и сразу поехал к отцу на кафедру, предвкушая встречу с журналистом. В прошлой жизни у меня не было опыта общения с папарацци, вернее был, но о нём очень неприятно вспоминать. Обе стороны были не правы... На дворе стояли девяностые. Работал я в одной компании, которая снимала часть подвала в пятиэтажном жилом здании, где первый этаж занимала какая-то контора от метростроя. Шёл к месту работы через двор привычным маршрутом и вдруг на меня набросилась стая собак, которых прикормили две местные жительницы. Сказать по правде, я тогда здорово испугался. И не из-за пустяка. Они мне ногу прокусили, брючину одну разорвали. Да, я еле убежал от них! Мне светило сорок уколов в живот от бешенства. Одна мысль о них приводила меня в больший ужас, чем стая бездомных собак за дверью.

Когда ещё и сотрудник метростроевской конторы добрался до работы с погрызенным портфелем и взвинченными до предела нервами, начальство метростроевцев, припомнив и о моем случае, решило вызвать службу отлова. Они и приехали, но собак то ли перестреляли, то ли усыпили. Сказать по правде, никто из нас не ожидал, что всё так обернётся. Мы сам были в шоке, наблюдая, как бездыханные туши закидывают в спецфургон. Но к вечеру того же дня во дворе не осталось ни одной собаки. Зато на улицу вышли жители дома, организованные теми двумя соседками, которые и прикормили эту свору.

Люди скандировали «Убийцы, убийцы», вызвали телевизионщиков. Представили всё так, будто мы лично перестреляли бедных, несчастных, безобидных собачек. Директора обеих наших контор пытались поговорить с журналистами, объяснить, что свора стала опасной, а отстрел производили специальные службы. Но журналюгам это было не нужно. Вдохновленные передачами Невзорова, они искали любую историю, на которой можно поднять рейтинги. Кто там прав, кто виноват — им было до голубой звезды.

Когда я попытался выйти из здания, одна из двух сумасшедших тёток крикнула, показывая на меня: «Это он!». И всё бросились ко мне, включая двух сорокалетних на вид журналистов. Я стоял в дверях, смотрел на них обалдевшими глазами, а меня, оказывается, снимали. И вышел потом репортаж в новостной программе о происшествиях в городе, где именно эти кадры со мной сопровождалась словами, что семь собак были бесчеловечно расстреляны бездушными людьми.

Меня, пострадавшего от своры собак, представили на всю Москву, как конченого живодёра! Даже, судился потом с этими уродами, да что толку. Им ссы в глаза, божья роса. И с тех пор у меня к представителям этой профессии было предвзятое отношение.

Но сейчас, надеюсь, журналистская этика ещё не пустые слова. Поднимаясь на кафедру, очень надеялся на встречу с серьёзным профессионалом своего дела.

Каково же было мое удивление, когда батя представил мне симпатичную молодую женщину лет тридцати. О принадлежности к журналистской братии в ней ничего не напоминало. Наоборот, такая женщина-вамп, уверенная в себе, знающая себе цену.

Глава 10

г. Москва. Горный институт.

— Карина. — представилась она сама и протянула мне ухоженную руку. — Так это твой сын? — переключилась она тут же на батю с очаровательной улыбкой. — Похож, похож...

Мне показалось, что у них с отцом не просто дружеские отношения, хотя она не позволяла себе никаких вольностей. Ну, это не моё дело. Мне главное, чтобы она журналистом была хорошим.

— Карина, вы уже читали? — спросил я, кивнув на книгу жалоб на краю отцовского стола.

— Да, пролистала. — посмотрела она на меня. — А ты не думал, милый мальчик, что это всё неправда? — посмотрела она мне прямо в глаза. — Ты ещё слишком молод и наивен. А люди могут быть очень коварны. Что стоит кому-нибудь взять и самому написать все эти записи? — она смотрела на меня взглядом победителя.

— Зачем? — спросил я, спокойно выдержав её взгляд.

— Чтобы сместить чужими руками действующую заведующую, например.

— То есть, вы хотите сказать, что для какого-то лектора из общества «Знание» устроили представление с подставной заведующей? Не слишком сложно? — поинтересовался я.

— Для какого лектора? — заинтересованно повернулась она ко мне.

— Для меня. Я туда с лекцией приехал и имел несчастье лично наблюдать всё то, что там написано.

— Да тут все записи как под копирку! — схватила она со стола книгу жалоб и, перестав улыбаться, потрясла ею у меня перед носом, внезапно превратившись в собранного и внимательного профессионала, о котором я мечтал, идя на встречу. — Вы уверены, что это не подстава!?

— Поэтому мы к вам и обратились, чтобы вы разобрались в этой странной ситуации. — ответил я, восхищаясь такой резкой метаморфозой. — А записи похожи потому, что одного и того же человека описывают: заведующую магазина. Под каждым словом лично подпишусь. Я не очень на лектора похож из-за возраста, она меня за простого покупателя сначала приняла. Всё это я сам слышал. — кивнул я на книгу, которая так и осталась в её руках.

— Ну, допустим. Можно и проверить. За спрос денег не берут... — похоже, сама с собой

разговаривала она. — Начать с посещения в качестве простого покупателя... Или сразу на работу устроиться?

— Вы же, только, не сами идите устраиваться. — возразил я.

— Почему? — недоумённо спросила она.

— Ну, какая из вас продавщица? — усмехнулся я. — Артистка ещё может быть, а продавщица... извините.

— Ну, за это не волнуйся! — небрежно отшила она меня. — Хорошо! Займёмся мы вашим магазином. — заявила она и, переключившись на отца, опять превратилась в женщину-вамп.

— Спасибо. — ответил я. Она лишь кивнула в ответ.

Переговоры окончены. — понял я. Мой юный возраст сказывается — она меня серьёзно не воспринимает. Краткая вспышка интереса, когда узнала о том, что я лектор из «Знания», быстро затухла. словно она поняла причину... Небось, подумала, что папа меня пристроил на подработку, и тут же утратила к пацану всяческий интерес. Впрочем, я не внакладе. Мне и не нужен ее интерес ко мне, мне хочется, чтобы она вывела бесноватую работницу советской торговли на чистую воду.

— Ну, тогда я пошёл. Как мы узнаем о результатах?

— Узнаете. — твердо пообещала она.

— Рад знакомству. До свидания. — попрощался я, а она лишь кивнула, улыбаясь.

Ну и журналист. — пытался я проанализировать свои впечатления от новой знакомой по дороге домой. — Умна, хитра, артистична, харизматична, авантюристка. Профессионал, одним словом. — подвёл итог я. — Интересно, откуда батя её знает? Хотя — мне какое дело, как именно она попала в его постель! Блин, не батя, а какой-то Казанова!

После Горного поехал на вождение. В этот раз удалось покататься по площадке. Сложного ничего. Только к габаритам надо привыкнуть, а то в первый поворот туго вписался. Мне понравилось в грузовике кататься. Сидишь высоко, видно далеко. Галие тоже понравилось. Но у неё впечатления гораздо острее были. Помогая спуститься ей из кабины, почувствовал, как она дрожит вся мелкой дрожью.

— Ты чего? Что с тобой? — напрягся я.

— Волнуюсь. — возбуждённо ответила жена.

— Адреналин?

Она только плечами пожала и закусила нижнюю губу, пытаюсь скрыть нервную улыбку.

Понятно, первый раз... Помню, как у меня это было. Правда, у меня выброс адреналина случился не на площадке, а при первом выезде в город. Инструктор вроде и предупредил, но так, что я не понял.

— А сейчас будет шоковая терапия! — сказал он, ехидно улыбаясь. Я подумал, он шутит. — Выезжай с площадки!

А площадка, на минуточку, была возле метро Ботанический сад, там движение такое, что, даже отъездив уже несколько лет, я очень не любил это место. Вот тогда да, была реальная шоковая терапия. Так же трясся после занятия.

Надо с Инной поговорить, не вредны ли для беременной такие адреналиновые встряски? — думал я, когда мы возвращались домой.

Приехав нашли у себя в двери записку: «Нужен противогаз. Брагин».

— Ну, понятно. — улыбнулся я. — Кое-кому не терпится в новую квартиру поскорее заехать.

Пока жена занималась ужином, сходил в первый подъезд, отнёс противогаз.

Оба Брагиных и старший, и младший в рабочих шмотках собирали с пола остатки пыли после циклёвки веником и щёткой с длинной ручкой типа «швабра». У порога стояли две пятилитровых банки паркетного лака.

— Слушай, что мы придумали! — воскликнул Костян, впустив меня в квартиру. — Мы лак на пол выльем и щёткой быстренько размажем!

Так и хотелось крикнуть: «А что, так можно было?!».

— У меня противогаз только один. — ошарашенно ответил я.

— Ничего. У нас один свой есть. — ответил генерал.

— Ну, давайте, попробуйте щёткой. — озадаченно сказал я, постоял несколько минут у них над душой, представляя себе эту картину, и попрощался.

А я кисточкой херачил!.. — вспоминал я, как это было, спускаясь по привычке пешком по лестнице. — Ну, сначала, пусть сделают. Посмотрим, что у них получится. А генерал молодец — лично сыну пример подаёт...

Утром в субботу не успели мы толком проснуться, Лёха со Светкой были уже у нас. Оказывается, поезд пришёл в половине восьмого. Света ещё в дороге начала нервничать, как её примут Лёшины родители, сидела печальная и смотрела на мир вокруг испуганными глазами.

Лёха тоже заметно нервничал, но хорохорился и пытался приободрить подругу.

Что же там за мама такая, что детей так запугала?

Шепнул Галие, чтобы она Светку припахала на помощь по хозяйству, пусть хоть отвлечётся немного. Жена поставила её печь блины на завтрак.

Часам к одиннадцати приехала Диана. Роскошная. Никак не похожа на девчонку, что совсем недавно приехала из провинции покорять огромную столицу. Видимо, на такси приехала, без шапки и в расстёгнутом пальто. На голове укладка, на лице макияж, вся в золоте и импортных шмотках.

И тонкий аромат французского парфюма сразу наполнил прихожую.

Помог ей раздеться и пригласил в кухню.

Светка искренне обрадовалась ей. Они обнялись. Света восторженно разглядывала подругу, заметив и оценив всё.

Диана скромно присела на ближайшую табуретку. Со стороны казалось, что она вообще не из нашего мира, случайно здесь оказалась и совершенно не вписывается в окружающую обстановку.

Девчонки готовили завтрак и делились новостями. Наконец, всё было готово и мы расселись вокруг стола.

Внимательно наблюдая за Дианой, заметил, как она несколько раз бросила обеспокоенный взгляд на подругу, но потом развернулась лицом к Лёхе, приняла позу ласковой кошечки, пропустила прядь волос сквозь пальцы и натянула на лицо откровенно неискреннюю улыбку.

— Лёш, — едва коснулась она его руки своими изящными ухоженными пальчиками. — А что ты хочешь на день рождения?

Ну, так и есть! Сестра решила к Лёхе подкатить. А я ещё сомневался! Надо доверять своим инстинктам, они все же на основе очень длительного опыта общения с женщинами выработаны...

— А ты что, — вмешался я, пока никто ничего не понял. — До сих пор подарок не приготовила?

Глядя на неё, пытался поймать её взгляд и заставить смотреть на себя. Она выдержала только несколько мгновений.

— Ну, не то чтобы совсем не приготовила... — смущаясь, отвела она от меня глаза.

— Ну, пойдём, — решительно встал я и подошёл к ней. — посмотрим, может я смогу тебе помочь.

Взяв сестру за локоть, я вывел её в нашу с женой спальню и прикрыл дверь.

— Зачем тебе Лёха? — прямо спросил я, загородив собой дверь, типа, не выйдешь, пока всё не расскажешь.

— Да не нужен он мне! — воскликнула Диана.

Громковато, но у нас там музыка хорошо так включена, не должны услышать. Ну да, беседа предстоит эмоциональная, покричать придется, чувствую...

— А в чём дело, тогда? — начиная раздражаться, спросил я. — Чего ты к нему руки тянешь?

— Надо! — вдруг резко ответила сестра. — Хочу, чтобы завтра Фирдаус увидел, какая у него жена!

— И какая? — с усмешкой спросил я, уже догадавшись, что это всего лишь попытка развести мужа на ревность.

— Такая! Всем нужная! — дерзко взглянула на меня сестра.

Вдруг я увидел перед собой красивую, но совсем ещё молодую девушку, которая никогда не видела примера нормальных, здоровых отношений между мужчиной и женщиной. Отец сбежал от матери, мать, чуть что, впадает в истерики, замуж так и не вышла. Возможно, и не зря — боялась нарваться на какого-нибудь своего Кабана, который будет приставать к дочке, как было у Эммы. Так что Диана у нас, вроде и не совсем глупая, но катастрофически неопытная и недалёковидная. Это Тимур меня старше почти на два года, ему восемнадцать в том году исполнилось. А Дианке-то восемнадцать только будет. Ну да, восемнадцатого августа ей восемнадцать и исполнится. Расписали их с Фирдаусом, несмотря на это, потому что Сатчан помогал...

— Диана, Диана... — проговорил я. — Детский сад, штаны на лямках... Детство в одном месте застряло? Пора взрослеть!

— А я что, по-твоему не взрослая?

— Да ты на два хода вперёд последствия своих поступков просчитать не можешь! Ну, кто так делает?

— Как не делает? — она уже чуть не с кулаками на меня пошла.

Схватил её за руки и усадил на кровать.

— Слушай меня внимательно. — жёстко начал я. — Ни один нормальный мужик не потерпит, что жена глазки кому-то постороннему строит. Тем более, восточный мужчина! Фирдаус, как бы не любил тебя, просто разведётся с тобой и всё! Это во-первых! — прикрикнул я, видя, что она собралась спорить со мной. — А теперь во-вторых. Ты уверена, что Светка молча прожует обиду? Ты уверена, что она тебе космы не повыдёргивает и рожу

не попортит? А если она отомстит тебе задумает? А если кислотой в лицо плеснёт? Останешься и без мужа и уродиной на всю оставшуюся жизнь.

Никто сейчас кислотой, конечно, ещё не пользуется для устранения соперниц. Но чтобы припугнуть, самый тот аргумент для девушки, которая гордится своей красотой.

Диана смотрела на меня растерянно. Надо закрепить результат. Руки отпустил, мысль пошла работать, по крайней мере, она уже не рвется к двери.

— Ты, когда свои планы строишь, забываешь, что вокруг тебя живые люди, со своим мнением и со своими планами. Ты их в расчёт не берёшь, и очень напрасно! Они могут все твои планы поломать. И получишь, в результате, совсем не то, на что рассчитывала. Да и подумай, как следует — ты вот с такой легкостью готова из Светки врага себе сделать. Из-за минутного каприза. А ведь это твоя единственная настоящая подруга. Которая знает тебя много лет и ради тебя и сейчас на многое готова, и в будущем всегда поможет. Ты уверена, что в жизни у тебя еще такая же подруга появится, чтобы так легко предавать многолетнюю дружбу?

Она сидела и смотрела прямо на меня. На лице её отражалась вся гамма чувств, доступных юной девушке в подобной ситуации: от обиды и ненависти, до испуга и растерянности.

— Нельзя недооценивать людей. — присел я перед ней на корточки и снова взял её руки в свои. — Вокруг нас не дураки! С чего ты, вообще, взяла, что Лёха на тебя повёлся бы? Он умный парень. Моментально бы просчитал, что ты неспроста к нему, вдруг, интересом воспылала. А если бы он тебя отшил прилюдно ради Светы? Ты об этом не подумала? И выглядела бы ты в глазах Фирдауса, не как желанная для всех девушка, а как отвергнутая девушка легкого поведения.

Она молчала. Поджав губы. На лице обида и сожаление.

— Ты сейчас похожа на капризного ребёнка, — заметил я. — Которому не дали то, что он хотел. Но ты просто хочешь слишком многого. У тебя муж красавец и богач, Светка тебе сейчас завидует. Да и многие завидуют. Это твой капитал, это — твоя удача. Не спусти свою удачу в унитаз из-за мимолетного каприза...

— Отстань. — раздражённо ответила сестра, выдернула свои руки из моих, и поднялась, собираясь выйти из комнаты.

Я остановил её, взяв за руку и пристально посмотрел в глаза.

— Да, все я поняла! Не буду я больше с твоим Лехой заигрывать! Пусти! — прошипела недовольно она и вырвала свою руку.

Мы вернулись на кухню и застали мирную беседу.

— Переведусь в Москву, — говорила Света. — На вечернее. Пойду работать. Надо же будет квартиру снимать...

Диана при этих словах удивлённо посмотрела на подругу.

— Ты собираешься и работать, и учиться? — спросила она. — Но зачем вам снимать? У Лёши есть же, где жить.

— Ну, не всё так просто... — замялся Лёха.

— Мама Лёшина против того, чтобы он женился, пока учёбу не окончит. — пояснила Света, начиная опять нервничать. — И вообще, против, чтобы он женился на приезжей...

Диана сидела, открыв рот и удивлённо глядя на нас всех. Похоже, для неё всё это стало откровением.

— Да, Диана. Тебе крупно повезло, что родня Фирдауса сразу приняла тебя. — сказал я серьёзно, глядя ей в глаза. — Только москвичи настолько гордятся своей московской пропиской, что всех остальных считают людьми низшего сорта. Больше нигде в мире такого феномена нет.

Наблюдал за Дианой. Поза изменилась, стала свободной и естественной. Корпус развёрнут в сторону подруги, а не Лёхи. Из движений пропала томная жеманность. Ну, похоже, достучался.

Но волнение Светы и Лёхи перед завтрашним днём передалось окружающим. За столом повисло молчание. Вспомнился фильм «Москва слезам не верит», эпизод как все три подруги приехали на дачу к родителям жениха одной из них, и как родители гадали, которая же их будущая невестка и как они обрадовались, когда это оказалась самая скромная девушка. Так, а ведь его еще явно не сняли... Есть идея!

— Диан. Ты должна помочь им. — кивнул я на притихших Лёху со Светкой. — Завтра на дне рождения вам со второй нашей Светой нужно будет вести себя как можно отвратительней, чтобы родители Лёхи сами выбрали ему вот эту, милую и скромную, Свету. — показал я на удивлённую Герасимович. — Контраст должен быть очень сильный, понимаешь? Всё познаётся в сравнении. Вот и пусть сравнят двух москвичек из богатых семей, уверенных в себе и избалованных, и скромную провинциальную девушку.

Диана хмыкнула.

— Избалованную и капризную мне даже изображать не надо.

И то верно. Ну, если удастся направить ее энергию в полезное русло, то скромно сделаю вывод, что во мне пропадает великий педагог. Лишь бы не переиграла. Если она к своей естественной стервозности и надменности еще что-то добавит, то как бы Лехины родители милицию не вызвали, или с лестницы ее не спустили.

— Мы с Машей тоже поможем. — встрепенулась Галя. — Только ты не обижайся, если я завтра скажу что-нибудь неприятное или сделаю. Ладно?

— Конечно, дорогая. Ради счастья друга я всё стерплю. — состроил я скорбное лицо.

Все рассмеялись, обстановка разрядилась. Жена побежала звонить Маше, чтобы предупредить о нашей завтрашней аванюре. Диана стояла рядом и подсказывала. Они провисели на телефоне минут двадцать. Надеюсь, завтра мы увидим отъявленных стерв.

— Не забыли ей подсказать, чтобы она Витю предупредила? — спросил я. — А то бедного завтра инфаркт хватит... Девчонки, вы, главное, не переигрывайте. Всё должно быть естественно, дружелюбно. Но если просите что-то, то в повелительном наклонении и никаких «пожалуйста». Если не согласны с чем-то, то надменно: «Не говори ерунды!», «Лучше помолчи!». Поняли? И осматривайте квартиру Лёхиных родителей снисходительно. Будут прямо спрашивать: ну, как вам у нас? Говорите «хорошая квартирка», будто, очень стараетесь быть вежливыми, но вам это с трудом удаётся. И обязательно добавьте: «кухня, конечно, маленькая», или «балкон, конечно, маловат», или «потолки, конечно, низковаты». Понятно?

Девчонки подхватили идею и принялись придумывать ситуации. Мы с Лёхой смотрели на них с улыбкой. Появилась надежда, что всё у нас завтра получится.

Тут раздался стук в дверь. На пороге стоял Брагин-младший с моим противогазом. Распахнул перед ним дверь, приглашая.

Он вошёл, увидел Лёху. Возгласы приветствия, рукопожатия. Если нам жить рядом, то и дружить.

— Торопишься? — спросил я. — Может, останешься компанию разбавить?

— Ага, конечно. — закивал головой Костян. — Сейчас, только батю скажу, чтоб не ждал меня.

Он убежал во двор и вскоре вернулся. Представил его сестре и Свете. Он с любопытством разглядывал Диану. Пришлось предупредить его шуткой, что он опоздал: Диану уже взял в жёны иностранный подданный.

— А это заметно. — признался Брагин. — Сразу подумал: заграничная штучка.

При этих словах у Дианы осанка выпрямилась. И настроение резко улучшилось.

Девчонки переключились снова на репетицию завтрашнего представления для Лёхиных родителей. Пришлось пояснить для Костяна нашу задумку.

— А ты завтра что делаешь? — вдруг спросил Лёха Брагина. — Приходи ко мне на день рождения.

— Хорошо. — закивал, улыбаясь, Костян.

— Толпа народу собирается. — озадаченно сказал я. — Ты хоть не забудь родителей

предупредить.

Наблюдал, как наши готовились устроить завтра показательные выступления для Лёхиных предков... Какие же они все ещё, по сути, дети. Небольшая, казалась бы, операция, а все взбудоражены, напряжены. Ох, хоть бы не спалились завтра... Всю идею мне испортят.

Глава 11

Москва. Квартира Ивлевых.

Вскоре за Дианой заехал Фирдаус. Приехал без звонка и такой напряжённый и настороженный, что мне, даже, показалось, он бы не удивился, если бы Дианы у меня не оказалось. Наверняка, что-то почувствовал, когда Диана с утра к нам собиралась, небось, подозревать во всех тяжких начал. Ну да, он мужчина восточный, с такими подозрениями жить не может. Его горячий нрав требует конкретики и немедленно. Ох, Диана, дурочка, до сих пор не поняла, с каким огнём играет.

Сделал шаг в сторону, чтобы ему сразу открылась кухня. Он увидел жену за столом и замер на мгновение. Диана же, увидев его, подскочила и радостно понеслась к нам в прихожую.

— Раздевайся, проходи. — усмехнулся я, мысленно заметив, как он смутился. Напридумывал себе, небось, чёрте чего. — Присоединяйся. У нас тут совет в Филях.

Представил Фирдаусу Брагина, остальных он знал.

Диана с энтузиазмом принялась объяснять мужу нашу задумку. На лице Фирдауса изумление сменилось негодованием, потом недоверием. Он периодически поглядывал на меня, чтобы сверить свою реакцию с моей.

— Понимаю, что тебе трудно понять и принять происходящее. — в конце концов вынужден был сказать я, видя его сомнения. — Мы ничего плохого не делаем, просто, помогаем людям принять решение.

— Вам нужно решение. — поправил меня Фирдаус. — Это нечестно.

— Пойдём-ка... — предложил я ему кивнув на сигарету, что он крутил в руках. Мне было, что сказать, но не хотел при всех высказываться. А балкон уже стал нашим местом для обсуждения разных щекотливых вопросов.

— Пойми. — начал я, когда мы вышли на балкон. — У нас совсем другие условия жизни. Не зря же говорят, что москвичей испортил квартирный вопрос. Если бы у Лёхи была своя жилплощадь, он бы женился и никого не спрашивал, нравится его жена кому-то или нет. Но, так как в нашей стране он может свою квартиру получить, только уже будучи женатым и с детьми, то некоторое время он с молодой женой должен прожить с родителями.

Представь, если Светка не понравится матери Лёхи, она же превратит её жизнь в ад! Им придётся или разводиться, или снимать хоть какое-то отдельное жильё, предварительно

заработав на аренду. Им придётся пройти через точно такой же ад, будут и учиться, и работать, Света ещё сможет перевестись на вечернее, а Лёхе нельзя, он в армию сразу загремит, ему только по ночам работать останется. Им придётся преодолевать в одиночку все эти трудности и растить детей. Хорошо, если это их сплотит. А если вымотает настолько, что они видеть друг друга не смогут уже через пять-десять лет? Думаешь, Лёха будет сильно благодарен своим родителям за все эти испытания, которых могло бы и не быть? Особенно, если всё закончится разводом лет через десять. Понимаешь? Мы просто, облегчаем им всем жизнь. И родителям, и будущей паре.

— Но другие же как-то живут? — возразил мне Фирдаус. — И никого не обманывают при этом.

— Ключевое слово «как-то». — с грустью ответил я. — Большинство только лет через десять-пятнадцать в собственном жильё оказывается, если вытерпит, мыкаясь по чужим углам, и не разведётся до этого.

— Ну, не знаю, какая-то несерьезная все же затея... Не нравится мне всё это. Врать нельзя.

— Ну, и не ври. Говори, как есть, если тебя спросят. И не удивляйся завтра ничему, как будто так и должно быть. Ты же придёшь на день рождения?

— Диана, как я понял, рассчитывает, что я с ней завтра буду.

— Значит, идёшь. — подмигнул я ему. — Желание женщины — закон. Это очень даже вписывается в нашу завтрашнюю концепцию.

— Ладно. — рассмеялся он. — Пошли, а то холодно.

Эль Хажжи уехали через полчаса, предварительно выяснив адрес квартиры Сандаловых. Костян и Лёха распрощались с нами уже ближе к вечеру. Договорились, что мы все соберемся на станции «Сокол» в центре зала в двенадцать, а Лёха придёт за нами и проводит до дома.

Так, Галя уже сообщила Маше о нашем плане. Осталось предупредить Свету Костенко и Ираклия. У Светки есть домашний телефон, договорились, что Галя ей позвонит, заодно и посвятит в тонкости нашей завтрашней аферы. А Ираклия предупредит Брагин.

Ну, вроде, всё предусмотрели. Девчонки занялись подготовкой к завтрашнему дню, а я сходил, проверил квартиру Николая-капитана, полил фикус с пальмой. И пошёл на улицу с Родькой и собакой.

— А я знаю, где синее стекло в калейдоскоп взять. — заявил малый, а я стал вспоминать, что там за проблемы с синими стеклами?

Ну, да. Полно было бутылок зелёных, белых, жёлто-коричневых. А красных и синих осколков, действительно, взять было неоткуда.

— Ну, и где же? — поинтересовался я больше, чтоб разговор поддержать.

— А мы с парнями нашли один сарай, там стоят коробки со стеклянными квадратиками. Вот их можно бить и будут стёкла.

— Так они же явно не бесхозные... — сказал я настороженно. — И зачем бить? Ну сколько вам нужно стёклышек на калейдоскопы?

— А они так взрываются! На мелкие осколки! — восторженно сказал пацан.

— Да? А это не опасно? Не дай бог, в глаз попадёт? Как вы их бьёте?

— О стену кидаем.

— Вот же балбесы. — удивился я. — И что это за сарай? Он охраняется? Вас поймают и заставят родителей оплатить ущерб.

— Не поймают! — рассмеялся Родька. — Мы же не прямо там бьём.

— Так. Давай договоримся: ты больше в этом не участвуешь. — строго сказал я.

— Ну!... — разочарованно проныл он. — Позовут же снова, а мне что — отказываться? Скажут, что я струсил!

— Нет, скажи, не струсил, просто — не хочу.

— Угу... — скептически проныл в ответ Родька.

И я прекрасно понимал, что его не убедил... Он уверен, что будут у него проблемы в компании, если откажется со всеми хулиганить. А Родька только-только начал в жизнь местной детворы вливаться. И ему всяко компания сверстников важнее прогулок со мной и с Тузиком. Значит, нужно провести с ним разъяснительную работу.

— Всё! Родион! Побил немного и хватит! Это всё плохо кончится. На учёт в детской комнате милиции поставят. Правда, ты, наверное и не знаешь, что это такое. Видел милиционеров? В форме, с оружием?

Пацан странно на меня посмотрел, типа, конечно, видел, а потом все же кивнул.

— Так вот — одна из задач милиции, следить, чтобы дети не совершали правонарушений. И ловить тех детей, что все же нарушают закон. Для того, чтобы работать с детьми, которые нарушают закон, их выявляют и ставят на учет в детской комнате милиции. И вот тебе, мой друг, никак нельзя попасть на такой учет! Ты себя должен вести образцово-показательно!

— И что в этом учете страшного такого? — недоверчиво спросил малой.

— Да много чего. К примеру, если кто-то окно разобьет в доме, и милиции пожалуются, она

сначала подумает на кого-то из тех детей, что на учете. Раньше закон нарушали, так почему бы не они снова нарушают? То есть, любая проблема — и милиция тут же к тебе бежит, и спрашивает, где ты был в то время, когда что-то плохое случилось. Из обычного гражданина ты превращаешься в подозреваемого. Но лично для тебя все еще хуже.

Я специально нагнетал атмосферу, и малой, естественно, заинтересовался, и сам меня спросил:

— Так почему именно для меня все хуже?

— Потому что, за тобой, в отличие от других детей в доме, только дед смотрит, а не родители. Отец далеко. Если тебя поставят на учет в детской комнате милиции, то тут же поднимут вопрос, что из-за отсутствия рядом родителей за тобой нет надлежащего присмотра, потому ты и пошел по скользкой дорожке. А дальше все просто — однажды за тобой придут и отвезут в детский дом. Хочешь ты или не хочешь, никого это не будет волновать. Как бы твой дед не протестовал, тебя посадят в машину и отвезут за несколько сотен километров отсюда. И раньше, чем тебе исполнится восемнадцать лет, ты сюда уже не вернешься.

Что такое детский дом, пацан явно знал. Двор не без добрых людей, кто-то, его видимо, здорово напугал рассказами про это учреждение. Потому как он сглотнул, и нервно сказал:

— Дядя Паша, я не хочу в детский дом! Там детей бьют!

— Ну да, не без этого, — кивнул я, — так что у тебя, мой друг, только один вариант — быть самым законопослушным и правильным пацаном в этом дворе. Дружить с соседями, улыбаться милиционерам, и ни в коем случае не воровать, не ломать ничего, не обижать никого! Как бы не было весело в той или иной компании, остальных пацанов просто поругают за хулиганство, а вот тебя — отправят в детский дом.

Пацан кивнул с очень серьезным видом.

— Ладно. Пойдём, покажешь, что за сарай и что за квадратики. — решил я хоть узнать, где именно резвится местная детвора.

Он привёл меня к зданию НИИ, на заднем дворе которого было несколько подсобных строений. Территория символически огорожена, только ворота заперты, а калитки в нескольких местах нараспашку, чтобы местным жителям не обходить вокруг. Темно. Вокруг никого. В здании НИИ тоже.

— Ну, показывай. — распорядился я.

Родька было рванул на территорию НИИ, но я погрозил ему пальцем:

— Нет, ты туда больше — ни ногой! Пойми, едва там тебя заметит милиция, тот тут же поймают, и на тебя все исчезнувшие плитки свалят. И здравствуй — детский дом! Просто покажи отсюда.

Малой подвёл меня поближе и ткнул пальцем в сторону окна в одноэтажной кирпичной постройке. Одна половина рамы была закрыта несколькими кусками фанеры, вторая половина зияла темнотой внутреннего пространства.

— Вот там! — сказал он, — залезть очень легко, а внутри множество ящиков с этой самой плиткой.

— А как она хоть выглядит? — спросил его. Чтобы знать, если увижу у других пацанов во дворе, кто из них в его компанию входит.

— У меня есть запас во дворе! — сказал он.

Вскоре он меня привел к сугробу около здания тепломагистрали, и, покопавшись, достал из снега и протянул мне квадратную плитку сантиметров десять на десять. В темноте не разобрать было, какого она цвета, понял, только, что поверхность не гладкая, а выпуклая. Снял прогулочные варежки, что выпросил у бабушки специально с Тузиком гулять, и только коснулся голыми пальцами до поверхности плитки, хотел пощупать поверхность, как она с громким щелчком треснула у меня в руках, развалившись на три кусочка.

— Их только рукавицами можно брать. — пояснил мне Родька.

Ничего не понимаю.

— Еще есть?

— Да тут их полно!

— Дай ещё одну. — потребовал я. Мой мозг требовал изучения этого феномена. Родька щедро сунул мне несколько штук. Положил плитки в карман варежкой и мы пошли домой. Все осколки забрал с собой и выбросил по дороге домой в мусорку.

Хотел по дороге прочитать ещё Родьке ту же лекцию про опасность блатной романтики, что читал подросткам на Механическом заводе в Святославле по просьбе их матерей, но отказался от этой мысли. Мал еще пацан, половины не поймет. Вот подрастет, тогда и расскажу. Надеюсь, что уже сказанного ему хватит, чтобы держаться подальше от всяких неприятностей.

Проводив Родьку, поднялся к нам в квартиру, предвкушая подробное изучение принесенных трофеев. Каково же было моё удивление, когда, достав одну из плиток варежкой из кармана пальто, я увидел рельефную розу на поверхности стекла. Плитка толщиной с пол сантиметра слегка просвечивала на свет.

Такого я не видел ни при этой, ни при той жизни. Что это за отделочный материал такой странный, лопающийся от прикосновений? Прошёл с этим стеклянным квадратом на кухню и положил его на стол, разглядывая. Работа тонкая, и никаких знаков, где сделано, у нас или за рубежом. И для чего эту плитку делают?

— Что это? — заинтересованная Галия подошла ко мне и с интересом склонилась над плиткой.

Не успел я ничего ответить, как она взяла её в руки. Дёрнулся предупредить, но ничего не произошло. Плитка не лопнула. Так... И как это понимать?

Полез в карман за второй плиткой. Специально не стал надевать варежки. Плитка в моих руках не пострадала. Положил её на стол, крепко задумавшись. Мозги начали закипать. Первое, что пришло в голову, что эта плитка реагирует на контрастную температуру. Взял одну и положил под кран, открыв холодную воду, но ничего не произошло. Тогда я включил горячую и плитка тут же треснула на несколько больших осколков.

— Ну, всё понятно. — обрадовался я и взглянул на жену. — Плитка почему-то боится перепадов температуры.

Галия вытащила осколки и принялась составлять их как пазл на столе.

— Жалко. Такая красивая. — чуть не плача, проговорила она.

— Где ты их взял? — спросила Светка, с любопытством наблюдавшая за нами. — Там ещё есть?

— Пацаны утащили из НИИ неподалеку... — задумчиво ответил я. — Ясно, что воровать ее я не пойду. Да и смысл вообще даже думать об этом? Ты видишь, какой капризный материал. Ни ванну облицевать, ни кухню.

— А кухню почему нельзя? — тут же возразила жена.

— Ну, представляешь, масло со сковородки брызнет?.. — ответил я. — И нет плитки... Что ж она такая странная? Блин...

Лучше бы я её, вообще, жене не показывал. Выглядит очень красиво. Увидев один раз, какой красивой может быть плитка, ей теперь любая обычная плитка будет ерундой казаться.

— А если не поливать её ничем горячим? — предложила жена.

— Дорогая, ну, как ты себе это представляешь? — возразил я. — Мыться в душе холодной водой?

Галия сразу расстроилась, осознав абсурдность своего предложения и поставила уцелевшую плитку перед посудой в шкафу со стеклянным фасадом. Дома постоянная комнатная температура, надеюсь, не треснет.

На следующий день без десяти минут двенадцать мы вышли на станции Сокол и двинулись к центру зала, где сразу заметили Лёху, активно махавшего нам рукой.

Девчонки ещё вчера напекли печенек в форме сердечек обычных и шоколадных. А я

приготовил Лёхе в подарок книгу из своих запасов и подписал её в лучших советских традициях: «Дорогому другу Алексею в день совершеннолетия на добрую память. Павел и Галия Ивлевы. 19.03.1972 г.». Сам расписался витиеватым директорским автографом и Галие дал подписать. А на новоселье захватил его родителям еще одну книгу.

Хорошо все же иметь запасы дефицитных книг! В СССР это реально — лучший подарок в большинстве случаев. Главное, конечно, дарить интересную книгу. Помню, как мне на шестнадцать лет один друг, придя на день рождения, подарил какую-то лабудень. Прочитал я книгу, конечно, от корки до корки, но вывод сделал — пацан подарил мне то, что самому было не жалко отдать из своей библиотеки. И выводы тоже сделал на будущее, что он за друг такой.

Лёха тут же встал рядом со Светой и крепко сжал её ладонь, типа, не волнуйся, я с тобой. Глядя на них, ещё непонятно было, кто больше волнуется, Света или сам Лёха.

Вскоре подъехала Света Костенко и тут же начала поздравлять Лёху, вручила ему подарок прямо в метро. На следующей электричке приехали Витя с Машей. Ещё через две электрички появились Ираклий с Костяном. Увидев ещё издали нашу компанию, они оживились и заулыбались, Ираклий встал в боксерскую стойку и бодро пробил воздух кулаком перед собой.

— Народ уже готов к безудержному веселью. — прокомментировал я.

Возбуждённой толпой мы двинулись к Лёхе на новую квартиру. Правда, дом оказался не новым. Обычная хрущёвка без лифта и мусоропровода, скромная квартира с пятиметровой кухней.

Прихожая совсем небольшая — пришлось раздеваться по очереди. Антресоли нависли прямо над головой. Лёшина матушка оказалась очень приветливой женщиной, мило суежилась, предлагая девчонкам тапочки. Только Света Герасимович с благодарностью их приняла, а остальные отказались и надели принесенные из дома туфли. Мартышки начали свою игру. — улыбнулся я.

Сандалов-старший с гордым видом регулировал движение в коридоре.

— Проходим... Не толпимся... Сюда, в зал...

Вроде, нормальные старики у Лёхи. Чего он кипиш устроил? Но отказываться от нашего замысла уже поздно. Да и бывает так, что при гостях люди добрые-добрые, а потом, когда гости уйдут, такое собственному ребенку устроят...

Мебель в квартире подобрана случайным образом, ни намёка на стиль или какую-то концепцию. Обычная советская семья, обычная советская квартира. В гостиной ковер на стене, под ним диван. Перед диваном стол. В одном углу телевизор на тонких высоких ножках. У стены напротив дивана буфет горка с посудой и комодом. В другом углу тумбовая радиолка. А в пустом углу, очевидно, стоит стол в обычные дни.

Осмотревшись, шепнул Свете Герасимович:

— Иди у Марины Евгеньевны поинтересуйся, может, ей помочь чем надо.

Ираклий с Витькой пошли смотреть, какие у Сандаловых есть пластинки, и вскоре заиграла танцевальная музыка. Только мы расселись кто где, раздался звонок. Лёха пошёл открывать, а мы высыпали посмотреть, кто там пришёл. Это приехали Эль Хажжи. Диана с видом королевы прошла в квартиру, а Фирдаус, как верный паж, проскользнул за ней и встал скромно рядом. Диана, улыбаясь, приобняла именинника, молча протянула мужу руку открытой ладонью вверх, дождалась, пока он положит на неё коробку с подарком и вручила её Лёхе с таким видом, будто посвятила его только что в рыцари.

Боже! Какая актриса! Хотелось аплодировать, но нельзя.

Тем временем, Фирдаус склонился перед Дианой и расстегнул ей сначала один сапог, потом другой и подставил привезенные из дома туфли. Переобувшись, Диана сбросила пальто на руки мужу и, не оглядываясь, переключилась сначала на немного офигевшего Максима Анатольевича, потом на Марину Евгеньевну.

— Здравствуйте. — улыбнулась Диана Лёхиной маме. — Слышала, вы только переехали. С новосельем. — она протянула Марине Евгеньевне маленький свёрток.

Молодец.

Хозяйка не удержалась и развернула подарок. Это оказались солонка и перечница в виде двух фарфоровых детских фигурок, что-то типа Кай и Герда. Очень тонкая работа, Марина Евгеньевна долго крутила их в руках разглядывая и повторяя благодарности Диане на разный лад.

Наконец, мы вернулись в зал, как называл большую комнату в своей квартире Сандалов-старший. Парни сдвинули шторы и тюль, открыв балконную дверь и бегали по очереди курить.

Вскоре опять раздался звонок в дверь. Приехала сестра Марины Евгеньевны с мужем и дочерью. Наташа, Лёхина кузина, оказалась плюс-минус наша ровесница, может, чуть младше. После обнимашек и поздравлений старшие прошли на кухню, а Наташа в зал.

— А я ехать не хотела, думала, в такую даль добираться, скукотища, будем одни с тобой и предками... — восторженно оглядывала она нашу большую компанию, уважительно кивая брату. — Не знала, что у тебя столько знакомых.

— Не знакомых, а друзей. — шепнул я Галие и она тут же повторила это учительским тоном. Умница моя.

— Лёша, представь нас сестре. — велела она.

Мы познакомились. Тут Лёхина мама заглянула к нам.

— Наташа, помоги.

Девушка встала и покорно пошла за ней на кухню. Светка Костенко тоже было вскочила.

— Куда?! — зашипел я на неё.

— Ой, забыла. — втянула она голову в плечи, смущённо улыбнулась.

*

На кухне Сандаловых.

— Что это за училка? — недовольно спросила Наташа Свету. — Тёмная такая.

— Галия? Жена Лёшиного друга. Я у них на квартире остановилась.

— Такой молодой, а уже женат? — удивился Сандалов-старший.

— А что тянуть, если девка с квартирой? — ехидно рассмеялся тёткин муж.

— Квартира не её, они снимают. — сочла нужным пояснить Света.

— Иди, Наташка, знакомься с парнями. — велела дочери Лёхина тётя Люда. — Они в МГУ учатся. Может, москвич с квартирой попадётся. Глядишь, выберешься с нашего Подольска.

— Да, ну их, этих москвичей! — ответила Наташа. — Строят из себя!..

— Ну, не все. — возразила ей Света. — Есть и среди москвичей хорошие люди.

*

Света Герасимович и Наташа по очереди выносили блюда с салатами и закусками и выставляли их на стол. Они переговаривались между собой, обсуждая, что куда поставить, не обращая на нас никакого внимания. Пришла Лёхина тётя, принесла льняные салфетки.

— Разложи, пожалуйста. — подала она их Маше, которая сидела к ней ближе всех.

Маша мельком взглянула на них и перевела стрелки:

— Вить, разложи. — показала она на салфетки рукой.

Витька взглянул на неё удивлённо, но потом вспомнил, что мы тут за спектакль разыгрываем, и включился в игру. Безропотно взял у тётки салфетки и раздал нам всем, а оставшиеся положил на спинку дивана. Мы все, при этом, старались сохранять бесстрастное выражение на лицах.

Но какими глазами смотрела на это всё тётя Люда!.. Это надо было видеть.

г. Москва. Квартира Сандаловых.

Пришёл Максим Анатольевич и выставил алкоголь на стол. Бутылка водки и бутылка шампанского, явно из морозилки, сразу запотели.

За ним пришёл тёткин муж и выставил на стол ещё две бутылки вина.

Подтянулись женщины с кухни, все стали рассаживаться. Светка Герасимович с двухлитровым графином компота в руках подошла к столу.

— Лёша, сдвинь, пожалуйста, салатик в сторону. — попросила она, держа двумя руками графин.

Лёшка тут же вскочил, засуетился, расчищая ей место на столе.

— Спасибо. — улыбнулась она.

— Ну, наливайте кому что. — встал Сандалов старший и взялся открывать шампанское.

— Пащ, налей мне компот. — велела мне довольно сухо жена.

— Конечно, дорогая. — тут же вскочил я, играя роль подкаблучника, налил жене компота полный бокал. Она взяла его молча, не моргнув глазом и даже не взглянув в мою сторону.

— Подайте салфеточку, пожалуйста. — тут же для контраста попросила Светка, заняв скромно место с краю. Ей передали, она ласково поблагодарила.

— Все шампанское будут? — спросил батя, аккуратно вскрыв бутылку без хлопка.

— Мне бы вина. — отозвалась тётя Люда.

Марина Евгеньевна, сидя на диване, привстала, оглядывая стол, и хлопнула себя по лбу.

— Светочка. — обратилась она к Герасимович, понимая, что не вылезет из-за стола сама. — Штопор забыла, принеси, пожалуйста, в верхнем ящике выдвигном.

— Конечно, Марина Евгеньевна, сейчас принесу, сидите. — вскочила Герасимович и вскоре вернулась со штопором в руках.

Ну, вроде, всё идёт по плану. — хмыкнул я про себя.

— Сделай музыку тише. — велела Костенко Ираклию, пока все наполняли бокалы. — Сам не слышишь, что ли, что мешает?

Ираклий, предупреждённый и проинструктированный, как ни в чём не бывало сделал тише

музыку и вернулся за стол.

— Ну, товарищи, родственники и друзья! — встал с бокалом в руках отец. — Сегодня нашему сыну восемнадцать. Алексей! Так быстро пролетело время, не успели мы моргнуть, а ты уже вырос. Очень рад за тебя и горжусь, сын. Что ты поступил в МГУ, что у тебя столько друзей, что у тебя уже есть девушка... — повернулся он к Светке, вполне искренне застенявшейся и по-настоящему покрасневшей. — Молодец, сын! За тебя!

— За тебя, друг! — поддержал я этот классный тост.

И все за мной повторили.

Выпили. Начали наполнять тарелки.

— Свет, подай колбасу. — обратилась к Герасимович Диана.

Светка схватилась уже за тарелку, но вдруг Лёха наехал на Дианку:

— А где «пожалуйста»?!

— Пожалуйста. — передразнила его Диана и скорчила рожу.

Светка переглянулась с Лёшкой, типа, да ладно, оставь... Но Лёха остался сидеть с прямой спиной, оглядывая нас всех, типа, только троньте ещё кто-нибудь...

Заметил, как батя с уважением посмотрел на сына. Ну, и отлично.

— Ну, что, между первой и второй перерывчик не большой? — подсказал я. — Теперь, за родителей?

Народ, залипший было после перепалки Лёхи с Дианой, зашевелился, наполнили бокалы. Муж тётки встал, прокашлялся и завис.

— За родителей. — подсказал я.

— Да. Здоровья и счастья этому дому. — поклонился он во все стороны протягивая вперёд свою стопку. — И детишек побольше.

— Болван! Ты не на свадьбе. — зарычала на него жена.

А мы все рассмеялись и принялись дальше есть. Потом сделали перерыв, кто-то пошел на балкон курить, остальные разошлись кто куда. Включили опять музыку погромче.

Наташа подседа к нам с Брагиным, оставшимся сидеть за столом.

— А вы не курите? — спросила она.

— Нет. — ответил Брагин за нас обоих, с интересом присматриваясь к ней.

— Вы тоже в МГУ учитесь как Лёшка?

— Ну да. — не без гордости ответил Костя.

Решил не лезть в их разговор, Наташка, явно, пришлась Брагину ко двору.

— А я не знаю, куда поступать. Десятый в этом году заканчиваю. — поделилась она.

— А ты хорошо учишься? — заинтересовался Брагин. — Можешь попробовать в МГУ поступить.

— Да ты что! — испугано посмотрела на него девушка. — Где я, а где МГУ?

— Да брось! При университете подготовительные курсы открыли, правда, тебе раньше надо было на них записываться. В любом случае, надо узнать... Паш! А в МГУ бывает недобор на какие-то факультеты?

Я пожал плечами.

— Зачем ей идти, туда, где недобор. — задумался я. — Пусть на нормальный факультет идёт. Не обязательно же сразу после школы поступать, пусть на подготовительных курсах, правда, поучится... А, может, она и так сдаст вступительные экзамены. Попробовать надо. Если не сдашь, уже опыт будет на следующий год, меньше волноваться будешь. И поймешь, какую планку надо преодолеть, чтобы поступить.

— Горячее! За стол! — позвала всех Марина Евгеньевна и выставила на стол большое блюдо с варёной картошкой, варёным мясом и языком. И всё это было выложено на кольца маринованного лука, а сверху посыпано мелко нарезанным зелёным луком.

— О!.. — не удержался от восторженного возгласа я.

— Хм... — села рядом жена.

Играем дальше? У нас, вроде, и так уже всё получилось.

— Наливаем, у кого ещё не налито! — командовал Лёхин батя как заправский тамада. — Мать, теперь с тебя тост.

Марина Евгеньевна в фартуке замерла со стопкой грязной посуды в руках, которую освободила и собрала со стола, чтобы поместилось блюдо с горячим. Она растерянно взглянула на мужа, у неё даже бокала не было в руках.

— Давайте мне. — тут же вскочила Герасимович и забрала у неё тарелки. Марина Евгеньевна с благодарностью взглянула на неё, сняла фартук, повесила Светке на плечо и попросила передать ей её бокал.

— Дорогой сын. — посмотрела она на Лёху. — Я так рада, что у тебя столько друзей! Что ты не один будешь по жизни идти. Поверь, любая поддержка — это очень важно, иногда совсем чуть-чуть сил не хватает, чтобы своего добиться, а подставит друг или близкий человек плечо, и всё получится. Хочу поднять этот бокал за всех вас! Помните притчу, как старый отец заставлял сыновей веник ломать? Ломали-ломали, не сломали, а по одному прутику разобрали и сломали на раз. Так что, держитесь друг друга! И никто вас не сломает.

— Молодец мать! — первым коснулся её бокала своим муж. — Хорошо сказала. За вас, молодежь!

— Спасибо... — робко ответила за всех Костенко.

За столом повисла тишина. Не знаю, кто о чём думал, а мне было стыдно. Хорошие предки у Лёхи. Ну, задавили его немного авторитетом, не хватает уверенности в себе парню. Но ему и лет-то всего восемнадцать сегодня исполнилось. Как ещё должны родители относиться к сыну в таком возрасте?

Почувствовал взгляд жены, поднял глаза и догадался, что она о чём-то подобном же думает. Улыбнулся, притянул её к себе и поцеловал в щёку. Мой жест заметили за столом, но поняли по-своему.

— Жена-то, конечно, важнее друзей! — сказала тётя Люда, взглянув при этом косо на мужа.
— Всё правильно! — одобрительно посмотрела она на меня.

Похоже, батя у Наташки завсегда́тай мужского клуба «Гаражи».

— А у кого нет жены? — лукаво спросил Ираклий и понеслось...

Начали с шуток, а закончили полноценным спором: кто в жизни важнее, друзья или жена? Положение усугублялось тем, что народ уже выпил. Кто-то ляпнул, что жёны приходят и уходят, а друзья остаются навсегда. Наши девчонки за словом в карман не лезли и отвечали, что от таких и уходят, у которых друзья на первом месте.

Шутки шутками, но Костенко, даже, обиделась на Ираклия.

— Пора переходить к танцам! — резюмировал Максим Анатольевич. — Пака драка не началась. — уже тише добавил он.

— Какая свадьба без драки?! — тут же вставил уже изрядно набравшийся тёткин муж.

— Мы не на свадьбе, болван! — снова одёрнула его жена.

Больше за столом все сразу в этот вечер не собирались. Дурачились, танцевали, кто-то допивал, то что осталось...

В большой комнате музыка громко играла, не поговорить. Расползлись по квартире группами, кто-то на кухне кучковался, кто-то в соседней комнате.

Мы с Витей и Лёхиным батей зацепились языками во второй комнате рядом с мирно уснувшим тёткиным мужем. Максим Анатольевич оказался инженером с «почтового ящика». Естественно, не говорил конкретно, чем занимается, но на отвлечённые темы мы очень хорошо поболтали.

Решили чайку налить себе, пошли на кухню, а там Светка Герасимович у Лёхиной мамы на груди рыдает, а взволнованная тётя Люда, сама готовая вот-вот слезу пустить, над ними стоит, сцепив руки на груди. Мы остолбенели испуганно на пороге. А Марина Евгеньевна на нас полотенцем замахала свободной от Светки рукой, идите, мол, отсюда.

Я Лёху бросился искать. А батя его перед кухней встал, чтоб никто не заходил, пока там у женщин что-то происходит.

Лёху и Ираклия от Фирдауса было не оторвать. У них своя беседа шла на внешнеполитические темы.

— Там у Светки что-то произошло. — шепнул я ему. Ну как шепнул, музыку перекричал...

— Где? — сразу подскочил он.

— На кухне.

Он убежал, а мы с Фирдаусом озабоченно переглянулись.

К нам присоединились заинтригованные Ираклий с Брагиным и девчонки.

Музыку почти выключили, расселись за столом кто куда, и молча ждали, таская остатки еды с блюд.

Что там могло случиться? Чего Светка плачет? Призналась, что мы концерт тут устроили? Надеюсь, нет.

Наконец вернулся Лёха и устало сел молча за стол.

— Ну, что там? — не выдержала Костенко.

— Света мать вспомнила... — ответил он. — У неё же мать умерла... Они одни с отцом и братом живут.

— Точно! — вспомнил я. — С отцом и братом... Ох, Светка, Светка...

Мы сидели притихшие. Каждый думал о своём. Через некоторое время к нам заглянул Лёхин батя.

— Ну, что носы повесили!? — попытался он подбодрить нас.

— Свету жалко. — шмыгнула носом Наташка.

— Ну, ну... — подошёл он к ней и прижал её голову к себе. — Это жизнь... Давайте, выпьем, что ли? — предложил он.

Все зашевелились, расселись за столом, не то, чтобы нам не терпелось выпить, просто, хотелось руки чем-то занять, отвлечься от грустных мыслей.

— Ну... — протянул батя вперёд свой бокал. — За что пьём?

— За то, чтобы у всех всё было хорошо. — сказала Галя и потянулась к нему своим бокалом с компотом.

Мы последовали её примеру в полной тишине.

— О, вы тут сами пьёте, без нас? — в комнату зашла тётя Люда.

За ней показались Света Герасимович с Лёшкиной мамой.

— Так, в чём дело? Почему нас не дождались? — попыталась перевести всё в шутку Марина Евгеньевна. — Нам тоже налейте.

Лёха с батей похватали бутылки, наполнили женщинам бокалы.

— За что пили без нас? — строго спросила тётка.

— За то, чтобы у всех всё было хорошо. — ответил Лёха.

— Хороший тост. — сказала Лёхина мама. — Давайте, бабоньки.

Они втроём чокнулись и выпили.

— А теперь, тост за любовь! — вернулся к своей роли тамады батя.

— Подожди! Давайте торт и чашки выставим. — возразила ему жена.

— О торт! — воскликнул Лёха.

— Что надо делать? — тут же засуетилась Герасимович. — Стол освободить?

— Светочка, тарелки грязные собери. — распорядилась мама.

Девчонки все как по команде поднялись и принялись убирать со стола.

Вот и всё. Концерт окончен. — подумал я. — Жизнь сама всё по своим местам расставила. Но, оно и к лучшему.

Пошёл к радиоле посмотреть, может, найдётся у Сандаловых что-нибудь спокойное в качестве фона. Включил тихонько оркестровую музыку к кинофильмам.

Вскоре мама Лёхина принесла большущий торт размером с противень. На белом фоне коричневые редкие крошки. Издали мне показалось, что это огромный кусок сала.

Но это оказался шоколадный бисквит, пропитанный взбитым сметанным кремом. Крема на разрезе было едва ли меньше, чем бисквита. Очень красиво. А вкусно!

Наше заседание опять стало напоминать праздник. Начались шутки. А Фирдаус официально потребовал при всех, чтобы Диана взяла рецепт этого торта. Не удержался и рассмеялся в голос на это его заявление.

— Диана, ты хоть какой-то торт научилась готовить? — спросил я. — На моей памяти это уже третий раз, когда Фирдаус у тебя просит взять рецепт.

— Я Рыжик уже делала. — гордо ответила сестра.

— Ну, и как, получилось? — повернулся я к Фирдаусу.

Тот не смог ответить с набитым ртом, но уверенно показал большой палец вверх. Вот, сладкоежка...

Диана сидела довольная. Подмигнул ей, не в силах скрыть улыбку.

Игры наши сами собой закончились. Больше никто из себя никого не строил. Все общались, смеялись.

Лёха плотно опекал свою Свету, не стесняясь никого. То обнимет за плечи, то в глаза заглянет, не грустно ли ей.

Родители смотрели на это спокойно и расслабленно. Значит, не имеют ничего против. — сделал я вывод. Ну а нам, собственно, это и надо было.

Брагин не отходил до конца вечера от Наташки. Можно понять, она симпатичная и смотрит на него, открыв рот. Как же, студент МГУ!

Первыми засобирались Света Костенко и Ираклий, чтобы он успел её проводить и в общагу до одиннадцати вернуться.

Потом со всеми начала прощаться Света, Лёха на вокзал её повёз. Завтра ей уже надо быть в Брянске.

Прощались Сандаловы с ней как с родной, обнимали, целовали. Даже тётя с Наташкой. Дядька же всё проспал.

Решили уйти с ними, чтобы до метро вместе дойти, по району не плутать. Диана с Фирдаусом, мы с женой и Витя с Машей ушли все вместе следом за Лёхой со Светой.

Оставался у Сандаловых только Брагин, вызвался помочь прибраться.

— Смотри, Костян, долго не задерживайся. — подмигнул я ему уходя. — А то в общагу опоздаешь.

Он кивнул, озорно посмотрев на меня. Вот сюрприз для Наташки и её родителей будет, когда узнают, с кем, на самом деле, она познакомилась. Главное, конечно, чтобы нормально себя вел, а не как мажор. А то надурит еще девчонке голову и бросит... Ну ладно, жизнь покажет.

Добрались домой поздно. Забыл предупредить Родьку, чтобы с псом без нас погулял. Пришлось ещё на улицу с Тузиком идти.

*

Квартира Сандаловых.

Брагину уже надо было уходить. Времени оставалось впритык, чтобы успеть добраться до общежития.

А он всё никак не мог решиться спросить, есть ли у Наташи телефон дома.

Сёстры Марина и Людмила иногда переглядываясь между собой, с улыбкой наблюдали за детьми, вспоминая свою молодость, свои первые свидания.

Наконец Константин решился и спросил:

— А у вас есть телефон дома?

— Нет. — ответила Наташка.

— А как же вы связываетесь друг с другом? — спросил он, обращаясь к старшим.

— На работу звоним. — пожала плечами Людмила.

— А Наташа же ещё учится. — растерянно проговорил Брагин. — Куда ей звонить?

— А ты пиши. — рассмеялась Марина Евгеньевна.

— Ну, я серьёзно! — обиженным тоном ответил парень. — А если срочно что-то надо?

— Телеграмма. — ответила Людмила.

— Серьёзно? — с сомнением посмотрел на неё Брагин, пытаясь понять, шутит она или нет. Так и не определившись, он записал домашний адрес Башагиных в Подольске. Попрощался, и выйдя из дома, бегом побежал в сторону, как ему казалось, метро. Но он неправильно сориентировался в чужом районе и, когда понял это, время было безнадежно упущено. В ДАС к одиннадцати он никак не успевал.

*

Вернувшись, застал жену над чемоданом. Она всё меня в командировку на конференцию собирает с того момента, как меня Эмма Эдуардовна перед фактом поставила.

— Дорогая, что ты на этот раз мне положила? — усмехнулся я.

— Кипятильник. — ответила жена. — Чай, вот, в этой банке, — показала она жестяную коробочку. — сахар прямо в пачке кусковой. Ещё одни трусы и носки положила. Две рубахи хватит? Может ещё одну?

— Ещё одна на мне будет. — поцеловал я её. — Не переживай так. Всё будет хорошо.

— Но загранкомандировка!.. — возразила жена.

— Подумаешь... Не переживай так. Неделя пройдёт, оглянуться не успеешь. Главное, не забыть мне с Родькой насчёт пса договориться. Сама не гуляй с ним. А то дёрнет, не дай бог, эта бестолочь молодая, вижу цель — не вижу препятствий! — обнял я жену и потрогал ей животик. — Что Инна говорит?

— У Петра какие-то неприятности... У них же гаражи строятся. Он хотел там начальником стать, но его не выбрали. Тогда он в замы пошёл.

— Молодец. А неприятности какие?

— Кто-то что-то копать начал не там, что-то повредил... Связь какую-то порвали.

— Кабель спецсвязи?! — тут же сел я на кровати. — А что же их, разве, не предупредили, что он там есть?

Галия пожала плечами.

— Ладно, завтра позвоню Инне на работу, попрошу Петра мне позвонить вечером... А насчёт нашего маленького что Инна говорит?

— Всё хорошо. Растём. — заулыбалась жена.

— Ну, и слава богу.

Мы уже собрались лечь спать, как в дверь постучали.

На пороге стоял Костян Брагин.

— Я в общагу опоздал. — с виноватым видом сказал он. — А у меня полы совсем ещё не высохли. Можно я у тебя переночую?

— Конечно. — рассмеялся я. — Проходи. Так и знал, что ты с Наташкой не расстанешься по-

хорошему.

— Расстались-то по-хорошему, только поздно. Еще и заблудился. — с досадой сказал приятель. — Еле метро нашёл.

Постелили ему в большой комнате на раскладушке. Пёс с котом окружили незнакомца и долго оценивающе рассматривали и обнюхивали. Пришлось забрать пса к себе, а то он как-то очень подозрительно на Брагина косился.

Глава 13

г. Москва.

На следующий день, пока завтракали, вспомнил, что надо Инне позвонить. Застал с утра на месте. Она обрадовалась, начала делиться новостями. А мне болтать особо некогда было, пообещал после командировки заехать к ним и попросил Петру передать, чтобы позвонил мне вечером после девяти. Поехали в университет вместе с Брагиным.

По дороге Костян спросил, как общаться с девушкой из другого города, если телефона нет?

— Так и общаться. — пожал я плечами. — Письма писать. Лёха, вон, к Светке на выходные в Брянск мотался, бывало, что и без предупреждения. Рисковал, конечно, она могла домой в Святославль уехать. Но его, как видишь, это не останавливало.

— Серьёзно? — удивлённо слушал меня Брагин.

Для него, похоже, стало откровением, что можно вот так ради кого-то... Ну, пусть учится, а то в семье, похоже, ему такую науку не преподали.

— А Подольск — это же вообще, чуть ли не пригород Москвы. Точно не Брянск. — напомнил ему.

В перерыве Витька Макаров с загадочным видом вернул мне мой том воспоминаний Жукова. Взяв у него книгу, сразу начал листать. Рядом с фото маршала на всю страницу размашистым почерком было написано: «Студентам МГУ с пожеланиями успехов в учёбе и труде. Будьте, товарищи, достойными патриотами нашей Родины. Маршал Советского Союза Г. Жуков». И подпись маршала.

— Фух!.. Витька! Спасибо! — не мог я поверить своим глазам.

— Отец и наш том так же подписал. Получается, что это тебе и мне пожелание от маршала.

— Спасибо. — поблагодарил я ещё раз.

— Тебе спасибо. За мысль взять автограф. — улыбнулся Витька.

После пар сразу поехал к отцу. Звонил ему как-то на прошлой неделе посоветоваться насчёт

того, что и где купить для продажи за границей, а он вспомнил, что у кого-то из коллег в прошлом году загранкомандировка в последний момент сорвалась по семейным обстоятельствам трагическим, и человек не знает, куда ему теперь девать стратегический запас советских секундомеров.

— Выкупи у него и всё! — предложил тогда отец. — И доброе дело человеку сделаем и самим бегать не надо будет искать. Он мне уже и принес их, как только я сказал. Тридцать штук, по двадцать рублей за один отдает.

— Тут такое дело, — задумчиво сказал я, — слишком много их брать точно не стоит. Если найдут на границе, то могут мне спекуляцию вменить. А мне уголовное дело на старте жизни точно ни к чему...

— А сколько рискнешь взять? — спросил батя.

— Ну, по карманам рассовать четыре штуки, да в чемодан один положить... Получается, больше пяти штук брать точно не стоит.

— Ну, он и этому обрадуется. — усмехнулся отец, — а то у него вроде штук тридцать, точно.

— Ага, на тридцать больше, чем нужно. А будет на двадцать пять.

Тянуть не стали. Сразу и отправились в дорогу.

Приехав на кафедру к батю в МГИ, застал у него завхоза Григория Наумовича. Оказывается, отец уже всем своим разболтал, что я еду в загранкомандировку. Наумович притащил пару небольших радиоприёмников в кожаных чехлах. ВЭФ-Спидола.

— Походные какие-то... — с интересом рассматривал я их.

— Продай там и привези чего-нибудь приличного жене моей. — объяснил причину своего появления Наумыч. — А лишку будет, себе оставь за услугу.

— А что же привезти? — напрягся я. — Женщинам тяжело угодить...

— Да, откуда я знаю? Юбилей у ней!

— Ну, посмотрим... — задумчиво ответил я. — Может, парфюм французский?

— О! Давай! — сразу согласился завхоз, но потом, почесав затылок, спросил озадаченно: — А парфюм — это что?

— Одеколон. — объяснил ему батя.

— Ну, давай. — закивал Наумыч.

Батя придвинул мне коробку с пятью пластмассовыми розовыми и серыми коробочками.

Сразу их узнал. У нас дома тоже такая была в первой моей жизни. Малой был, любил с секундомером играть...

— Сколько денег за них? — спросил я батю.

— Давай сто рублей и привези Кире тоже французский парфюм.

Стал засовывать перчатки в карман пальто и наткнулся на последнюю стеклянную плитку, что у меня осталась, а я забыл про неё.

Вытащил её аккуратно, понадеявшись, что уже давно в помещении нахожусь и она не отреагирует на мои руки. Так и получилось.

— Смотрите, какая ерунда. — положил я плитку на стол перед батей и Наумычем.

— Ну надо же... — пробормотал завхоз. — Никогда таких не видел. Где взял?

— Интересно... — батя взял плитку и с интересом рассматривал. — Действительно, где взял?

— У нас на районе ребятишки таскают их из сарая нашего НИИ и бьют об стены. Они взрываются эффектно, ребетня и резвиться. Если эту плитку с мороза голыми руками взять, она лопаётся. Я эксперимент проводил с горячей водой. Эта плитка не выдерживает большого перепада температуры. Не получится её использовать ни в ванной, ни на кухне.

— Технология нарушена. — сразу сказал батя. — Внутреннее напряжение. Она и взрывается от удара из-за этого.

— Что ж, её совсем никуда нельзя применить? — разочарованно спросил хозяйственный завхоз.

— Боюсь, она даже на вибрацию также будет реагировать, как на горячую воду. — развёл руками батя.

— Ну, о чём-то подобном я и подумал. — ответил я и спрятал плитку на автомате обратно в карман.

Расплатившись с отцом и спрятав приёмники и секундомеры в портфель, попрощался и оставил обоих приятелей. Они, в отличие от меня, явно никуда не торопились.

Поехал к Сатчану. Узнать, как дела и предупредить, что меня не будет неделю.

Он встретил меня в прекрасном настроении.

— Как дела на фабрике? — поинтересовался я.

— Всё тихо. — развёл руками он, довольно улыбаясь при этом. — Похоже, зря мы с тобой

панику развели.

— Ну, лучше перебдеть, чем недобдеть. — возразил ему я. — Опять же, может, просто не заметили слезки.

— Да брось. Какая слезка? Милиция работу свою закончила и отчиталась. Этот вопрос проконтролировали на самом высоком уровне. Более того, я тебе скажу! Там, даже, кое-кто по шапке получил за недостаточный контроль за работой отдела и нецелесообразную деятельность личного состава в рамках исполнения служебных обязанностей. — хохотнул Сатчан.

— Повезло. В ближайшее время эти больше не сунутся. — заметил я. — Будут что-то другое мудрить. Что они могут ещё придумать? А?

— Да ладно. Так по носу получили, неужели опять полезут?

— Не знаю... Я бы полез. Тут уже дело принципа, понимаешь?

— И чтобы ты сделал? — с любопытством посмотрел на меня Сатчан.

— Мне катастрофически не хватает информации. — пожал я плечами, задумчиво глядя на Павла. — Чтобы что-то конкретное предложить. Кто чей кум, сват, брат? Кто с кем и против кого дружит? Кто от кого зависит? Тебе-то, как раз, лучше знать, какой ресурс они могут подключить. Это ты у нас в этом всем, как рыба в воде.

— Да ничего они не могут. — хмыкнул он.

— Ну, будем надеяться. — согласился я. Хотя, чувство, что ещё ничего не закончилось, не оставляло меня. А я свою паранойю десятилетиями воспитывал и развивал. И она меня не раз выручала. Но разве Сатчану это объяснишь? Для него я пацан, хотя и умный не по годам. Только и всего.

Предупредил Сатчана, что уезжаю в командировку в ГДР на неделю. Сначала не хотел хвастаться, что командировка за рубеж, но потом подумал, что не стоит молчать. Узнает, обидится, что не спросил, нужно ли ему что-нибудь. Да и в любой момент позвонить может, мало ли что понадобится, и, обнаружив, что я за рубежом, очень этому удивится.

Он с интересом посмотрел на меня и с любопытством сказал «Ну, ты даешь!», а просить привезти ничего не стал. Зато стал снабжать меня советами. Это я удачно зашел.

— Обязательно возьми мужской костюм от «Большевички», из натуральной шерсти. Купить легко, уходят там влет, ценят немцы все натуральное. У тебя купят, и тут же в ФРГ продадут за две цены. Так, икра красная или черная очень хорошо уходит. Красную могу по четыре за банку подсказать, где купить, черную — по шесть. Это не такой и дефицит, но зачем самому бегать и искать? Я позвоню, ты подойдешь с черного хода, дашь пятерку сверху, и бери, сколько надо. Только бери в стеклянных баночках, чтобы было видно покупателю, что она нормальная по качеству. Дороже продашь. Фотоаппарат «Зенит» хорошо пойдет. Тоже могу

подсказать, куда подойти, чтобы взять. Водки две бутылки возьми, больше нельзя, на границе отберут. Шапки пыжиковые еще — ну они и здесь в цене, нет смысла туда везти.

Вот что значит осведомленность советского комсомола! Сатчан был пресыщен всем импортным, каналы у него налажены, ничего от меня не надо, но сколько всего знает полезного!

В итоге одобрил все его предложения. Он сделал пару звонков, сказал, куда мне подойти. Но на этом советы у него не закончились:

— Так, теперь что тебе обратно везти... Вариантов очень много. Парфюм французский, если цены адекватные, только старайся разный брать, чтобы на границе не прицепились. Колготки — весят совсем ничего, а здесь женщины с руками оторвут. Да и идти куда если к серьезному человеку, секретарше можно подарить, не будешь в очереди долго ждать. Джинсы, кстати, там достаточно легко купить, в отличие от нас. В портовый город едешь?

— Да, Росток. Там большой порт, один из самых крупных в Германии.

— Отлично! Там точно не будет сумасшедших цен, как у нас. Немца джинсами не удивить. Но тоже бери разных размеров, чтобы не пришили спекуляцию. Разные размеры — и подкопаться к тебе будет очень трудно. Скажешь, жене везешь, себе, теще, брату, сестре и тому подобное. Тяжело такой аргумент крыть.

На этом с ним попрощались. Но Сатчан вдруг меня остановил, подняв руку. Сигнал понятен, подождал, пока у него мысль формируется. Наконец, он просиял:

— Вот, вспомнил! Журнал Бурда... морден, нет — моден! Для женщин, с выкройками. Бери свежие номера в любом количестве. Главное, не показывай никому в большом женском коллективе. Порвут на клочки вместе с тобой, настолько эта вещь у баб востребована. Захочешь продать, аккуратно переговори только с тем, на кого нацелился. И Галие ни в коем случае не давай с собой на работу или учебу — она беременная, память могут, когда рванут посмотреть. О, если купишь, вот это Римме моей и привези, чтобы не ждала несколько недель. Машинку швейную ей недавно подарил, надо, пока энтузиазм не пропал, дать ей что-нибудь свеженькое из модного за рубежом, чего ни у одной подружки еще нет и в проекте.

Я кивнул. Очень впечатленный. И довольный, что теперь знаю, что можно Сатчану в благодарность за ликбез привезти. А ему пришло в голову очередное озарение:

— О, и еще журналы по вязанию бери новые немецкие! Название ни одно вспомнить не могу, хоть убей, но точно дефицит. Вяжут сейчас почти все, так что сам понимаешь...

На этом все же расстались. Договорились, что приеду из ГДР и позвоню ему.

От него поехал на вождение. Катались по площадке. Мне всё больше и больше нравился грузовик. Галия уже меньше нервничала, но путалась с педалями, хотя, для новичка очень неплохо.

Предупредил инструктора, что меня не будет неделю. Он кивнул, но насчёт Галии сказал, что ей пропускать занятия не желательно.

Обещал, что она будет ходить, а сам крепко задумался: как она сама из кабины будет выпрыгивать? Одна возвращаться? Ну, допустим, ближайшая пятница не наша. А в среду и в понедельник надо появиться. Может, Брагина попросить два раза с Галией на курсы съездить?

Только пришли домой, как зазвонил телефон.

Батя, оказывается, весь вечер названивает.

— Знаешь, что я вспомнил! — без предисловия начал он. — Раньше трактирщики стаканы варили!

— Не понял. Зачем?

— Затем! Чтоб служили дольше. Они перекладывали их в котлах соломой, чтобы они не бились друг об друга и об стенки котла, и варили их.

— Серьёзно? Никогда о таком не слышал. И долго варили?

— Несколько дней.

— Дней?

— Ну, да. А что там? Подкидывай дров в костёр и все дела.

— Ну, понятно... — задумался я. По уму надо бы навести мосты с этим НИИ. Или рационализаторское предложение внести. Но как к ним обратиться? Здравствуйте, у меня тут несколько ворованных плиток ваших завалялось. Если их сварить, они не будут трескаться. Классное будет начало для общения. Но дальше оно, боюсь, продолжится уже в других стенах...

Или самому старинный рецепт попробовать?

Рассмеявшись собственным мыслям и представив, какими глазами на меня будет смотреть жена, если обнаружит на плите кипящую кастрюлю с плиткой, поблагодарил отца и попрощался. Не успел я положить трубку, опять раздался звонок.

Это уже Пётр звонил.

— Блин, третий раз к автомату выхожу. — наехал он. — А тут слышу, занято. Ну, думаю, дождусь! Замёрз, как собака. Что у тебя?

— У меня ничего. Хотел узнать, что у тебя в гаражах приключилось?

— Что, что... Кабель повредили. Вот что. Место получили, боксы разметили, а наш замполит и говорит: хочу подпол под гаражом. А копать руками не хочу. Давайте, говорит, экскаватор пригоним, пока стен нет. Сразу и землю вывезем, а то куда её потом вёдрами таскать?

— Ну, так-то логично. — сказал я, усмехнувшись и уже догадавшись, что было дальше.

— Составили список таких же желающих: кому яму, кому подпол. — продолжал Пётр. — Я, дурак, вызвался организовать всё, деньги собрал, технику нашёл. И на тебе! Получи фашист гранату! Предпоследний бокс в моём ряду. Зацепили ковшом кабелюку!

— И что?

— Тут же милиция прилетела. Мы ещё не успели даже сообразить, за что там ковш зацепился.

— Так вы порвали кабель или только зацепили?

— И зацепили одним зубом ковша, и повредили чуть-чуть...

— И что теперь?

— Скандал... неделю уже ходим с замполитом объяснительные пишем...

— Замполит за тебя вписался? — удивился я. — Какой мужик правильный.

— Он у нас председатель ГСК! — в голос рассмеялся Пётр. — Куда ж он денется с подводной лодки...

— А что за кабель? Кто вас таскает? Госбезопасность?

— Нет! Ты что? Это министерства обороны кабель. — усмехнулся зять. — Если бы это какая-нибудь правительственная связь была, я бы с тобой сейчас не разговаривал.

— А, так это свои? Ну, сами виноваты. Могли бы предупредить, что у них там кабель лежит.

— Мы им так и сказали. А то секретность, секретность. Вот и получите.

Мы попрощались, а то телефонный автомат на улице, а Пётр выскочил позвонить налегке. Сообщил ему, что еду в командировку на неделю, договорились встретиться, как приеду, узнать, чем закончилось эта эпопея с кабелем и, вообще, давно не виделись.

Повезло, что не Пётр в ГСК старший. — думал я, садясь за стол ужинать. — За спиной замполита, поди, хорошо от наездов отбиваться.

*

Рашиду Фархатовичу позвонили из райкома и предупредили о визите. Пришлось остаться и ждать. Приехал Иван Николаевич в прекрасном настроении.

— Воспользовались твоей идеей. — шлёпнул он на стол перед Самедовым толстую пачку фотографий. — Фотоаппарат твой пока останется там. Мало ли ещё какой материал понадобится.

— Чёрт с ним, с фотоаппаратом. — ответил Самедов, раскладывая перед собой фотографии.
— Это вы зачем ко мне принесли? Что я должен с этим делать?

— Как что? Что и всегда! Проанализировать, выявить, обличить.

— Это специалист должен смотреть. Отдайте это людям Терещенко, пусть разбираются.

— Терещенко получил нагоняй от начальства. — возразил райкомовский работник. — Ему запрещено близко к фабрике подходить. И вообще, разработка наша незаконная, чем меньше людей об этом знает, тем лучше. Так что, тебе с этим и разбираться. Ну и, раз сам в этих бумагах не понимаешь... У тебя в Комсомольском прожекторе остались ещё толковые и надежные ребята? Ни за что не поверю, что они все разом продались... Пообещай там премию, дашь потом двадцать пять рублей, и студент будет счастлив. Он на эту сумму месяц сможет прожить.

— Есть один... — согласился Самедов, видя, что отделаться от этой работы у него не получится, и сгрёб со стола фотографии. Правда, в том, что студент, о котором он подумал, обрадуется, получив за работу двадцать пять рублей, он сильно сомневался. Видит же, в чем одет, как обут. Импортное там все... Полсотни нужно давать минимум. Ну, не обеднеет и с полсотни. Главное — это дело раскрутить...

*

Глава 14

г. Москва. У дома Ивлевых.

На прогулке заглянули в тайник Родьки у тепломагистрали, попросил у него ещё плиток на эксперименты. Он охотно поделился. Вернусь с конференции, займусь плитковарением. Вдруг, правда, закалится и перестанет раскальваться. С такой информацией уже можно и в НИИ идти. Плитка у них, наверняка списана уже, как некондиция. Надо договориться и выкупить её за денежку символическую. А вообще, это они мне должны будут за вывоз мусора доплатить, а не я им.

Придумал заодно, как можно поднять этот вопрос без вызова милиции с целью моего ареста. Надо к ним не с просьбой обращаться, а с жалобой. И не одному идти, а как представителю собрания жильцов нашего дома. Наглость города берет. Скажу, мол, безобразие, весь наш двор осколками вашей плитки усыпан! Почему так ее храните, что дети ее таскают, а наши

питомцы морды себе в кровь расцарапывают, натыкаясь на острые обломки? Решайте вопрос, или буду жаловаться! А когда скажут — мол, некондиция, девать некуда, тогда можно и предложить выкупить некондицию... по соответствующей цене. Мол, на дачу увезу, перебыю, и осколками двор выложу.

На обратном пути заметил в почтовом ящике белый уголок. Письмо пришло от Тимура, жаль, утром не заметил.

Брат писал о своих курсантских буднях. Вся его жизнь сейчас построена вокруг увольнительных. Выходить в город можно, но увольнение надо заслужить. Не должно быть плохих оценок, не должно быть нарушений дисциплины и устава. Короче, хочешь увидеться с девушкой, делай что хочешь, но чтоб у тебя всё везде было в ажуре. Иначе увольнительной не видать.

Зная брата, предположил, что у него проблемы с дисциплиной. Но, оказалось, нет. Учёба. Не всё давалось легко. Приходится много заниматься, оставаться на пересдачи.

Идёт война за каждую оценку. — писал брат.

Когда не получается выйти в город, Ветка приходит на КПШ, и они разговаривают на виду у дежурных. Многие так делают, все уже привыкли.

Представил себе эту картину: молодая девушка едет к военному училищу, чтобы увидеть любимого и перекинуться с ним хоть парой слов.

Вот, уверен, не каждая на это способна. Ветке памятник надо ставить. Понимает это брат?

Сел писать ему ответ. Описал все наши новости. Про очередные закидоны Дианы. Но и похвалил её: в последнее время она стала прислушиваться к советам. Высказал свою надежду на то, что сестрёнка, наконец, повзрослеет.

И, конечно, высказал своё восхищение Веткой. Целуй ей ручки при каждом удобном случае. — писал я брату. — И каждый раз благодари, когда она к тебе приезжает. И от меня передавай привет и тысячу благодарностей за то, что она у тебя есть.

Положил конверт на полочке под ключами, чтобы не забыть завтра отправить письмо.

Первые две пары прогулял, закупался всем по наводке Сатчана. Заехал также в ГУМ искать костюм от «Большевички». Часа полтора лазил по этажам, пока добрался до нужной секции. Выбрал костюм тёмно-графитового цвета в чёрную тонкую полоску. Издали её совсем незаметно, а шарма костюму добавляет.

На обратном пути у метро зашёл в магазин, купил две бутылки водки. Вроде, всё. Ничего не забыл?

Потом, закинув товары домой, приехал все же на две оставшиеся пары.

Но сразу поехать на лекцию не удалось. Наконец, случилось то, чего я давно ждал. Эмма Эдуардовна предупреждала, что КГБ со мной говорить будет перед поездкой, и с каждым днем я все больше волновался, куда комитетчики запропастились. Хорошо, конечно, если вообще обо мне забыли, а вдруг в самый последний момент появятся, и у нас с ними не сложится? А я, между прочим, в поездку всяким дефицитом закупаюсь. И не весь он мне здесь нужен. Если не поеду, то куда мне девать костюм от «Большевички»? Размер мой, конечно, но носить я его не собирался... Икру, правда, сожрать можно по праздникам. А вот запас секундомеров будет лишним... И лишний фотоаппарат мне ни к чему, мне генеральского подарка вполне хватает.

А вот когда ко мне подошел незнакомый человек в черном костюме, показал корочки старшего лейтенанта КГБ и вручил повестку, по которой мне нужно было к 18.00 явиться в главное здание КГБ, все стало ясно. Молодцы, мастера психологического воздействия! Давили, нагнетали, давали время закупиться товарами перед поездкой, привыкнуть к мысли, что еду. Видимо, чтобы снова предложить мне что-то, что меня не устроит. Эх, как надоело!

Приехал в очередной магазин «Даров природы» с небольшим опозданием, буквально на пять минут, но коллектив уже был собран, на дверях висела табличка «учёт» и меня с порога попросила к себе заведующая на пару слов. Очень необычный приём. Но самое интересное началось потом.

— У меня распоряжение сверху, — озадаченно сказала заведующая. — проработать на собрании с коллективом вот эту статью. — положила она передо мной газету «Московский комсомолец». — Эта статья касается одного из наших магазинов, только в другом районе. Не могли бы вы в своей лекции поговорить с коллективом о ней. Уверена, у вас лучше получится, чем у меня.

— Конечно... — удивлённо взглянул на неё я, терзаемый смутными догадками. — Можно, ознакомлюсь быстренько?

— Пожалуйста, пожалуйста. — обрадовалась она. — Вот присаживайтесь. — показала она мне на своё место.

С нетерпением разделся и на ходу начал читать. Автор статьи К. Швец. Может это быть привет от Карины?

Фельетон был написан очень едко. Сомнений не осталось: это Карина. По моей наводке. Началось всё с дословного и многочисленного описания всех грубостей и неприкрытого хамства заведующей по отношению к покупателям и работникам магазина в виде монолога:

— Ванька, бестолочь! Куда пошёл? Идиот несчастный!.. Мужик, чего ты ждёшь? Манны небесной? Это не ко мне!.. Чего ты рот разинула? Слова забыла? Гони его в шею и иди работать!..

И так далее и тому подобное.

«Вы, наверное, подумали, уважаемые читатели, что это барыня кричит на своих крепостных крестьян и дворовых девок. Зачем надо вспоминать времена, давно минувшие? — наверное, спрашиваете вы себя» — писала Карина. — «Те времена давно прошли. Мы живём в стране победившего социализма по заветам великого Ленина, где гегемоном является рабочий класс. А вот, представьте себе, что всё это происходит в наши дни, в столице нашей Родины, в обычном магазине „Дары природы“, где заведующая возомнила себя столбовой дворянкой и обращается с покупателями и работниками магазина, как с крепостными крестьянами. Кто дал ей на это право?».

Ох, Карина, похоже, на своей шкуре убедилась, что это всё правда. Очень уж язвительно пишет. Надо бате позвонить, поблагодарить её через него. — подумал я и продолжил читать.

Далее всё в таком же духе. Заканчивалась статья вопросом: «За что боролись наши отцы и деды? Разве за то, чтобы нас опять пытались превратить в рабов отдельно взятые малокультурные и малообразованные граждане?».

Ну, точно, Карина лично с ней схлестнулась, чувствуется злость в каждом слове. Когда одна женщина другой мстит — это серьезно.

Сопровождался фельетон смешной карикатурой, где заведующая с разинутым ртом машет угрожающе кулаками на испуганную продавщицу, обслуживающую покупателя, который смотрит на них с опаской и удивлением. Фигуру заведующей специально сделали гротескно большой, кулаки такими, что ими мог бы похвастаться и кузнец, ощущение явной угрозы художник передал очень явственно.

— Ну что? — встал я из-за стола заведующей, ожидавшей меня всё это время. — Мне всё ясно. Пойдёмте, я готов. Можно, возьму газету?

— Конечно. — разрешила заведующая.

Коллектив не расходился и терпеливо ждал.

— Товарищи. В сети магазинов, к которой относится и ваш, — начал я. — произошло ЧП настолько серьёзное, что об этом даже вышла статья в газете. — помахал я ею. — Самое неприятное во всей этой истории, что многие работники торговли, прочитав её, скажут: а что такого? Мы все, порой, так разговариваем друг с другом и, что греха таить, и с покупателями.

Народ зароптал вполне себе уверенно. Чувствуется, здесь у заведующей совсем другие манеры и характер. Персонал ее не боится.

— Как мы говорим друг с другом дома или на работе в компании друзей, это, действительно, наше личное дело. — согласился я с ними. — Но когда мы выполняем свою работу, мы представляем то учреждение, где работаем, мы являемся его лицом и говорим от его имени. Вот и подумайте следующий раз, прежде, чем нагрубить покупателю, что вы в этот момент представляете целую сеть из сорока магазинов, и можно ли вести себя, как единоличные

торговки с колхозного рынка?

Далее плавно перешёл на обычную лекцию о будущем торговли, о магазинах самообслуживания и рассказал, для наглядности, о должности «продавец-консультант».

— Стоит производству товаров народного потребления выйти на уровень спроса, других продавцов не останется. Будут только продавцы-консультанты. — добивал я, глядя на ошарашенный народ. — В их задачу будет входить уговорить, уболтать человека сделать покупку.

— Ну ты ври, да не завирайся. — ответил мне мужичок, похожий на подсобника. — Не будет такого никогда.

Заведующая испуганно зашикала на него.

— Ничего, ничего. У нас же дискуссия. — остановил я её. — Народное хозяйство нашей страны сейчас, в первую очередь, направлено на обеспечение армии и флота и только потом на производство товаров народного потребления и нужды сельского хозяйства. Но холодная война не навсегда. Рано или поздно эти ресурсы высвободятся и будут направлены на потребности гражданских производств и сельское хозяйство, будет больше производиться продуктов и товаров народного потребления.

— А с чего ты взял, что холодная война закончится? — опять влез с вопросом подсобник.

— А вот, международные отношения — это уже тема другой лекции. — усмехнулся я. — По сегодняшней есть ещё вопросы?

Заведующая захлопала в ладоши, подсказывая своим примером коллективу, что лектора пора отпускать.

Слушали они с интересом, а вот аплодировали вяло. Ну да я не в обиде. По такой теме бурных аплодисментов ожидать решительно невозможно. Благодарная заведующая вручила мне целую коробку с логотипом венгерской фирмы Глобус. Интересно, что там, горошек или лечо?

Поблагодарил её от всей души и распрощался.

А газету я зажал. Вот что-что, а этот выпуск с удовольствием буду хранить.

Из «Даров природы» сразу поехал в КГБ. Как раз по времени удачно вышло, исходя из маршрута. Метро — великое дело для огромного мегаполиса.

Мимо этого огромного здания в той жизни проходил десятки раз, если не больше. Как и положено по шею загруженному работой человеку, даже и не думая над тем, что это за строение. Ну вот и пришла пора заглянуть внутрь.

Надавил на кнопку звонка. Тут же дверь отворилась, и я протянул повестку молодому

лейтенанту КГБ вместе с паспортом. Он даже и спрашивать не стал у меня, чего я хочу. Просто, изучив бумаги, молча разрешил пройти внутрь и запустил в небольшую комнату с тремя стульями у стены. Там я и поскучал минут пять, пока за мной не пришел уже капитан. Лет тридцати-тридцати пяти, невысокий, но жилистый. Двигался так, враскачку, характерно для хорошего бойца-рукопашника. Глаза пронзительные, чувствуется, что с характером и силой воли у этого человека все очень хорошо.

Представился:

— Капитан Румянцев Олег Петрович.

— Товарищ капитан, можно ящик здесь оставить, чтобы по зданию не таскать? — спросил я, тыкая пальцем в свою добычу в «Дарах природы».

Немного странно на меня посмотрев, он кивнул и повел меня к лестнице.

Ну да, наверное, я должен потеть и дрожать от страха, а не с ящиком зеленого горошка в КГБ приходить.

Кабинет у него оказался на третьем этаже. Меня он усадил с одной стороны стола, сам пристроился с другой, у окна, раскрыв лежащую перед ним папку.

Видимо, задумывалось, что я должен нервничать, ведь в папке должно было лежать мое дело. Но я спокойно осматривался, изучая обстановку в кабинете и нарушать тишину первым не спешил. Портрет Дзержинского на стене, вымпел красного цвета с какой-то надписью на столе, небольшой двустворчатый шкаф в одном углу, сейф в другом углу. Много времени это не заняло, и я принялся изучать художественные достоинства портрета Феликса Эдмундовича. На этом занятии был прерван:

— Кому-то еще о своих подозрениях в адрес американской компартии, Павел Тарасович, говорили?

— Нет, конечно. К счастью, в кругу моих собеседников эта тема никому и не интересна. Знают, что в США есть компартия, и все на этом.

— А во время поездки в ГДР не собираетесь ее обсуждать?

— Вообще об этом не думал. А что, надо?

— Нет, не надо! — с нажимом сказал капитан.

— Ну и хорошо! — удовлетворенно сказал я.

Капитан нахмурился. Видимо, я первый пацан в этом кабинете, которого вызвали и который при этом никак не желает волноваться. Наконец, он спросил:

— Вы понимаете, что на территории ГДР значительно больше различных подозрительных

лиц, чем в Москве? В том числе пытающихся организовать провокации против советских граждан или и вовсе, завербовать их?

— Не осведомлён об этом, но, в принципе, звучит логично. — ответил я.

— Почему логично? — спросил он.

— Ну, чем ближе к границе с западными странами, тем больше можно такого ожидать, — пожал плечами я.

— И как вы собираетесь реагировать, если столкнетесь с подобным?

— Ну, как советский комсомолец, конечно, — сказал я, — на провокации не поддамся, шпионов пошлю к черту.

Капитан снова замолчал, что-то задумчиво листая.

— Тут написано, что вы отказываетесь сотрудничать с нами. Это верно?

— Нет. — безмятежно ответил я.

— Почему нет?

— Так я вот прямо сейчас сотрудничаю. Честно отвечаю на вопросы. Сообщаю, что пошлю к черту вражеских шпионов, если попадутся под руку. Не молчу, не отказываюсь прийти и поговорить.

Офицер КГБ запыхтел. Понятное дело, ответил я на грани фола. Кто-то с болезненным самолюбием мог бы принять мой ответ за издевку. Но у него с самолюбием все было, похоже, в порядке. Так что он задал следующий вопрос:

— Здесь сказано, что вы на регулярной основе обучаетесь стрельбе из снайперской винтовки. С какой целью?

— Восхищен подвигом советских снайперов во время войны с гитлеровцами. В случае новой войны хочу быть наиболее эффективной единицей на войне. Не рядовым винтиком в окопе.

Показалось, или капитан одобрительно кивнул? Голова дрогнула совсем незаметно.

Снова повозился в бумагах.

— Хорошо, разрешение на выезд вы получили.

На этом наш диалог закончился. Он молча проводил меня к выходу из знаменитого здания.

Выходил из офиса КГБ довольный тем, что в этот раз не пытались снова сделать из меня стукача. Я так понимаю, что капитан в ходе разговора со мной понял, что не прокатит такая

попытка, и не стал заниматься фигней. Приятно иметь дело с умным человеком!

Придя домой, первым делом, позвонил бате, рассказал про статью, зачитал самые острые и злые моменты. Посмеялись с отцом, что Карина братья не хотела, сомневалась, что такое может быть. А потом, похоже, как огребла сама люлей от заведующей, и как взяло ее за ретивое!

Просил передать от меня Карине искренние поздравления и восхищение. Она молодец!

— Газету с этой статьёй в рамку вставлю и над рабочим столом повешу. — пообещал я. — Ибо нефиг!

Похвастался и перед Галией. Она с интересом прочитала статью, одобрительно кивая головой.

Утром сразу после первой пары меня выловила помощница Самедова и велела подойти к нему. Подумал, что он насчёт «Прожектора» меня вызывает, не знает, что ли, что я на конференцию уезжаю?

Постучавшись в кабинет Фархатыча, вошёл, не дожидаясь разрешения.

— Можно? — спросил я. — Добрый день.

— Проходи, Павел. — встал со своего места Самедов. Это насторожило, обычно, он так не делал. — Садись. — положил он мне руку на плечо.

— Что-то случилось? — сел я на ближайший стул.

— Ничего не случилось. Пока. — сказал он вкрадчиво, то ли угрожая, то ли на что-то намекая. Становилось всё более и более неудобно. Опять попросит следить за кем-то? — К тебе есть комсомольское поручение. — наконец, продолжил он и подошёл к своему столу, достал толстую пачку фотографий и показал мне. — Это надо изучить. Но так, чтобы никто не видел и не знал. Докладывать только лично мне. В руки никому документы не давать.

— Почему? Что за секретность? — забеспокоился я.

— Этот материал собран в результате оперативной разработки. — многозначительно посмотрел на меня Самедов. Нашёл какую-то газету и стал заворачивать в неё снимки. — Никто не должен знать об этом, так как дело ведётся прямо сейчас.

— А почему оперативники сами не изучат? — пытался вникнуть в ситуацию я.

— Много вопросов задаёшь. — пододвинул он ко мне газетный свёрток с фотографиями и демонстративно положил сверху пятьдесят рублей одной бумажкой.

— Понял. Посмотрю. — взял я деньги и фотки.

Это что, плата за молчание?

— Как срочно это надо? У меня конференция...

— Чем быстрее, тем лучше.

— До отъезда времени мало. Не тащить же это, — показал я ему свёрток. — через границу.

— Разумеется.

— Тогда, после конференции. — подвёл итог я. — Все проанализирую и принесу вам отчет.

— Ладно. Иди. — согласился он со мной.

Вот и кто со мной спорил? Зуб даю, это фотки с меховой фабрики! Руки чесались посмотреть, что там удалось наснимать. Пошёл в туалет, не раскладывать же их у всех на виду.

Сразу узнал эти характерные рукописные бумажки. У мастеров с наборки что почерк, что сокращения очень специфичные, записи для случайного человека совершенно не читабельны, как медкарты для обывателей. Когда-то я уже работал с ними.

Сомнений не было. На фабрике кто-то работает против нас. Пролистал все фотографии в поисках документа с крайней датой. И это не оперативники ОБХСС. В понедельник их на фабрике уже не было.

Надо ехать к Сатчану. Очень мне хочется на него посмотреть, когда я перед ним эти фотки выложу.

Сбежал с пар и рванул в Пролетарский райком.

У Сатчана был посетитель, новая помощница мне даже заглянуть в дверь к нему не дала. Она спросила у меня, как ей меня представить Павлу Игоревичу, позвонила ему и важно доложила о моём прибытии.

Этого было достаточно, чтобы Павел Игоревич быстренько отделался от посетителя и лично вышел за мной в приёмную.

Понимая, что вот так, без звонка, я просто так не явился бы, он тут же предположил, что у меня возникли проблемы с закупкой деликатесов по его наводке.

— Подожди. — прикрыл я за собой дверь. — На фабрике всё нормально?

— Да... — недоумённо пожал он плечами. — Почему ты спрашиваешь?

— Вот. Полюбуйся. — вытащил я из портфеля газетный свёрток с фотками и положил перед ним.

г. Москва. Кабинет второго секретаря Пролетарского райкома ВЛКСМ.

Сатчан, побледнев, поскольку сразу сообразил по моему виду, что я принес что-то, что разрушит его заблуждения о меховой фабрике, развернул фотографии и разложил перед собой.

— Это то, что я думаю?

— Да, это документы с меховой фабрики. Некоторые совсем свежие, за двадцатое число.

— Откуда?

— А вот это самый интересный вопрос! Мне их Самедов дал.

— Не может быть...

— Вот и не может быть... Уже есть. Мне велено их проанализировать. Поскольку я уезжаю в ГДР, то взял отсрочку до возвращения. У вас есть неделя форы.

— Что надо делать? — пришёл в себя Сатчан.

— Документы эти пустышка. Я уже посмотрел. Накладные на передачу наборов в скорняжно-пошивочный цех. Там всё чисто, если вы не запустили раньше времени параллельный процесс.

— Нет, конечно. — с облегчением выдохнул Павел.

— Но, посмотри, тут есть за что зацепиться. Подписи мастеров разные. То ли участки разные, то ли мастера там в две смены фигурают.

— Да нет. В одну смену фабрика работает. — уверенно ответил Сатчан.

— Ну, тогда есть шанс. Надо выяснить, пока я буду в командировке, что это за участки? Точно ли их два? Может, кто-то кого-то замещал.

— Понял. — кивнул он.

— Если участков реально два, значит, нам крупно повезло, есть шанс выяснить, кто имел доступ и туда, и сюда, может переводы недавно были, это вообще, удача неслыханная. Проще будет наблюдение за шпионом установить. Но если никого так и не выявите, не беда. Перейдём к плану «Б».

— Как не беда? Какому плану?

— Посидите с Еленой Викторовной над этими фотографиями, может, ещё что-то заметите...

В любом случае, этого крота надо вычислить. Вернусь, пойду с отчётом по этим документам к Самедову. Скажу, что этих документов мало, их не с чем сравнивать. И попрошу предоставить мне дополнительные документы для анализа, например, те, которые у Елены Викторовны в кабинете хранятся или где-то рядом, где мало народу бывает.

— Какие документы ты будешь просить? — собрался записывать Сатчан.

— Это не важно, Елена сама сообразит, что мне у Самедова заказать. Важно, где крот будет их искать. Понимаешь? Это должно быть не проходное место. Иначе будете сомневаться он, не он. Фотоаппарат бы его, конечно, выдал. Но он же не идиот в открытую с ним ходить. Небось, спрячет в сумке...

— Я тебя понял! На живца будем ловить!

— Ну, конечно. Как вычислите крота, можно будет его показательно с поличным взять и перевербовать. Или можно втёмную использовать. Это от стратегии, конечно, будет зависеть. Но сразу скажу — второй вариант надёжнее. А то вы решите, что шпиона перекупили, а он для вида согласится с вами сотрудничать, а сам рванет Самедову докладывать, что слился. И вот что я еще думаю... Игру надо будет какую-то придумать, подставить Самедова с компанией так, чтобы они впредь даже думать о меховой фабрике боялись.

— Найти шпиона сначала надо... — озадаченно возразил мне Сатчан.

— Это уже не моя задача, сам понимаешь. Все ниточки я тебе дал. Только, я тебя умоляю, фотографии эти нигде не светить. Я головой рискую, оставляя их тебе. Показывай только Елене и в запертом кабинете, мало ли, зайдёт кто без стука.

— Я понял. — кивнул Сатчан с серьёзным видом.

Что, и даже параноиком меня не назовёшь? — усмехнулся я мысленно. — А ещё спорил со мной, что на фабрике всё чисто. Чутьё и опыт не пропьёшь.

Уходил от него с тяжёлым сердцем. Очень мне не хотелось фотографии из рук выпускать. Но самому по предприятию с ними ходить и разбираться ещё хуже. Остаётся только надеяться на благоразумие Сатчана и Елены Викторовны.

Вернулся на учебу. На третьей паре меня вызвала из аудитории Эмма Эдуардовна, ещё раз проинструктировала насчёт поездки. Поезд в четырнадцать с копейками, она разрешила в день перед отъездом на занятия не приезжать. Из дома сразу к поезду. Уже легче. А то уже думал, что с чемоданом вместо портфеля в университет поеду.

После пар ко мне подошёл Брагин и предложил вместе поехать домой. Сказал, что не смогу — еду на курсы. Пообещал ему заглянуть вечером. Интересно, как сработала их с отцом идея со шваброй?

На курсы приехал слишком рано, пришлось погулять минут двадцать пять вокруг площадки.

Вскоре подошли все наши. Попросил нас с женой пропустить вперёд, в пятницу уезжать, а ещё не всё подготовлено.

*

В четырнадцать ноль ноль, капитан Румянцев Олег Петрович поднялся после обеда по лестнице на свой этаж, но прошел мимо своего кабинета. Постучался в другую дверь:

— Разрешите, Павел Евгеньевич?

— Заходи, Петрович! В чем вопрос?

— Побеседовал вчера с тем парнем, которого вы велели взять на особый контроль. Павел Ивлев, тот, что вел разговор с нашим сотрудником об американской компартии. И ругал нас за то, что мы кормим вражеских шпионов.

— А, ну да, про это забыть невозможно. И что думаешь?

— Крайне интересный типаж. Не выглядит на свой возраст. Закрой я глаза, был бы уверен, что беседую с мужиком лет пятидесяти. Опытным, матерым, через многое в жизни прошедшим. А ему семнадцать недавно стукнуло. Не бьется это...

Собеседник хмыкнул:

— Не подай он эту идею про компартию, можно было бы подумать, что мы упустили вражеского нелегала в своей глубинке. Но ни один нелегал не стал бы светиться перед нами с такими идеями... Это полное нарушение любых основ по инфильтрации. Так грубо никто на Западе не работает.

— Согласен с вами, — кивнул капитан. — Нам противостоят опытнейшие профессионалы. Такой вариант нигде бы не одобрили. Но, конечно, на всякий случай и эту версию проверили. У него множество родственников, подменить его незаметно было бы невозможно. Да и бабка ветеран, подполковник. К нам бы сразу прибежала при малейшем подозрении. Не тот человек, чтобы такое под своим носом не заметить.

— Ну а еще что скажешь по фигуранту?

— Очень умен. Знает об этом и хочет, чтобы это в нем ценили. Своеволен. Независим. Наглый. Притом не в стиле деток крупных начальников, мол, за мной папка стоит серьезный, а наглый, потому что умный, и вины за собой не чувствует по нашей линии. Не умеет подчиняться и не будет подчиняться вслепую. Тренируется стрелять из снайперской винтовки — договорился в военной части на Лосином острове. Говорит, если будет война, хочет быть снайпером, а не винтиком в окопе. Уже этот выбор профессии о многом говорит...

— Нам, получается, как кадровый сотрудник не подходит...

— Даже как аналитик, да. Он в любой момент пошлет к черту начальника, если посчитает, что тот неправ. Без малейших сомнений.

— А вот если бы реальная война была, то такого в разведку посылать самое то. Такие парни во время Отечественной самые лучшие результаты показывали... Может, пообтешется во время учебы, и рассмотрим вопрос его подучить и нелегалом куда отправить? Если научится подчиняться, конечно...

Капитан только скептически хмыкнул. Повторять начальнику, что, по его мнению, личность у Ивлева давно сформировалась и вряд ли изменится, он не стал. Полковник его слышал.

— Вот что, как приедет, вызови его снова и попроси лекцию у нас прочитать по линии «Знания». Если согласится, тему для него посложнее придумай. Хочу лично на него взглянуть.

*

Вернулись домой с курсов. Галя чаек поставила, начала еду накрывать на стол.

— Ох, я же собирался к Брагину зайти. — вспомнил я. — Дорогая, я попрошу его съездить с тобой на курсы два раза, пока меня не будет. И в магазин с ним сходи в субботу. Сама сумки не таскай. Договорились? — поцеловал её и понял по взгляду, что никого она ни о чём просить не будет. Придётся сейчас с Костяном поговорить, чтобы он сам ей навязывался. — Как на работе дела? Ксюша твоя замуж ещё не вышла?

— Да нет. — рассмеялась Галя. — Она после своего первого замужества сказала, что туда больше ни ногой.

— Да? Тяжело будет Ивану.

— Почему?

— Так мы же их познакомить собирались. Забыла?

Галя рассмеялась и покачала головой. Ксюша, конечно, девушка самостоятельная и независимая. Её, как рукавицу, за пояс не заткнёшь. Но, может, такая и нужна нашему археологу?

Зазвонил телефон. Галя взяла трубку. Сразу понял, что какой-то женский разговор, и перестал прислушиваться. Закон самосохранения пожилого мужика, все, что женщины обсуждают между собой, в голову лучше не пускать, ибо распухнет и треснет.

Положив трубку, жена сказала:

— Римма звонила, представляешь! Ей муж сказал, что ты едешь за границу, так она сказала, что по вязанию ей ничего не надо, нужно по вышивке. Сможешь там отличить одно от другого?

Вздохнул:

— Постараюсь, куда я денусь!

— И кстати, разговаривала с Машей, она тоже про твою поездку знает. Так она рекомендовала купить пряжу для вязания. Говорит, что наша ни к черту. Получается, привезёшь, и у нас для нее хороший подарок будет. Они нас в театр водили, а мы их в кино. Неравноценная замена, я до сих пор чувствую, что мы должны. Вот так и отдаримся!

Помолчав, она сказала:

— Пожалуй, мне тоже возьми пряжи. Шарфики нам свяжу.

— Так, с этого момента поподробней, я не очень в этом понимаю. Пряжа же в клубках или мотках считается? Сколько этих... мотков брать?

— В мотках. Чем толще нитка в пряже, тем больше нужно на одно изделие, — ответила Галя, — на свитер, к примеру, может и десять мотков понадобится. А еще можно в граммах посчитать. На один шарфик нужно граммов двести пятьдесят пряжи. А на средний по толщине свитер полкилограмма.

— О, со мной же Эмма Эдуардовна едет! — вспомнив, просиял я. — Если запутаюсь, ее спрошу. Она же из вашего женского племени, по идее должна мне будет подсказать.

— Ну, тут от конкретной женщины зависит. — вынесла вердикт Галя. — Авось и разбирается.

Жена занялась ужином, а я решил пока Брагина проведать, заодно и договориться обо всём.

Он ждал меня.

— О, проходи. — распахнул он передо мной дверь. — Глянь, как получилось.

Снял обувь и прошёл в квартиру. Лак Брагины выбрали матовый и это их спасло. Если бы глянцевый, то вся их халтура блестела бы сейчас, как лунный свет на поверхности беспокойного моря. Шваброй быстрее, говорите? Да я бы уже на их месте начал снова все обдирать и как надо лакировать после этого... Но если сказать, то обидится. Он явно всем доволен. Пусть ему это скажет девушка, которую он сюда жить приведет. А я... Улыбаемся и машем!

— Ну, что я могу сказать?.. — подбирал я слова. — Для первого раза неплохо.

В комнате уже стоял выдавший виды письменный стол с табуретом.

— Обживаешься потихоньку. — одобрительно сказал я.

— Да, батя привёз. Надо ещё диван купить и шкаф.

— И кухню. — подсказал я. — И вешалку в прихожую.

— Неудобно всё время у отца просить... — нахмурился Костян.

— А ты к Сандалову в стройотряд записался? Денег можно будет там заработать.

— Нет. А куда ехать надо будет? На целину?

— Ну, какая целина! Здесь в Москве где-нибудь.

— О, спасибо за подсказку. — заинтересовался Брагин.

— Слушай, просьба есть. В командировку еду на неделю. Хочу тебя попросить за женой моей присмотреть. Она беременна, — у Костяна глаза от удивления на лоб полезли, но он сдержался, ничего не сказал. — Ей нельзя тяжести таскать. Сходи с ней, пожалуйста, по магазинам в субботу. Мы уже наладились по субботам с утра тут на районе закупки делать. Обходим магазины и рынок, часа полтора максимум. Она купит всё на неделю. Тебе только домой к нам всё это занести.

— Да не вопрос. — тут же согласился Костя.

— И ещё. Мы на курсы вождения с ней ходим. Когда договаривался насчёт курсов, она ещё не беременная была. Хотел, чтобы и у неё тоже права были. А как забеременела, просил её отказаться от этой затеи, а она ни в какую. Так и ходит. А у нас уже вождение началось. Кабина ЗИЛа высокая, ей бы помочь залезть и вылезти. Два раза только в понедельник и среду. А там уже я сам вернусь.

— Конечно. Не волнуйся. — пообещал Брагин. — Только, это... а можно у тебя раскладушку взять на прокат?

— Пошли, сразу и заберёшь, и с Галией договоритесь, как вы на курсах по вождению пересечётесь.

Ещё раз при Брагине строго-настрого наказал жене не таскать тяжёлого.

— Если срочно, что понадобится, сосед есть Иван. — говорил я. — В субботу по магазинам Костян с тобой ходит. Часов в десять зайдёшь?

Костян кивнул. А когда я вынес раскладушку, жена засуетилась, собрала ему одеяло вниз, одеяло сверху, подушку и постельное бельё. Короче, пошёл он от нас навьюченный по самое небалуй.

Пока я ходил к Брагину, оказывается, забегал Родька. Галия сказала, что отец его приехал.

— Малый просил тебя зайти, как вернёшься. — передала жена. — Аж подпрыгивал от радости. Давай, ешь скорее и иди. Расскажешь потом.

— Батя, говоришь, приехал. Я бы тоже подпрыгивал на месте Родьки. — усмехнулся я.

Наскоро поужинав, поспешил в соседний подъезд. Дверь в квартиру была открыта. Слышен был смех, шум. На кухне застал деда, Родьку, соседку Шуру и высокого, сухощавого мужчину лет за сорок. Может, и моложе, из-за седины кажется старше. Военная выправка и очень короткая стрижка выдавали его с головой. Поразил его конкретный загар. Явно не от немецкого солнца. — отметил я про себя.

Родька бросился ко мне.

— Паш! — схватил он меня за руку и потащил к отцу.

— Да подожди! Дай разденусь. — рассмеялся я.

— Григорий. — протянул мне руку офицер.— Для своих Гриша.

— Павел. — представился я.

Он рукой пригласил присоединиться к ним за скромным столом.

— Когда приехали? — спросил я.

— Да вот, ещё часу не прошло. — ответил он. — И давай на «ты», хорошо? Судя по словам сына, вы уже с ним как братья.

— Хорошо, на «ты»— усмехнулся я. — Надолго удалось вырваться?

— На сорок пять суток.

Родька забрался на колени к батю и прижался к нему. Отец заботливо обнял его.

— Привез пацану подарков. — расстроено сказал офицер. — Но он так вырос, что почти ничего не налезит. Ни обувь, ни одежда. Только несколько вещей впору оказалось. Похоже, я что-то с размерами напутал... Не ожидал, что он так вверх рванет. А лапа вообще на два размера выросла. Что теперь делать?

— Это да, растёт он быстро. Ну, не страшно, в принципе. Продать просто надо и побольше размером купить. В Москве всё есть. — сказал я. — Только, если продавать, то за нормальные деньги. Родьке же надо будет взамен тоже что-то качественное купить, а импортные вещи недешёвые.

— Ясен пень. — согласился дед.

— У вас есть, кому предложить? — оглянулся я по сторонам и остановил свой взгляд на Шуре.

— Да откуда деньги такие? — отмахнулась она.

— У меня сестра в Боткинской больнице работает. Можно ей на работу всё отвезти, там быстро разберут и за хорошие деньги. — предложил я.

— Соглашайся, Гриш! — зашептала Шура. — Не сами же на базаре будем стоять... Ещё в милицию за спекулянтство загребут. А тебе точно нельзя... уволят с позором, без военной пенсии останешься.

— И то правда. — поднялся Григорий и вышел с кухни.

Вскоре он вернулся с двумя обувными коробками, а на них сверху лежало несколько джинсов в целлофановой упаковке и ещё много всего. Он водрузил мне всё это на колени.

Попросил у Родьки лист бумаги и ручку. Переписал всё, что мне принесли и указал название, цвет и примерную цену. Вторые джинсы оказались не джинсами, а курткой. В обувных коробках лежали две пары кроссовок, высокие тёплые и простые летние. Свитера с горлом и без, футболки с коротким и длинным рукавом разных цветов.

— Хорошо, что на вырост взял несколько вещей. — проговорил Григорий, наблюдая за моими манипуляциями. — А то совсем пацану ничего не досталось бы.

Закончив перепись, я протянул список Грише. Он взглянул мельком и кивнул головой одобрительно.

Все вещи отличного качества. Лейблы разглядывать особо было некогда, но, в основном, шмотки были французские, а на одну этикетку я обратил особое внимание. Судя по всему, Григорий служит совсем не в Германии, а на Ближнем Востоке, а точнее, в Йемене.

Отложили вещи на подоконник и сидели кто за чашечкой чая, а кто за рюмочкой. Григорий о службе совсем не говорил. В основном слушал нас.

Можно было и просто молча сидеть. Достаточно было, что семья, наконец, в сборе. Все трое очевидно наслаждались обществом друг друга.

Не стал там долго задерживаться, попрощался. Обрато Григорию ещё не скоро, успеем наболтаться.

Глава 16

г. Москва.

*

Кабинет первого секретаря Пролетарского райкома КПСС.

Павел Сатчан прождал день в нетерпении, когда начальник вернется из командировки. На следующее утро он позвонил в приёмную начальства, узнать, вернулся ли первый и занят ли? Мол, дело срочное.

Ему велели подниматься.

Хорошо, когда всё в одном здании. — подумал Сатчан. — А подняться с этажа на этаж несложно.

В кабинете первого секретаря он застал своего непосредственного начальника, первого секретаря райкома ВЛКСМ Войнова Вадима Андреевича, и работника райкома КПСС Ивана Николаевича.

— Давай, давай, Сатчан. На ловца и зверь бежит. — показал ему на свободный стул первый секретарь райкома КПСС. — Только что про меховую фабрику спрашивал, на тебя стрелки перевели. Когда уже работать начнёт? Каждый день такие деньги теряем! Серьезные люди нас уже не понимают...

— В ближайшее время фабрика точно работать не начнёт. — спокойно ответил Павел. — Возникли непредвиденные обстоятельства. Вопрос решается. Нужно ещё время.

— А поточнее? Какие обстоятельства? — с сарказмом спросил первый. — Что, опять предчувствие?

— Зря вы так, Михаил Жанович. На фабрике-то, как выяснилось, засланный казачок сидит. Мне в руки по чистой случайности фотографии документов попали, которые он тайком сделал для наших противников, что недавно ОБХСС на фабрику натравили. Это просто чудо и стечение обстоятельств, что мы об этом узнали!

— Чудес не бывает! — возразил ему первый совсем другим тоном. — У всего есть причина, а у неё имя и фамилия... Что за документы? Критичные?

— Нет. Но важен сам факт слива! Копать под нас не перестали. Если начнем левый выпуск, вся информация тут же уйдет, куда точно не надо.

— Что предприняли?

— Руководство фабрики предупреждено. Решаем, как вычислить крота. Параллельный выпуск сейчас запускать никак нельзя.

— Ёжику понятно. Хорошо. Действуйте, докладывать ежедневно.

— Понял. — ответил Сатчан и хотел уже покинуть кабинет первого, но тот жестом остановил его, подумав, что у этого чертёнка чутьё на неприятности, как ни у кого.

Заседание продолжилось.

*

На следующий день в восемь утра уже набирал ординаторскую. С утра, как правило, с сестрой стабильно удаётся связаться. Решил сразу отдать ей вещи на продажу, вернусь из

командировки, она уже всё продаст.

— Привет, Ин. Как у вас дела?

— Нормально. — озадаченно ответила сестра. Живо представил себе, как она удивлённо пожимает плечами. — Что случилось?

— Помощь твоя нужна. Выручай.

И я выложил ей историю подполковника, который год за рубежом был, ребёнка не видел и привёз ему подарки, которые все оказались малы.

— Привози, конечно. — тут же растроганно согласилась сестра.

— Я тогда прямо сейчас выезжаю. Напомни мне, как там тебя найти.

Распихав шмотки и коробки с обувью в три сумки, поехал в больницу. Перед выездом несколько раз проверил, взял ли с собой список вещей. Не хотелось бы столкнуться потом с какими-то недоразумениями.

Похоже было, что Инна сразу же после моего звонка кинула ключ по коллегам, потому что меня ждали. В ординаторской толпилось человек десять. Передал им сумки, а Инне список вещей с ценами.

— Спасибо! — сказал я ей. — Побегу, а то в университет опоздаю.

— Подождал бы минут двадцать. — невозмутимо сказала сестра. — Мы сейчас тебе сразу деньги бы и отдали.

— Серьёзно?

— Ну, а что? Сейчас всё поделим...

Я остался. Не представляю, как в этой суете и гаме ориентировалась Инна, но вскоре у неё в руках оказались первые деньги. Мне не пришлось даже ждать двадцать минут. Очень скоро мне вручили мой список и стопку разномастных купюр, мне осталось только пересчитать.

— Дамы, я вас люблю. — с первого раза сведя дебет с кредитом, воскликнул я.

— Привози ещё! — чуть не хором ответили мне медики под свой же дружный хохот.

Чмокнул сестру и поспешил на учёбу.

*

Кабинет секретаря комсомольской организации меховой фабрики.

Посетив комитет комсомола для отвода глаз, Сатчан оставил там верхнюю одежду, дождался главного инженера и пошёл с ним к главбуху.

Никто не обращал на него внимания. Мало ли, ходят тут райкомовские, может шубки оформляют для нужных людей. В СССР же везде так: один вход — для всех, а другой — для избранных.

Соблюдая конспирацию, Сатчан на людях изображал исключительно шапочное знакомство с Еленой Викторовной и сейчас пропустил вперёд главного инженера.

— Добрый день. — постучал тот в открытые двери кабинета главбуха. — Можно к вам, Елена Викторовна?

— Конечно, Рафик. — ответила главбух.

Мужчины зашли в кабинет, прикрыв за собой дверь. От внимания Сатчана не укрылась настороженность, возникшая во взгляде главбуха при виде него. Вчерашний разговор по телефону был полон недомолвок, но вроде основную мысль главбух поняла. И теперь ждала подробностей.

— Как и говорил вчера по телефону, у нас ЧП. — начал он. — Мне в руки попали фотографии, сделанные шпионом на вашем предприятии. — главбух заметно побледнела при словах о шпионе. — Мне сказали, что там пустышка. — поспешил успокоить её Сатчан. — Посмотреть снимки дам, но оставить не могу. Опасно для того, кто мне их доверил. По счастливому стечению обстоятельств у нас с вами есть неделя. Мы должны вычислить шпиона и установить за ним наблюдение. Есть мысль использовать его в дальнейшем. Будем подкидывать ему нужные для нас бумаги и информацию. Посмотрите документы. Может, сразу поймёте, где нам крота искать?

Сатчан полез в портфель и вынул газетный свёрток с фотографиями.

— Заприте дверь на ключ, пожалуйста.

Елена Викторовна выглянула в смежный кабинет.

— Меня нет. — сказала она кому-то будничным тоном и заперла дверь на ключ изнутри.

Посмотрев фотографии, передавая их из рук в руки, главбух и главный инженер сделали вывод, что определить, кто переснял всё это, практически невозможно. Наборные участки проходные, следуют друг за другом. Имеют по два-три входа каждый. Проход через них свободный.

— Это не реально. — сразу сказал главный инженер. — Там проходной двор! Работники всех участков ходят через все помещения туда-сюда в общие уборные и раздевалки. Да и вообще, там не воензаказ, там свободный проход.

— Тогда переходим к плану «Б». — задумчиво сказал Сатчан.

*

Учеба завершилась быстро. Сразу после пар мы встретились с Эммой Эдуардовной и пошли менять по тридцать рублей на гэдээровские марки. В кармане оказалось 96 марок — девяносто купюрами, шесть — монетками.

— И еще ты можешь взять с собой тридцать советских рублей. — поучала меня замдекана, прежде чем расстаться со мной. — Бери десятками. Но потратить из них можно только десять. Двадцать рублей ты должен будешь предъявить на границе при возвращении.

Что же так сложно все... Эх, и позабыл уже про все эти трудности! С другой стороны, получается, десятку можно будет в ГДР тоже на марки обменять. Уже неплохо.

Примчался домой. Завтра уже ехать в Германию. Эх, почему не самолетом... Там лететь пару часов всего, расстояние плевое до Берлина. И от него всего часа три на поезде до Росток. Вернее, в будущем так будет, пару часов, на скорости в сто тридцать. Сейчас понятия не имею, на какой скорости поезда по Германии ходят. Ну, скоро узнаю.

Начал собирать чемодан в дорогу. Не так это и просто было. И все, что на продажу набрал, надо уложить, и бельишко всякое, аспирин на всякий случай, пластыри и все остальное, что обычно с собой вожу. Икру надо было упаковать в мягкое, чтобы не разбилась. Я понимаю, что в стеклянных банках ее легче будет продать, но как было бы удобнее везти ее в металлических! Да и упаковать все так надо, чтобы таможенники, чемодан распахнув, тут же не сообразили, что он является мечтой советского спекулянта. Чтобы сделать такой вывод можно было, только покопавшись в нем как следует. Всегда есть шанс, что, распахнув чемодан и не углядев ничего подозрительного, сильно рыться в нем не будут. Ну, опыт поездок был, поколдовав, справился.

Пока Галия готовила ужин, побежал к Родьке, отдал деньги. Григорий аж присвистнул.

— Ну, спасибо! Оперативно. — искренне поблагодарил он и предложил пройти в квартиру.

Шуры не было, мужчины коротали время в семейном кругу. Присел с ними за стол. Старый мне тут же чашку чая налил.

— Родька показал модель, — продолжил Григорий. — что вы с ним склеили. Спасибо, друг...

— О! Модель! — вспомнил я. — В командировку еду на неделю. А там доклеить чуть-чуть осталось. Вот с отцом и закончите. — обратился я к Родьке. — После прогулки поднимешься ко мне и заберешь.

— Ещё одна, что ли? — удивился Григорий.

— Да, не закончим никак. — развёл я руками.

— А что у вас за прогулка намечается?

— Мы с Тузиком гуляем. — ответил за меня Родька, не скрывая своего счастья от того, что отец дома.

— Утром я уж без него, — добавил я. — пробовал со мной бегать, но ему тяжело.

— Что? — отец в шутку свёл брови на переносице и посмотрел на сына. — В каком месте тебе тяжело? Завтра же бежим на зарядку! Во сколько ты обычно выходишь? — повернулся он ко мне.

— В семь. — усмехнулся я. Ну-ну. Посмотрим, как вы, товарищ офицер, будете в отпуске к семи на зарядку вставать.

А с утра они ждали меня у подъезда. Я приятно удивился. Мы побежали, Родька с нами пыхтел в конце, упирался, но бежал. Привел их на школьный стадион. Пока мы с Родькой занимались на турниках, Григорий ещё несколько кругов пробежал и потом только к нам присоединился. Подготовка и спортивная форма у него серьёзная. И, похоже, терять её за время отпуска он не собирается. Понятное дело, чем бы он в Йемене ни занимался, хорошая форма — плюс к шансам на выживание.

Позанимавшись на турнике, Григорий позвал Родьку на спарринг. Учил его блокировать удары.

— Я тоже с вами хочу. — спрыгнул я с турника и направился к ним.

Короче, зарядка у нас затянулась. И я понял, что товарищ офицер очень неплохо подготовлен в боевых единоборствах для своего возраста. Неужто грушник?

— Хочешь, пока я здесь, давай на полчаса раньше выходить? — предложил он мне.

— Спрашиваешь! С удовольствием. Как вернусь из Германии, так и сразу.

Это для меня реальное спасение. Заниматься в секциях мне совершенно недосуг. От волейбольной секции временно отвязался, прикрывшись подготовкой к конференции. Но это всё ненадолго. Вернусь и придётся возобновить посещения, хотя бы по субботам.

Галия, прежде чем отправиться на учебу, начала что-то волноваться за мою поездку. Как будто я в Йемен вместо товарища подполковника намылился, а не в безопасную и комфортную Германию. Пришлось ее успокаивать. Но все равно она проверила, как я вещи упаковал, чуть не порушив мне тщательно спланированную систему упаковки вещей на продажу, заставила взять два носовых платка, и еще две пары носков кроме двух уже взятых пар. Зачем тащить с собой больше? Кто мешает мне вечером простирнуть носки и утром надеть их уже высохшими? Проводив ее, убрал из и так распухшего чемодана все, что она туда лишнее засунула, припрятав так, чтобы ей не попалось на глаза, когда домой вернется.

Из духовной пищи взял русско-немецкий разговорник и мемуары Жукова. Нет ничего хуже, чем ехать на поезде, когда читать нечего. Одна из самых страшных вещей из моего опыта, когда электронных книг еще не было — отправиться в длинную поездку на поезде, не

прихватив достаточно книг, чтобы хватило на все путешествие. Разговорник маленький, мемуары большие и тяжелые, но когда я еще найду время их перечитать?

Думал взять с собой «Анжелику», она намного меньше весила, но житейский опыт заставил отложить эту книгу в сторону. Знаю, что будет, если я её с собой возьму. Замдекана не факт, что с собой что-то прихватит почитать, или возьмет что-то скучное, типа моего разговорника. И когда увидит у меня в руках «Анжелику», шансы процентов так девяносто девять, что она у меня ее выдурит, на то она и девочка. А на мемуары она вряд ли клюнет, хоть и доцент. Да и зауважает меня, глядишь, за такой подбор литературы в поездку.

На возможность поиграть с кем-то в поезде в тот же преферанс, например, да даже и в шахматы, я не рассчитывал. Поездка зарубежная. Кто там в поезде едет, сразу и не поймешь. Можно в такую историю вляпаться, что потом месяцами будешь объяснительные писать, почему такого-то числа был замечен за игрой и разговорами с таким-то гражданином. И объяснительные — это еще хороший вариант. Ну его нафиг такие приключения.

Отдельная сумка у меня для еды. Ехать больше полутора суток, так что там и вареная курица, и копченая колбаса, нарезанная и разложенная по бутербродам. Собрался, короче, в лучших советских традициях.

В двенадцать вызвал такси, чтобы приехать на вокзал заблаговременно. Мало ли, авария или машина сломается. Тоже опыт... Много что было с поездками неприятного, что у меня, что у знакомых. Никогда не понимал тех, кто выезжает в последнюю минуту и потом бежит за поездом или скандалит в аэропорту, провожая взглядом свой улетевший самолет.

В результате пришлось подождать Эмму Эдуардовну на вокзале, зато ее довольный взгляд, когда она пришла и увидела, что я уже тут, того стоил. Понятное дело, небось ехала на вокзал и переживала, что неопытный первокурсник опоздает на поезд. А ей потом объясняй по возвращении, как она без подопечного в Германию попала...

Поболтали о том, о сем, от погоды до того, как нужно себя вести за рубежом советскому студенту. Улыбался и кивал, слушая предупреждения про провокации.

Наконец, подошел наш поезд. Мы сели в вагон прямого сообщения Москва-Берлин. Немецкий вагон, с надписью Schlafwagen на боку, приятного зеленого цвета. Купе мне понравились, три полки с одной стороны, умывальник, зеркало, розетка для бритвы, шкафчик с полочками — все было прямо внутри купе, напротив полок. У меня было самое верхнее место, у замдекана нижнее.

Пять минут мы пробыли вдвоем, а потом к нам присоединился наш, советский, армейский майор. В приподнятом настроении, тоже с сумкой, из которой пахло курицей. Впрочем, курицей пахло и из одной из сумок Эммы Эдуардовны. Все это походило на тайную секту «свидетелей вареной курицы»...

Майор был хорош собой, энергичен и сразу заценил нашу замдекана, как женщину. Началась энергичная осада по всем правилам военной науки. Сначала артподготовка в виде

комплиментов, перемежающихся анекдотами и забавными историями из армейских будней. Затем «ужин в поезде»: ну здравствуй, вареная курица!..

И не сказать, что он не понравился Эмме Эдуардовне... Не будь в купе меня, ее студента, может, что-то бы у них и срослось. Обручальных колечек не было на руках ни у майора, ни у доцента. Но ясное дело, в моем присутствии рисковать заводить отношения она не могла. Мало ли, я болтун, и потом весь факультет по возвращении узнает, что она крутила амуры с первым же случайным попутчиком? Так что крепость стойко держала оборону, и сдаваться не собиралась, заставив через некоторое время майора закручиниться.

Загрустив, он обратил внимание на книгу в моих руках. Попросил посмотреть, увидел сразу же посвящение от Жукова, после чего вначале замер, а потом немедленно прекратил свои заигрывания с Эммой Эдуардовной. К ее тщательно скрываемому разочарованию — что бы она там себе ни думала, что на чары не поддастся, сам факт интереса к ней ее бодрил.

Но майор, как я понял, сделал правильный вывод — обычные советские люди с книжкой с посвящением от легендарного маршала в вагонах поездов не ездят. Мало ли, я какой племянник советского генерала, которому он подчиняется в Германии, и расскажу по приезду о недостойном советского офицера поведении в поезде?

Бедолага быстро доел свою курицу, с сожалением глянул в свою сумку, в которой что-то приятно звякало, пока он извлекал птицу, и лег на свою полку трезвым. Даже водочки не рискнул тяпнуть после такого...

Глава 17

г. Москва.

В Брест приехали глубокой ночью, началось лязганье в рамках замены колёсных пар. Вначале зашли пограничники, я свой паспорт еще в Москве Эмме Эдуардовне передал, она его и предъявляла вместе со своим, и на все вопросы, зачем мы в ГДР едем, тоже сама отвечала. Легче всего досмотр документов прошел майор, с ним и поздоровались так, что я понял, что пограничники не в первый раз его в этом вагоне видят.

А через полчаса нас и таможня посетила. Я к этому времени мемуары уже в чемодан пристроил, поверх своих вещей, и спустил его с верхней, багажной полки, вниз. Все равно попросят его показать, смысл потом корячиться? Да это и более подозрительно для таможенников выглядит, когда чемодан далеко прячут пассажиры.

Сам в это время пробавлялся изучением русско-немецкого разговорника. Хотел хоть бытовые самые фразы вспомнить, пригодится. В любой стране любят, когда иностранцы хоть что-то могут сказать по-местному. Реанимировать старый словарный запас помогало то, что в Германии бывал в прошлой жизни часто, то на отдыхе, то по делам, когда лет пять работал в имевшей тесные связи с немцами конторе. Ну и то, что куча немецких слов имеет много общего с английскими, а английский у меня был вполне себе рабочий. Так что на слух даже многое смогу понять, хоть сказать способен не так чтобы больше, чем поздороваться

или извиниться. Это если не брать во внимание стандартный набор советского школьника: «хенде хох», «Гитлер капут» и «айн, цвай, драй». Но, думается мне, что все это, кроме последнего варианта, лучше не озвучивать.

Таможенник тут же потребовал показать, что у нас под нижней полкой. Помог Эмме Эдуардовне вытащить ее вещи из-под полки. С ее чемодана и начали, как я и думал — то, что подальше от таможенника, то и подозрительно. Пришлось мне в сторону отворачиваться, когда ее белье замелькало в руках проверяющего, вряд ли она обрадуется, если я буду пялиться на него в этот момент. Но успел заметить, что товарами для продажи замдекана тоже запаслась — блеснули стеклянные баночки с икрой, увидел еще коробочку, явно с часами. Это только то, что стало видно при первичных раскопках.

Перерыв все полностью, таможенник скривился, но претензий выдвигать не стал. Выдал нам на заполнение декларации и потребовал от майора спустить сверху его чемодан, мой, стоящий около него, по-прежнему игнорируя. Майор тоже оказался нашим человеком — запасся дефицитами неплохо. Благо отворачиваться мне не нужно было, вряд ли он смутится, если я увижу его запасные труселя. Опять икра, коробочки то ли с часами, то ли с секундомерами, то ли еще с чем, что хорошо в ГДР пойдет, блеснули бока водочных бутылок. О, а вот и новенький, как у меня, костюм из натуральной ткани — сразу видно, опытный человек.

Тоже обошлось без претензий, хотя запасы у майора оказались явно посерьезней, чем у замдекана. Но, полагаю, свою роль сыграл тот факт, что военный едет, а не обычный гражданский. Таможенник заглянул еще во все сумки с едой, и, наконец, добрался до моего чемодана.

Я его открыл, положив на нижнюю полку, и проверяющий сразу же схватил толстый том мемуаров Жукова, лежавший сверху. Не потому, что рвался прочитать, нет, вначале он взял его за обложку и интенсивно потряс. Видимо, надеялся, что посыпятся спрятанные между страницами купюры, или микрофильмы с советскими военными тайнами, ну, или что еще там положено особенно тщательно искать. Фокус не удался, тогда он бегло пролистнул страницы. Опять ничего не нашел, стал пролистывать более тщательно. Уткнулся неизбежно тут же в посвящение от Жукова. Очень внимательно прочитал. Потом, подняв голову, спросил меня:

— Ну вы же не оставите эту книгу за рубежом, с таким-то автографом, молодой человек?

— Что вы, конечно. Взял почитать в поезде, а то дома все время дела. — ответил я, стараясь стоять так, чтобы коробочки с четырьмя лишними секундомерами не выпячивали из моих карманов.

Аккуратно закрытая книга легла обратно в чемодан, чемодан был захлопнут без дальнейшего обыска. Таможня дала добро!

А я мысленно изумился, запихивая чемодан обратно на багажную полку. Ведь думал столько дома над этим фолиантом, все сомневался, брать или не брать. Тяжелый, зараза. А тут такой

неожиданный и приятный результат. Эффект автографа великого маршала был сродни действию визитной карточки с личной подписью какого-нибудь генерала МВД, вложенной в водительские права.

Вот уж не ожидал! Я теперь точно знаю, что будет лежать у меня сверху в чемодане с самыми рискованными покупками на обратном пути. Держись, таможня. Этот «универсальный пропуск» я использую по полной.

После ухода таможенника спать никто ложиться не спешил. Лязганье меняемых колес засыпанию не способствовало, да и досмотр нервирует. Неприятно, когда кто-то в твоих вещах роется. Вроде бы обычная процедура, а осадочек остается неприятный.

— Интересно, а долго это лязганье еще будет продолжаться? — поинтересовалась Эмма Эдуардовна, судя по интонации, не столько в надежде на ответ, сколько чтобы поддержать разговор.

— Часа полтора-два обычно колеса меняют, — охотно отозвался майор. — В Европе железнодорожная колея другой ширины, поэтому приходится ждать каждый раз, пока вагоны переобуют.

— Как интересно, — кивнула замдекана, морщась от очередного лязганья. — Не представляю, как уснуть в такой обстановке. Давайте, может, чаю попьем? — предложила она.

Предложение было встречено с энтузиазмом, но чаю пришлось подождать. Проводник не могла нас обслуживать, пока не закончился досмотр в вагоне. К счастью, много времени он не занял, и уже минут через двадцать мы пили чай с конфетами и слушали рассказы майора о жизни в Германии. Гарнизонная жизнь за рубежом была интересной, да и рассказчик из майора был отличный, так что спать мы в итоге легли ближе к утру. Хотя я отмечал, что ни одного географического пункта, позволяющего привязать его часть, офицер так и не назвал, как и ни слова не сказал о том, чем в ней занимаются, или в чем заключается его работа. Осторожничает с непонятными попутчиками.

Выспались хорошо. После бессонной ночи спали отлично до самого Берлина. Всю Польшу проспали, но жалко не было даже Эмме Эдуардовне. Как говорится в народе — курица не птица, а Польша не заграница.

*

Квартира Ивлевых.

В семь утра Галию разбудил отчаянный лай Тузика. Прислушавшись, она встала и, накинув халат, пошла посмотреть, на кого так реагирует за дверью собака.

На пороге стоял Родька с радостной улыбкой, а за ним отец. Пёс сразу умолк и стал радостно петлять между ног, предвкушая прогулку.

— Что, уже семь? — спросонья спросила Галия, читавшая художественную книгу полночи. Загнать спать было некому, а своей силы воли оторваться от «Анжелики» не хватило.

— Доброе утро. — поздоровался Григорий.

Галия подала им поводок, поблагодарила, и все трое рванули вниз по лестнице. Пока они пса не вернут, ложиться обратно спать нет смысла. — подумала Галия и пошла на кухню чего-нибудь попить.

В десять придёт Костя. Надо составить список, — думала Галия. — Что и где купить, чтобы не задерживать его слишком долго. А то неудобно. У человека, может, другие планы.

Пока минут через сорок отец и сын вернули ей Тузика, она успела совсем проснуться. Провела ревизию своих закромов и продумала очередность покупок.

Когда явился Брагин, она уже была готова и, даже, почти одета.

Специально не повела его на рынок, купила только самое тяжёлое. А на рынок за кусочком мяса она и сама ходит не спеша. Вдруг, захочется посмотреть что-то, задержаться у прилавков. А при Косте неудобно будет время тянуть.

Завершив, в этот раз, покупки быстрее обычного, Галия, в сопровождении навьюченного двумя сумками Брагина, подходила уже к дому, как навстречу ей со двора вышла соседка Лина и сначала с удивлением, а потом с гаденькой ухмылочкой посмотрела на Галию, как будто на горячем её поймала. Очень довольная, гордо подняв голову, пошла дальше.

Представляю, что она соседкам теперь расскажет. — подумала Галия. — Вот же ей как теперь хорошо — решила, что она не одна шалава в подъезде. Себя будет этим успокаивать — мол, не одна я с разными мужиками гуляю.

И в который раз оценила, что Паша у нее не ревнивый. А то ведь так потом ему перескажут, что и не понять будет, что она с Костей в подъезд заходила. Наивной Галия не была, работа на заводах из людей быстро наивность выбивает. Люди добрые типа Лины так все расскажут, что вместо Кости окажется, что провожал ее какой-то кавказец, причем прямо на ходу тискал за задницу, а она радостно гоготала, поощряя его.

Значит, и ей нужно подавлять приступы ревности, которые иногда да накатывают, когда она видит, как муж ловко с девушками общается, и как они смотрят на него восхищённо. Без ревности жить гораздо удобнее, надо просто доверять друг другу, как Паша и говорит.

*

В Берлине попрощались уже по-дружески с майором. Куда ему ехать дальше, он нам не сказал, и мы это восприняли нормально, но чемодан к платформе поезда, отправляющегося в Росток, Эмме Эдуардовне поднести он помог. Сказал, что раз десять туда ездил по своим военным делам, и платформа всегда именно эта.

Я сбегал нам за билетами в кассу. Перед этим минут пять убеждал замдекана, что вполне в состоянии это сделать самостоятельно, и ходить вместе со мной не нужно. Эмма Эдуардовна пребывала в сильном удивлении от моей уверенности, зная, что за границей я впервые. Очень переживала, вдруг я растеряюсь в новой местности и незнакомом окружении. Едва сдерживал ухмылку. Не объяснять же ей, что Германия — это прям образцово-показательная территория, где безопасно и понятно все, и расписание транспорта есть, и ходит он в соответствии с ним. Бюрократии тоже хватает, это верно, но после СССР это вполне привычно.

Что бы она сказала, окажись мы на Сицилии где-нибудь, к примеру. Забыть не могу это ощущение полнейшего хаоса, которое сопровождало меня все время моего пребывания в Катании однажды. Мало того, что летом жара дикая, а улочки все узкие, извилистые и забитые непрерывно сигналящим транспортом. Так среди всего этого дурдома еще снуют толпы людей, громко разговаривая и жестикулируя. По-английски почти никто из местных не говорит, узнать что-либо нереально. Чтобы остановить автобус, надо выскочить перед ним на дорогу и помахать, иначе проедет мимо. Чтобы выйти из автобуса, надо нажать кнопку на поручне, на остановках водитель останавливается только по требованию. Не знаешь точно, где выходить, твои проблемы, поедешь до конечной. И как вишенка на торте — расписание транспорта существует, но не соблюдается, от слова совсем. Как в той известной шутке: «Автобус будет примерно после обеда. Просьба не опаздывать». И в таком режиме я «отдыхал» как-то в прошлой жизни почти две недели с женой и маленьким ребенком. Под конец отпуска уже настолько адаптировался, что местные за своего принимали... Так что социалистическая Германия для меня после такого опыта — детский утренник.

С расписанием нам очень повезло — ближайший поезд отправлялся всего через полчаса и шел прямо до Ростока, без пересадки в Густрове, как следующий за ним. Так что я был доволен, не успели замерзнуть на платформе. Впрочем, тут, в отличие от Москвы, был небольшой плюс, а не минус. Я вспомнил с ностальгией, что где-нибудь в Баварии сейчас уже и плюс десять вполне может быть. Однако, сейчас это пока ФРГ, так что туда мы точно не поедем.

До Ростока ехали на сидячих местах, купе тоже было, но смысл на три часа брать купе? Да и по марке сэкономили на разнице в билетах. Понятия не имею, какие сейчас в ГДР цены в марках, но доберусь до ближайшего магазина и пойму, имело ли смысл эту самую марку экономить...

В Ростоке нас встречал молодой человек. Судя по молодому виду, решили, что скорее всего, он студент местного Ростокского университета, где и будет проводиться конференция. Но нет. Радостно отложив в сторону картонку, на которой были написаны наши фамилии, он на неплохом русском представился:

— Второй секретарь Союза свободной немецкой молодежи Ростокского университета, Дитрих Кляйн. Рад приветствовать гостей из славного Московского университета!

Так, это у них аналог нашего комсомола. И везет же мне на вторых секретарей!

Ну, он по должности, как наш Сатчан, университет-то крупный и серьезный, один из самых древних в Восточной Европе, значит, давно уже не студент. Видимо, после учебы занял когда-то эту позицию.

Я даже фамилию его тут же перевел — маленький по-нашему. Но сам он был отнюдь не маленький — белобрысая жердь за метр девяносто, а лицо вполне себе славянское. Впрочем, это как раз неудивительно, если он местный — название города Росток само за себя говорит. Немцы в нем только ударение поменяли с последнего слога на первый. Раньше тут жили славянские племена, онемеченные в процессе экспансии на славянские земли. Так что предков нашего Дитриха вполне могли звать Ратмирами и Белославами.

Дитрих помог Эмме Эдуардовне с чемоданом и быстро довел нас до небольшой машинки молочного цвета. О, это же «Трабант» — обрадовался я. Немецкий аналог «Запорожца», который я пару раз уже и в Москве видел на дорогах. Про него ходила масса анекдотов. Самый смешной, что я помнил, гласил: «Как увеличить стоимость Трабанта вдвое? Заправить бензином полный бак!»

Но конечно, я при счастливом владельце автотранспортного средства этот анекдот рассказывать не стал. Тут не угадаешь, вдруг он фанат своей машины, обидится еще. Может потом, когда будем уже в СССР на поезде ехать, расскажу анекдот Эмме Эдуардовне.

Раздался звук мотора, больше похожий на звук мотоцикла с коляской, и мы тронулись с места. Не шустро, но это и не гонка формулы один. У «Трабанта», хотя он и был, наверное, самой дешевой импортной машиной для СССР, было и несомненное преимущество — часть обшивки была пластиковой, а значит, не подвержена коррозии. Кто ездил регулярно по советским дорогам на советских машинах, тот знает, какая это беда с коррозией... Правда, были и нюансы из-за пластика — в частности, на крышу машины не стоило опираться, можно было ее легко продавить.

Дитрих довез нас до большого серого здания, уродливого, как многие новостройки и в СССР.

— Это наше университетское общежитие. У вас в нем будут отдельные номера. Правда, удобства все равно на этаже, но зато ваши комнаты будут совсем рядом на пятом этаже! Сейчас, товарищи, я помогу вам заселиться, а потом погуляем по городу. Поедим в кафе сначала, наверное, вы голодны, а потом покажу вам местные достопримечательности. До понедельника у вас свободное время, а в понедельник в девять утра, я приду за вами и другими товарищами и отвезу в корпус университета на пленарное заседание конференции. Доклад будет только у товарища Павла по программе, но мы будем очень признательны, если товарищ Эмма в этот же понедельник около часа после последней секции пообщается с молодежью из нашего Союза, и расскажет про экономический факультет МГУ. Ваш университет очень популярен среди наших студентов, есть люди, что хотят поступить на учебу.

Эмма Эдуардовна, конечно, заверила, что с удовольствием расскажет про наш факультет. Удовольствие было неподдельным — явно ей так легче потом будет отбиться от завистников, которые будут сплетничать про ее поездку со всего лишь одним студентом без

доклада в ГДР. Теперь, как бы, в этой поездке появился дополнительный смысл. Ясно, что главную цель — сопровождать студента, чтобы он чего не накосячил и не сбежал, озвучивать никак нельзя. Все все понимают, но не вслух же такие вещи говорить?

Глава 18

г. Росток, ГДР.

Комнатки оказались, как я и ожидал — небольшие, квадратов по восемь, в них стояло по две кровати. Скромненько, чистенько, бедненько, как и предполагалось — на то она и общага. Подозреваю, приедь я с куратором того же пола, нас бы немцы вообще в один номер вдвоём запихнули. Такой уж народ — если есть возможность сэкономить, они обязательно сэкономят.

Ругать их за это бессмысленно — когда немец в современной Германии умирает, как правило, он оставляет после себя много денег, а не долги. Другой вопрос, что можно было бы жить на более широкую ногу, чем они себе позволяют, не стремясь сэкономить на всем, но вот такие вот люди. А экономика в целом получается богатая — куча отложенных населением денег в банках инвестируется в нее же и способствует ее росту. Но это уже будет после ГДР...

Кафешка оказалась совсем недалеко от общежития, не удивлюсь, если она была построена как раз для студентов, проживающих в нем. От московских ничем особенным не отличалась, разве что лозунги на стенах не на русском, а на немецком. Вот и вся разница, если не считать местную кухню. Эмма Эдуардовна была немного разочарована, как мне показалось. Ожидала, похоже, местного колорита, а тут все почти как у нас. Ну ничего, если поедем по округе, получит местный колорит и нужные впечатления.

Дитрих рассказал, что во время конференции питаться будем в столовой университета. Это сейчас она уже закрыта из-за выходных. И там цены будут ниже, чем в кафе. Нормальный момент для немцев, поговорить про цены прежде всего...

Но и так три блюда обошлись в две с половиной марки. Много мяса во втором блюде, колбаски с картофельным салатом, много тыквы в тыквенном супе-пюре, что уговорил нас попробовать Дитрих, густой наваристый компот.

Суп-пюре оказался полной гадостью, я такие раньше никогда в Германии и не брал, когда сам ездил, но местный комсомолец с таким азартом нас уговаривал попробовать, что пришлось пойти ему навстречу. Не понимаю я эту традицию перемалывать все в хлам и с гордостью выдавать за первое блюдо. Мне наши щи с борщами во сто крат милее. Там хоть понимаешь, что ешь.

Официантка с удовлетворением восприняла мои «Гутен так» при приходе, и «Данке шон», когда принесла блюда. Нормальная такая официантка, улыбчивая, несмотря на низкую категорию кафе. В Москве такие улыбчивые мало где водятся, к сожалению.

Ну а затем нас повели осматривать местные достопримечательности. Правда, поскольку я тут уже был в будущем, я знал, что их тут немного. Одно из самых красивых зданий из багрового кирпича было сейчас занято под советский военный штаб, какой именно категории, Дитрих нам не поведал. Ратуша, само собой, всегда можно быть уверенным, что в немецком городке будет ратуша. Мы с Эммой, посмотрев вскользь несколько знаковых для города строений, в итоге больше заинтересовались магазинами. Дитрих, поняв это, поменял маршрут и завел нас в парочку хороших, по его словам, магазинов, один — большой промтоварный, другой — продовольственный.

Ассортимент был весьма неплохим. Поначалу казалось, что товаров прямо намного больше, чем в Москве, глаза разбегались, но приглядевшись, понял, что просто марки товаров отличаются и выбор продуктов чутка пошире. Ну это мы и так знали.

Быстро приценился к духам, прикинул в рублях по курсу, вышло то же самое по цене, как я однажды в ГУМе нашел, случайно зайдя. Никакой экономии, зато лежит всегда на месте, не надо рассчитывать на везение.

Присмотрел симпатичную кофточку для Галии, с прицелом на носку на поздней стадии беременности, стоила она пять марок, сразу и взял. В Москве нормальную одежду для беременных еще попробуй найди...

Эмма Эдуардовна пока ничего не покупала, присматривалась.

Отметил еще пару книжно-канцелярских магазинов, где рассчитывал прикупить всякой «Бурды», но они уже закрылись, вечер субботы все же. Запомнил, где находятся. Наведаюсь обязательно.

Погуляли еще часок с Дитрихом по вечернему городу, потом он довёл нас до общежития и вежливо откланялся. Повезло, что в Германию приехали, немцы все же дают своим гостям глотнуть свободы. А вот когда были в Южной Италии, избавиться от сопровождения членов местной семьи, что нас привечала, можно было, только сбежав. Традиции такие. Если все знают, что к тебе гости приехали, и встречают их в городе без сопровождения, то огребешь славу семьи, не уважающей старинные обычаи гостеприимства.

Но, перед тем как уехать, Дитрих договорился, что завтра снова будет с нами гулять. Я предложил прокатиться к морю, и Эмма Эдуардовна с горячим энтузиазмом это предложение поддержала.

Эмма Эдуардовна сказала, что больше не будет сегодня выходить на улицу, ну а я переоделся в спортивный костюм и рванул на пробежку. И так слишком много времени провел без движения. Набегался всласть, ветер дул с моря, и воздух был чистым и соленым. Тут уже было ощущение весны, в отличие от Москвы. На улицах встретил несколько таких же, как и я, бегунов. Но в основном улицы были безлюдны. Времена наплыва мигрантов в Германии еще не наступили, так что чувствовал себя в безопасности, несмотря на поздний час. В номере поотжимался в три подхода до изнеможения, поделал приседания, а потом читал, пока не потянуло в сон, Жукова.

*

Москва. У дома Ивлевых.

Подполковник с сыном, держа на поводке соседского пса, подошёл к подъезду, открыл дверь и пропустил мальчишку вперед.

Обычно они поднимались пешком на третий этаж. Но на площадке в ожидании лифта стояла очаровательная незнакомка, смерившая офицера мимолётным оценивающим взглядом. Заметив восхищение и интерес в её глазах, подполковник резко притормозил.

— Ой! Это же с третьего этажа собака! — удивилась она. — А где Павел?

— Я за него. — уверенно ответил Григорий. — Могу чем-то помочь?

— Я не буду лифта ждать. — заявил Родька и повёл Тузика наверх по лестнице.

— Ой, даже не знаю. — деланно засмузилась незнакомка. — Неудобно как-то незнакомому человека о помощи просить...

— Григорий. — тут же протянул ей руку подполковник. Тут открылся лифт, и он пропустил девушку вперед. — Я во втором подъезде живу. Третий этаж из лифта направо и прямо.

— А я тут на шестом, из лифта налево и прямо. Меня Лина зовут, — улыбнулась она. — Значит, мы соседи.

— Очень рад знакомству. — выходя на третьем этаже, многозначительным тоном произнёс Григорий.

*

Дитрих появился в фойе общежития с немецкой пунктуальностью — ровно в девять. «Трабант» довез нас почти до моря — до последней улочки возле высокого маяка. Там машину пришлось оставить и дальше пойти пешком. Пошли не спеша по набережной вдоль канала, с интересом рассматривая многочисленные яхты и катера, «припаркованные» на зиму.

Весна-весной, а ветер сегодня не просто дул в лицо, а заставлял пригибаться, чтобы продолжать идти к морю. Весь энтузиазм Эммы Эдуардовны очень быстро пропал. Идея прогуляться у моря явно утрачивала былую привлекательность с каждым шагом. Но вот мы подошли к последним домам на улочке, и показалось море. Явно шторм — волны высокие, на них барашки. Вдали — вышедшие из порта недавно грузовые корабли. Отсюда они казались крохотными, но это потому, что отошли от берега на несколько километров. Кораблей было много. Росток — серьёзный порт, через который идут большие транспортные потоки. Скоро, с приближением лета, к сухогрузам и военным судам еще и круизные лайнеры добавятся. А в августе регата... Эх! Жаль, что конференция в марте...

Сколько ни ездю на море, а первый выход к нему после долгого отсутствия всегда волнует. Свернули у маяка на пляж. Полоса песка широченная. Ветер в дюнах завывает, поднимает мелкий песочек и бросает пригоршнями в лицо. Скоро он набьется везде — в сумки, в одежду, в глаза и рот. Летом такая же фигня. Но на теплом солнышке таких мелочей не замечаешь.

Несмотря на холод, снял с ног ботинки и носки, чтобы почувствовать морской песок под ногами. Пошлепал немного по воде, приведя замдекана в форменный ужас. Эмма Эдуардовна старательно куталась, пытаюсь укрыть от холода каждый участок своей кожи и смотрела на меня так, словно не могла поверить, что я добровольно снял какой-то из предметов одежды. Я же, абстрагировавшись от холода, с удовольствием вдыхал морской воздух, слушал крики чаек и кайфовал от ощущения мелкого песка на пальцах ног. Здорово! Но о купании, увы, речи быть не могло, вода была совсем ледяная.

Прогулялись с сотню метров вдоль волн, Эмма Эдуардовна совсем замерзла, и мы пошли обратно с пляжа. Дитрих тут же повел нас к главной местной достопримечательности — кирпичному маяку. Ну, ничего такой маяк, самое приятное, попасть внутрь, уйдя с ледяного ветра. А вот внутри обнаружился здоровенный киоск, в котором я увидел много обложек женских журналов. Ага, вот и она, моя «Бурда»! Киоск работал. Преимущество пляжной зоны — все магазины открыты ежедневно, выходных нет. Это мы удачно заглянули.

Купил несколько экземпляров журнала. Самый свежий номер за март стоил две марки, январский и февральский номера продавались со скидкой. Купил по три номера за каждый месяц. Увидел изумленные глаза Дитриха, рассматривающего мои покупки. К такому его жизнь явно не готовила. Улыбнулся и объяснил ему, что у меня много родственниц, которые любят шить. Это все для них. Мол, семья большая, всем нужно раздать по приезду. Хорошо бы еще найти несколько номеров за осенние или летние месяцы, вдруг остались нераскупленные. Там явно другие модели одежды будут. Дамы мои точно в полный восторг придут. Буду самый лучший и любимый... В городе обязательно посмотрю журналы в книжных.

Эмма Эдуардовна, сообразив, что к чему, тоже хапнула пять журнальчиков. Заверив Дитриха, что и у нее большая семья и куча родственниц, которым точно нужен такой подарок. А затем зачем-то добавила еще, что и вообще, она подумывает начать учить немецкий язык. А такого рода журналы для этого лучше всего подходят, тут всякая полезная бытовая лексика.

Услышанное Дитриха вдохновило — и он начал предлагать ей показать после конференции книжный магазин, где еще много всяких журналов, по которым можно изучать немецкий язык. Пришлось согласиться.

Тут же в Варнемюнде и позавтракали. Этаким континентальным завтраком — яичница, сосиски, вареные яйца. Зато запивали пивом, даже Дитрих, хотя и собирался снова сесть за руль автомобиля. Ну да, помню, в семидесятых к выпивке за рулем относились намного проще по всему социалистическому блоку.

Магазины здесь были в основном сувенирные и рыболовные, так что мы не очень заинтересовались их ассортиментом. Сувениры в пляжной зоне всегда дороже, лучше в самом Ростке поищем, а рыбу ловить — нет уж, точно не в этот раз. Погуляли по улочкам Варнемюнде, потом перебрались в Росток и погуляли там.

В понедельник, наконец-то, пришло время и конференции. С утра Дитрих нас забрал и отвез в столовую. Там, как он и говорил, оказалось дешевле, чем в кафе — хотя качество блюд не отличалось.

Ну а затем мы зашли в огромный зал, где и будет проводиться конференция. И Дитрих повел нас знакомить, такое впечатление, что со всеми подряд. Его все знали, и он счел своим долгом и нас со всеми познакомить.

Честно говоря, на третьем человеке я уже сбился. Нельзя же так без перерыва знакомить. Гансы, Фридрихи и Карлы слились между собой. Эмма Эдуардовна также выглядела одуревшей и замороченной. Спасло нас от этого бесконечного карнавала знакомств только начало пленарного заседания. Дитрих дисциплинированно сел между нами и начал нам переводить главные тезисы пленарных выступлений.

Три часа прошли скучно, но я другого и не ожидал. Ну а затем нас повели на обед.

— В этот раз платить не надо, обед включён для всех участников в расходы на конференцию.— радостно сообщил нам Дитрих.

Во время обеда он нас посадил за стол с тремя молодыми людьми, а сам ушел. Извинился, что дела зовут. Я сразу приободрился. Мне же еще товар сбыть надо, а Дитрих как-то не выглядит, как заинтересованный в этом человек. Так что мне нужны потенциальные покупатели.

С нами посадили двух парней и девчонку. Все трое уверенно болтали на русском. То ли Дитрих нас целенаправленно посадил с русскоговорящими, то ли тут вся молодежь массово русским неплохо владеет. Постарался получше познакомиться с парнем, что был модно и дорого по этим временам одет. Йошка был в адидасах и джинсовом костюме, на шее висела золотая цепочка, частично прикрытая футболкой с Гойко Митичем. Он точно выглядел, как человек, знающий, кто может дорого купить банки с икрой.

Также меня интересовало, где можно прикупить такие футболки. Они в Москве точно на ура пойдут, без всяких сомнений. Гойко Митич сейчас популярен так, как в девяностых будет популярен Арнольд Шварценеггер. Дети летом почти все повально носят в перьях в причёске и с луками в руках, а у некоторых еще и физиономия в полоску раскрашена. Если найти хоть одну майку на Родьку по размеру, то вообще будет песня.

Встал одновременно с Йошкой из-за стола, прошел с ним до выхода из столовой. Он догадался, что мне что-то нужно. Спросил:

— Павел, нужна помощь?

Я решил. А что мне терять? Тут, в ГДР все же посвободнее с купи-продай. Тут и частный сектор вполне себе существует. Хотя и страдает периодически от национализаций, но это не вынужденно подпольное производство на территории СССР, а вполне себе легальный частный бизнес, в который вовлечены сотни тысяч работников.

— Да, Йошка. Привез из Москвы икру и еще кое-что. Не подскажешь, можно ли кому-то продать?

Йошка оглянулся по сторонам, проверяя, не слушает ли нас кто-то. Пришел к выводу, что никому наш разговор не интересен.

— Да, с этим могу помочь. Вас в общежитие поселили? Как и других гостей?

— Все верно.

— Давай, я в девять вечера подойду с другом, и посмотрим. Хорошо?

— Буду ждать в фойе.

— Нет, лучше у киоска за полсотни метров от входа в общежитие. За встречами в фойе наблюдают некоторые любопытные люди. Встретимся у киоска и пройдем все вместе, как будто просто компания домой возвращается.

О, какой завуалированный намек на госбезопасность!

— Хорошо, в девять у киоска.

Вернулся в столовую к Эмме Эдуардовне, довольный собой. Ну, теперь главное, чтобы все прошло хорошо. Освобожу свой огромный чемодан, деньги появятся, и можно будет его набивать покупками.

Ну а после обеда пришло время и для моего доклада. Из огромного зала разбрелись по аудиториям, в соответствии с программой. И в своей аудитории я сразу наткнулся на того самого старикана, что со мной в Москве после конференции общался. Я так понимаю, он эту нашу поездку и инициировал.

Понимая, что я напрочь забыл его имя, он снова представился.

— Профессор Вильфрид Нойлер. — степенно сказал он. — Рад видеть, что у вас, Павел, получилось приехать.

— Очень приятно тоже снова увидеться, спасибо, что пригласили!

Поболтали с ним немного, пока секция не стартовала. Он нас пригласил завтра после последней секции к себе домой на обед. Сказал, что живет в частном секторе, и у него в доме есть камин. Ну а мы с Эммой Эдуардовной совсем и не были против.

Мой доклад был третьим по очереди. Я выступил степенно и неспешно, не отклоняясь от текста, чтобы не расстраивать Эмму Эдуардовну. Она сказала, что этот текст согласован, и никакой отсебятины нести не надо. Ну я так и сделал. Ответил на несколько достаточно простых вопросов, интереса к выступлению было не меньше, чем когда я с этим же докладом выступал в Москве.

К шести вечера секция закончила работу, нас тут же нашел снова Дитрих и повел ужинать в город. Я ему сообщил, что завтра нас заберет к себе на обед профессор Нойлер — он очень обрадовался. Сказал, что он больше десяти лет был деканом, пока ему самому не надоело, и является очень авторитетным экономистом. Ну а я обрадовался, что под этим предлогом мы отделаемся от Дитриха — ходить вместе с ним по магазинам неудобно. Как вспомню, какие он глаза сделал, когда я купил те номера «Бурды»...

Дитрих после ужина снова повел нас гулять, пока не закрылись все магазины. Уже и замдекана начала нервничать, что он мешает нашему шоппингу. Энергичный немецкий комсомолец завел нас в общежитие, и я сказал Эмме Эдуардовне, что надо завтра убежать с одной из секций и немного закупиться подарками в городе. Радостно блеснув глазами, она эту идею поддержала. Ну да, ей же по возвращению надо дарить подарки всем, кто ее поездке посодествовал... И абы что не подаришь, надо еще и выбрать хорошо.

Сказал ей, что пойду заниматься спортом на улице. Никакого желания ко мне присоединиться у нее не было, тем лучше для меня. Я разложил свои товары аккуратно на свободной кровати, переоделся в спортивный костюм и выбежал на улицу. Бегал, но так, чтобы не вспотеть, с легонца, пока не пришло время встречаться с Йошкой. А то будет неудобно, если от меня будет разить потом, едва зайдем в небольшой номер.

Модный немец появился на пять минут раньше, с девушкой, представившейся, как Эльза. Не менее модная по одежде блондинка. В руках у них были пустые объёмные сумки. Эта картина заставила меня поверить, что я на правильном пути.

Глава 19

г. Росток, ГДР

Зашли группой в фойе, поднялись на мой этаж. Завел немцев в номер, просто показал рукой на кровать с привезенными товарами. Сам присел на стул поодаль, не мешая изучать.

Посмотрев с минуту, ничего не трогая руками, Йошка спросил:

— Еще водка есть? Тут только одна бутылка.

— Одна еще есть, хотел ее презентовать завтра на обеде профессору Нойлеру. Он нас к себе домой пригласил.

— Нойлеру? Он не пьет. Ему лучше баночку черной икры, он больше обрадуется.

Поблагодарив за совет, забрал с кровати икру и добавил вторую бутылку водки.

— За все девятьсот пятьдесят марок, хорошо? — вынес вердикт Йошка.

У меня была записана стоимость всех покупок в рублях — я заплатил за них 338 рублей. Плюс приемники от завхоза еще. Если по курсу, которому нам в банке поменяли в Москве считать, то надо больше марок, но там льготный курс, да и цены в марках на то, что я присмотрел для покупки, были вполне умеренными. Но без торга соглашаться тоже было как-то непривычно, поэтому я сказал:

— 1000 марок, и забирайте все! И я даже помогу до дому поднести.

— Наш человек! — усмехнулся Йошка. — По цене договорились, но помогать нести не надо, не та ситуация, когда это полезно.

Он отсчитал мне деньги, и они с Эльзой принялись все тщательно паковать, перекладывая стеклянные баночки и бутылки мягкими вещами и коробочками с секундомерами. Паковали все очень умело, видно, что не впервой им этим заниматься. Хорошо налажен, похоже, международный обмен в Ростокском университете. Впрочем, мы тоже не лыком шиты, — усмехнулся я, вспомнив свои взаимовыгодные экономические операции с чехами в Святославле.

Немцы закончили паковать товары, вышли из комнаты, предварительно выглянув в коридор и убедившись, что он пуст, я пожал им руки, и они ушли, попрощавшись.

Весьма довольный, я пересчитал деньги, припрятал, подождал пять минут и снова пошел на пробежку, теперь уже полноценную. Бизнес бизнесом, а поддержание хорошей формы никто не отменял.

Возвращаясь спустя сорок пять минут с приятно гудящими ногами, натолкнулся на этаже на Эмму Эдуардовну. Она с напряженным видом сопровождала к лестнице какого-то тяжело нагруженного дядечку лет сорока. Увидев меня, виновато потупила взгляд. Эх, тоже мне конспиратор! Я все понял, конечно. Явно либо тоже подсуетилась и нашла, кому сбыть привезенное, либо вообще кто-то из знакомых, кто был в Ростокке, подсказал, к кому можно по этому поводу обратиться. Если второе, то неприятно, что еще в поезде мне не предложила. С другой стороны, понятно по нынешним временам — она мне не доверяет пока до такой степени. Да и мне соглашаться на такое ее предложение было бы стремновато, если хорошо подумать. Зачем давать кому-то собирать на меня компромат. Мало ли, как она потом смогла бы эту информацию использовать. Нет уж, лучше перестраховаться и свои вопросы решать самостоятельно.

А за нее порадуюсь. Раз нашла замдекана канал сбыта, мне это только на руку. Было бы не очень удобно бегать закупаться, если бы она осталась без валюты, потерпев фиаско в попытках продать привезенное. Ох и аукнулось бы мне это потом...

Чтобы ей не пришлось представлять меня своему дилеру, я невозмутимо прошел мимо, сделав морду кирпичом, и молча зашел в свой номер. Мол, не знаю я эту дамочку вообще...

Утром Дитрих привез нас снова на конференцию. И почти сразу же, как мы уселись с ним за стол завтракать, к нам подошел смуглый парень, весь в кудряшках.

— Вы есть из Москва? Я хочу поступать в Москва! Я Альфредо! — радостно сказал он на ломаном русском, улыбаясь во все тридцать два зуба.

Дитрих тут же представил нас друг другу и пояснил нам, что парень из Италии, доучивается у них в Ростовском университете, и действительно, хочет ехать поступать в Москву в аспирантуру. Я взглянул на Эмму Эдуардовну. В прошлой своей жизни в советский ее период я был весьма далек от темы иностранцев из стран НАТО в СССР. Даже не знал, учились ли они вообще в МГУ?

Эмма Эдуардовна развеяла мои сомнения. Неспешно объяснила присевшему за стол итальянцу, что такая возможность есть, и в МГУ будут ему рады. И, поскольку иностранцев мало, поступить будет легко, но надо лучше выучить русский язык.

Альфредо и обрадовался, и засмутился. Клятвенно, с подлинной южной экспрессией, пообещал выучить русский язык намного лучше к сентябрю. Эмма Эдуардовна написала ему прямо на салфетке свой адрес и телефон, и счастливый итальянец ушел.

Устроившись на первой секции, мы слушали доклады, поглядывая, главным образом, за Дитрихом. Едва он встал и вышел, я тут же посмотрел на замдекана и взглядом показал на дверь. Та радостно кивнула, и мы, как сообщники, потихоньку сбежали из университета и рванули в центр города, чтобы почтить своим вниманием многочисленные магазины, до которых не смогли добраться в выходные.

Я не просто так бегал по вечерам — присматривал заодно маршруты для шопинга между общежитием и университетом. Времени в обрез, а покупок надо сделать много, так что к этому вопросу я отнесся очень серьезно, продумав все до мелочей. Эмма Эдуардовна была поражена тем, как я все распланировал на те три часа, что у нас оставались до обеда.

Мы закупились на славу, нашли все, что хотели купить, и оба старательно делали вид, что совершенно не замечаем, что тратим намного больше марок, чем у нас было при отъезде из Москвы. Нашел даже футболки с главным немецким индейцем, а также толстые ручки с ним же. Футболки взял разных размеров, и на Родьку нашлась. Ручек тоже хапнул пяток. Взял еще разных забавных девчачьих ручек со всякими фигурками, пушистыми наверху, стразами и прочей дизайнерской чепухой, которой в Союзе сейчас днем с огнем не сыскать. Отличный подарок на самом деле. И стоит копейки, и практичный, в отличие от магнитиков, и представляю, сколько визгу и писку будет от девчонок...

Эмма Эдуардовна даже сделала мне комплимент, когда, закинув вещи в номера, мы возвращались в университет.

— Какой вы, Павел, хозяйственный и организованный! Вовсе не случайно попали на наш факультет, у вас талант к экономике!

Поблагодарив за похвалу, я ускорил шаг. Нам нужно было хоть минут десять посидеть на одной из секций, прежде чем всех пригласят на обед.

А так — не только я Эмме пригодился, но и она мне. Помогла выбрать журналы по вязанию и вышивке, в которых я вообще не разбирался. И рекомендовала купить какие-то особые спицы, которых в СССР в магазинах нет вообще. Сказала, что все, кто вяжет, такому подарку обрадуются. Конечно, я купил пять комплектов, тем более они были дешевые, и места почти не занимали. И мотки ниток для вязания помогла выбрать, включая и толщину, и оттенки — самые модные сейчас в СССР. В этом вопросе я ей безоговорочно доверился, надеясь, что она разбирается в женской моде, а не только в науке.

В столовой и присесть не успели, как к нам подошел профессор Нойлер и сказал:

— Здесь перебивать аппетит не будем, жена дома уже все приготовила!

С некоторой тоской взглянув на блюда на столе, я потянулся вслед за профессором и Эммой Эдуардовной к выходу. Когда вас приглашают домой в гости, вовсе не обязательно еда, приготовленная супругой того, кто приглашает, будет съедобной. Были у меня, знаете ли, случаи в жизни... Если еда просто невкусная, это еще неплохо, а она реально может быть и несъедобной...

*

МГУ. Кабинет секретаря комсомольской организации.

До окончания рабочего дня оставалось минут пятнадцать. Рашид Фархатович начал собираться домой.

Вдруг зазвонил телефон.

— Приветствую. Гончарук. — услышал он голос Ивана Николаевича из райкома на том конце провода. — Чем порадуешь, Фархатыч?

— Нечем пока радовать. — мрачно ответил Самедов. — Эксперт мой в заграникомандировке до конца недели. В четверг только вернется.

— Ой, как всё не вовремя! — недовольно ответил ему Гончарук. — А больше некому показать?

— Я ему все материалы передал ещё до его отъезда. Приедет, сразу посмотрит. К тому же здесь абы кому показывать тоже не хочется. Важно, чтобы человек проверенный был, разбирался в вопросе. Лучше подождать несколько дней, чем потом в лужу сесть.

— Ой смотри, Самедов!.. Всех держишь! — с досадой сказал Иван Николаевич и бросил трубку, даже не попрощавшись.

— Хамло райкомовское! — с раздражением рявкнул Рашид Фархатович в тишине своего

кабинета.

*

На «Трабанте» мы уже покатались, а теперь пришла пора поехать на «Вартбурге». Таких машин я видел здесь уже, естественно, множество, но ни разу ещё ни на одной из них не катался. Ну что же, вот теперь и посмотрим.

Выехали с улиц, полных высоких зданий, и вскоре оказались в пригороде. Потянули ряды домов частного сектора. По изменившемуся взгляду Эммы Эдуардовны понял, что она, видимо, по частным секторам Германии особенно раньше не пересекала. Ну да, тут было на что посмотреть. Никакого сравнения с нашим частным сектором хоть в Святославле, хоть под Москвой. Перед каждым домом лужайка. Заборов нет, вместо них зелёная подстриженная изгородь. Дома, как правило, одноэтажные. Ну, у нас так же. Но крыши... Минимум у половины домов толстенные и очень красиво выглядящие камышовые крыши. На одних домах они поновее, на других уже почернели, но вид всё равно сногшибательный.

Тут и там видны цветники. Сейчас, конечно же, завядшие, но легко представить, сколько цветов на них будет, когда потеплеет. Вид немножко портил не такой уж и ровный асфальт, залатанный тут и там, но только совсем немножко. Да, на того, кто впервые видит немецкий частный сектор, он всегда производит неизгладимое впечатление. Правда, вскоре Эмма Эдуардовна, заметив, что я на неё посматриваю, постаралась сделать невозмутимое лицо. Мол, видали мы и покрупнее поросят.

Заехали на старательно выложенный бетонными плитами подъезд к дому профессора. А вот у профессора дом уже был двухэтажный, но тоже с шикарной соломенной крышей. Заметив, что я на неё смотрю с интересом, профессор с грустью сказал:

— Сейчас всё труднее найти настоящих специалистов по кровле из камыша. Вымирающая профессия, к сожалению.

Ну да, про это я тоже слышал. Правда, уже в XXI веке. Что это очень дорого, очень красиво, но, даже если есть на это деньги, кучу времени нужно потратить, чтобы найти грамотную бригаду. И ждать в очереди придется месяцы.

Почти сразу же из дома выскочила и фрау профессора.

— Эльвира, — представил ее он.

Я сходу попытался сообразить, кого она мне напоминает и, догадавшись, аж замер — ну да, примерно так и выглядит еще одна хорошо знакомая мне Эльвира, моя бабуля! Похожи они с женой профессора, как близкие родственницы. Невероятно просто!..

Затем профессор представил нас, и что оказалось хорошо, Эльвира тоже очень неплохо говорила по-русски.

— В годы войны моя жена была среди антифашистов. «Красная капелла», слышали? —

начал воодушевленно рассказывать профессор. — К счастью, когда нацисты разоблачили ее группу, она успела уехать в Швейцарию. И там учила русский язык в ожидании, когда Советский Союз освободит Германию от нацистов.

Эльвира застеснялась, даже смущённо толкнула профессора под локоть.

— Слышали ли мы! — обалдев от таких новостей, сказал я. — Я восхищен! «Красная капелла» — это же фактически легенда. Никогда даже не надеялся, что лично увижу одного из ее членов!

Совсем засмутившаяся жена профессора пригласила нас зайти в дом. Я подумал, что, учитывая, с кем имею дело, буду есть всё, что она приготовила, даже если это будет совсем невкусно.

К счастью, мои опасения не оправдались. Эльвира мало того, что была видной антифашисткой, ещё и классно готовила. Блюда были традиционными, мы к ним уже успели привыкнуть в столовой и в кафе, но вот вкус был совсем другой, намного тоньше.

Конечно же, Эмма Эдуардовна, как и я восхищенная биографией жены хозяина, начала уговаривать ее поделиться с нами воспоминаниями о том, как оно всё было в годы войны. Я помалкивал — до меня сразу дошло, что она может оказаться единственной выжившей. Кто же захочет вспоминать про погибших ужасной смертью друзей? Но на уговоры гостьи Эльвира все же поддалась, правда, рассказ был недолгим. Начав перечислять членов своей группы, которые были арестованы и погибли под пытками гестапо, она расплакалась. Эмме Эдуардовне стало ужасно неловко, и она начала извиняться за свою просьбу.

— Все в порядке, милочка, — сказала Эльвира, — просто возраст, я становлюсь все более сентиментальной. Была помоложе, часто выступала в школах и университетах, рассказывала о павших героях. А теперь чуть что — сразу в слезы.

Постарались отойти от этой темы, начали заслуженно расхваливать еду. Польщенная хозяйка принесла нам и торт. Вспомнив о подарках, я достал свою баночку с черной икрой и презентовал хозяевам. Тут и Эмма Эдуардовна подорвалась с места — у нее была припасена бутылка водки. Она тоже, услышав про «Красную капеллу», позабыла про все традиции.

— Полный русский комплект, только блинов не хватает! — улыбнулась хозяйка.

Очень душевно посидели, а потом, когда дело явно шло к концу, профессор нас спросил:

— Может быть, вам нужна немецкая валюта, чтобы купить подарки для друзей и родственников? Мой племянник осенью поедет учиться в Москву, на лингвиста. К сожалению, он сейчас уехал на подработку в Румынию, а то я бы его тоже пригласил. Я могу дать вам сейчас нужное количество марок, а вы, когда он приедет в Москву, дадите ему советские рубли.

На лице Эммы Эдуардовны отразилась вся гамма переживаний — от желания

воспользоваться щедрым предложением до сожаления, что чемодан, как и у меня, практически забит. У меня осталось пару сотен марок еще сверху, уверен, что у нее тоже не все было истрачено. Брать еще марки, не зная, на что их потратить? Сомнительная затея. Теоретически можно купить второй чемодан и набить его пользующимся спросом в СССР ассортиментом. Вот только не так много мы и знаем того, что точно стоит брать. Нахапаешь слишком много одинаковых товаров, можешь влипнуть на таможне как спекулянт. А это серьёзная уголовная статья, и по ней у таможни тоже есть нужда в выполнении плана по задержаниям. Ну его нафиг!

Так что мы профессора дружно поблагодарили, отказавшись, а потом до меня дошло — он, когда был в Москве на конференции, вовсе не случайно нашел меня и пригласил в ГДР! Скорее всего не потому, что мое выступление понравилось, а просто хотел познакомить своего племянника с москвичами, чтобы мы потом в Москве за ним присмотрели и помогли, если будет нужда. Вот же хитрый жук! Но молодец, молодец, стратегически мыслит.

А потом и я решил начать стратегически мыслить. Зря я, что ли, читаю мемуары гениального полководца?

— Могу предложить вот такой вариант. Пусть ваш племянник, когда поедет в Москву, купит новый «Вартбург». Приедет на нем на учебу, а я помогу продать его за советские рубли. Ему их на всё время учебы хватит!

По лицу Эммы Эдуардовны я понял, что она очень жалеет, что эта мысль ей самой в голову не пришла. Понятия не имею, есть ли у неё свой автомобиль, но, вполне возможно, что и нет. Ну, кто первый встал, того и тапки!

У меня, конечно, вроде бы есть договорённость с Фирдаусом, но кто его знает, как оно там сложится. Придет Диане в голову очередная дурная идея, она ее реализует, он с ней разведется, да и пожелает, как страшный сон забыть все, что имеет к ней хоть малейшее отношение. Хоть и хочется думать, что он серьезный малый, не способный на такое, но кто его знает... Я же понятия не имею, насколько он эмоционально устойчив. А если он вообще Диану придушит — я же и сам знаю, как она может достать человека? Из тюрьмы он мне машину точно не продаст. Так что запасной вариант с «Вартбургом» не повредит. Ну а если все сложится, как планировал раньше, то можно немецкую машинку Инне пристроить. Петр будет в полном восторге!

Как и сообщил мне ранее Йошка, профессор совсем не пил алкоголь. Мы с Эммой Эдуардовной и женой профессора немножечко пива выпили, а он был совсем трезвый и сел за руль, чтобы отвезти нас обратно в центр. Но сначала отвез на поле неподалёку, к выпасу, где пасся табун лошадей. Мы на них поглазели минут десять — прекрасное, умиротворяющее зрелище!

А после этого профессор отвез нас к местной кирхе. Эмма Эдуардовна даже испугалась, что он нас внутрь поведёт, ей, как члену компартии это не надо. Но оказалось, что профессор просто решил показать нам местное старинное кладбище при церкви.

— Тут есть могилы и семнадцатого века, — с гордостью сказал он. А потом и показал нам старые, потемневшие от времени каменные кресты и плиты.

Глава 20

г. Росток, ГДР

В общежитие профессор Нойлер вернул нас засветло. С немецкой аккуратностью и педантичностью расспросил нас о всех необходимых контактах и адресах для племянника, записал все в свой блокнот. Посетовал, что завтра не сможет нас проводить, уезжает с лекциями куда-то. Усмехнулся, задумавшись, а есть ли сейчас в ГДР аналог нашего общества «Знание». С другой стороны, у профессора в Европе и так достаточно возможностей подработать, я думаю. Наверняка не бедствует старичок.

Тепло попрощались с Нойлером, искренне поблагодарив за гостеприимство и пообещав быть на связи. Любопытно теперь, что там за племянник у профессора и приедет ли он-таки в Москву учиться на новеньком «Вартбурге»? Я ведь уже рассчитываю на него... Эх! Не люблю забегать вперед, но как представил себе счастливую Галию возле этой машинки, так улыбка сама на лицо полезла. Не подведи меня, профессорский родственник, ох, не подведи...

Остаток вечера и следующее утро прошли в хлопотах. Отъезд как никак. Самая большая трудность в итоге была — упаковать все в чемодан так, чтобы поместилось, не повредилось, и чтобы том мемуаров маршала оказался сверху. Это было не очень удобно. Книга, учитывая ее вес и размер, «просилась» на дно, но это категорически противоречило отведенной ей роли «таможенного оберега», так что кое-как с багажом справился, с трудом, но застегнув чемодан. Весил он безбожно много. Появилась даже отчаянная мысль достать журналы и перевязать на манер стопки макулатуры и так и тащить, но отверг ее, немного поразмыслив. Нефиг лишнее внимание привлекать к себе, да и если помнутся драгоценные выкройки и схемы вязания, дамы с меня живьем шкуру спустят. Ничего, пострадаю немного, потаскаю чемоданище. И постараюсь пристроить его под полку замдекана в вагоне. О том, чтоб его наверх на багажную полку поднимать, даже думать не хочу.

Обратная дорога прошла легко и незаметно. Правильно говорят, что, когда домой возвращаешься, время словно впереди тебя бежит. Таможню прошли влет, мемуары сработали, как по маслу. Бесценная книга. Витьку еще раз поблагодарю за автограф и расскажу про его «скрытые возможности». Хотя с его папаней, другу это вряд ли актуально. Под вечер уже въехали в столицу.

С замдекана распрощались очень тепло. Она еще раз похвалила меня и чрезвычайно довольная пошла искать такси. Проводил Эмму Эдуардовну до машины, помог дотащить и погрузить в такси багаж, после чего наконец-то и сам поехал домой. А дома уже ждали и жена, и отец. Не успел я распаковаться толком, как еще и Родька прибежал. Соскучился, радостно прыгал вокруг, махал руками, создавал, одним словом, праздничное настроение.

Вручил пацану подарки для деда и для отца, купил для этой цели несколько упаковок

немецких колбасок охотничьих, для наших такое в новинку. Родьке вручил футболку с главным индейцем всея Руси и ручку с ним же, и пока он был занят изучением подарка и отплясыванием «индейского» танца, явно символизирующего несказанную радость, получил возможность поговорить спокойно с батей и Галией.

— Ну, рассказывай. — потребовал отец. — Как всё прошло?

— В целом, очень плодотворно. — начал я. — Завёл там новые знакомства. С замдекана ближе познакомились, нормальная, кстати, оказалась дама. Надеюсь, она обо мне такого же мнения, и мы не последний раз с ней ездили.

Галия, наобнимавшись со мной и получив первую порцию поцелуев, занялась праздничным столом. Кусок свинины запеченный, салатик, пюrespечка. Ждала, готовилась... Как приятно! Достал вина домашнего грузинского, что дядька Ираклия подогнал. Сели с отцом, за успешную поездку и моё возвращение выпили по грамульке.

— Ну, а как с сувенирами на границе, проблем не было? — обеспокоенно спросил отец.

— Нет-нет. — ответил я. Похоже, батя всю неделю, как я уехал, переживал, как я таможду туда и обратно пройду. Так-то да... Сколько историй всяких слышал... — Меня хорошо проинструктировали, чего и сколько можно провозить.

— Отлично! — обрадовался батя, прямо чувствовалось, как у него камень с души свалился.

Родька, наскакавшись, убежал хвастаться подарком, но обещал в полдевятого вернуться с собакой погулять.

— Ну, как ты тут без меня? — повернулся я к жене.

— Да, по-всякому. — прижалась ко мне соскучившаяся Галия и положила мне голову на плечо.

— Не понял? — отодвинул я как мог дальше лицо и посмотрел на жену. Она умиротворенно улыбалась.

— Дурочка какая-то из четвёртого подъезда затеяла с самого утра половики выбивать. Каждый день выбивает, представляешь? Повесит и стучит! Ну ладно, сейчас зима, окна закрыты, еще не так слышно. А летом что будет?

— Может, у неё к лету уже пройдет! — хохотнул расслабившийся батя. — Весна. Обострение... — пояснил он для не понявшей намёк Галии.

— Это точно. — поддержал я отца. — Хотя, мне-то всё равно, я на зарядку в полседьмого встаю. Меня она не разбудит. Кстати, Гриша Родькин куда не умотал? — поинтересовался я. — Отец нашего сына полка. — объяснил я для отца. — Обещал меня поднатаскать по рукопашке.

— А он кто? — заинтересовался отец.

— Не признается. — хмыкнул я. — Даже не говорит, в какой стране служит.

— Военный? — догадался батя.

— Ну да.

— Тут такое дело... — смущаясь, сказала вдруг Галя. — Гриша, похоже, Линой нашей увлекся...

— Что?! — не поверил я своим ушам. — И этот туда же...

— Я их в подъезде у нас встречала пару раз.

— А что такое? — не скрывая любопытства, спросил отец. Захмелел и душа начала требовать хлеба и зрелищ.

— Да есть у нас тут одна дамочка в активном поиске. — озадаченно ответил ему я. — Красивая, но разборчивостью не сильно обремененная.

Батя откинулся к стенке и рассмеялся в голос.

— Что ж он не знает, что она за фрукт? — спросил он.

— Да он только недавно из длительной командировки вернулся. Не знает никого. Дом новый. Семья без него переезжала...

— А жена куда смотрит?

— Он в разводе.

— Ну тогда, сама судьба ему эту вашу соседку послала! — уверенно заявил отец. И, заметив наши с женой недоуменные взгляды, пояснил: — А что ещё нужно одинокому мужчине после длительной командировки?

— А если влюбится? — возразил я ему. — У нас сосед вон, до сих пор страдает. Стоило ему на неделю отлучиться, как она другого домой привела. Разборки на весь подъезд были с мордобоем и скандалами. Её с поличным поймали, а она на голубом глазу: а это брат, говорит!

— Ай, молодец баба! — веселился отец.

— Ничего хорошего. — возразил я больше для Галии, прекрасно понимая, что батя это говорит не серьёзно. Себе-то в жёны он, в конце концов, выбрал домашнюю, уютную и мудрую женщину.

Батя пошёл на балкон курить, а я, воспользовавшись паузой, позвонил Сатчану.

— Привет, это я. — сказал я в трубку, услышав знакомый голос.

— О, привет! Вернулся? Как съездил? — явно обрадовался он.

— Всё нормально. Что у вас? Есть новости?

— Нет. Тебя ждём.

— Понял. Завтра буду.

— Отлично!

Мы попрощались, и я положил трубку. Подумав немного, набрал Константина Сергеевича из «Знания», доложил, что уже дома и готов вернуться к работе. Он обрадовался и заодно предложил вернуться к теме выездов одним днем по городам Подмосковья с циклами лекций. Согласился, но попросил не планировать выездные дни чаще, чем один раз в месяц. И отбить меня перед деканатом, чтобы не жаловались, что занятия прогуливаю.

— Как вариант, можно в июле на каникулах запланировать опять две недели, как в прошлый раз. — предложил в свою очередь я. — Сдам сессию и буду в полном вашем распоряжении.

— Хорошо. Очень хорошо. — оживился Константин Сергеевич. — До лета, конечно, дожить ещё надо. А как ты смотришь, съездить в Клин в следующий четверг? Естественно, с деканатом все вопросы решим без проблем.

— Следующий четверг... Хорошо. — согласился я и поспешил сделать пометку себе в тетради-ежедневнике.

Мы попрощались, и я вернулся за стол. Как же дома хорошо. Все соскучились. Жена прижимается. Пёс в ногах лежит. Кот на колени лезет. Уют...

Вернулся батя и плеснул нам еще вина в стаканы.

— Давай, на посошок. — предложил он. — Поеду.

Мы выпили. Отец пошёл одеваться, а я в спальню рванул к неразобранному ещё чемодану. Нашёл подарки для бати, Киры и детей и вынес всё на кухню.

— Есть сумка какая-нибудь? — попросил я жену.

Мы с Галией всё аккуратно уложили, и я вручил сумку отцу.

— Привет из Германии. — улыбаясь, пояснил ему.

Батя обнял меня, мельком взглянул в сумку и поспешил домой.

Вернулся за стол. Допил вино в стакане. Галия пошла чемодан мой разбирать. Как же я устал, только сейчас почувствовал.

Но передохнуть не удалось. Зашли Родька с отцом за собакой, пошел с ними на улицу.

— Ну, как тебе заграница? — спросил Григорий. Наверное, думал, что я в восторге полном после первой поездки. А я так устал изображать удивление и восхищение. Хотя и понимал, что люди не поймут, если, первый раз выехав, я буду реагировать без эмоций. Но ну его нафиг!

— Заграница, как заграница. — спокойно ответил я, надеясь, что подполковник не заикнется на этом. — Ветер, холодно, промозгло...

— А куда ты ездил?

— ГДР, Росток.

— Понятно. — усмехнулся Григорий. — Там зимой не фонтан, конечно. А вообще, в целом как впечатления?

— Понравилось. Для разнообразия интересно съездить. — честно ответил я ему. — Но дома лучше. Несколько дней — самое то, мозги проветрить. А вот больше не готов.

— Это правда! — задумчиво подтвердил подполковник. — Дома лучше...

Родька забрал у меня поводок и помчался с Тузиком круги вокруг нас нарезать.

— Слушай, Гриш, а ты в школе у Родьки уже был?

— Нет. А надо было?

— Да, надо бы... У меня впечатление создалось, — подбирая я слова. — что педагоги школьные твоего пацана поставили в один ряд с детьми из неблагополучных семей, полубеспорядочников. Понимаешь? Дед как-то жаловался, что ему учителя выговаривали за одежду паренька: майки, там, не белоснежные, рубашку целую неделю не меняет... — подполковник нахмурился. — Он им устроил, конечно, распистон, — продолжал я. — Мол, дитя без матери растёт, отец на службе в длительной командировке долг Родине отдаёт, а вы малого чмырите. Вроде на них подействовало. Но будет еще лучше, если ты сам в школу сходишь, покажешься им. В форме, чтобы видно было, что дед не фантазер. Докажешь, что парень твой не сирота при дедушке старом. Понимаешь?

— Ну, я им устрою. — Григорий мрачно сжимал кулаки, явно настроившись «дать школе бой».

— Стоп! Настрой только поменяй, — воскликнул я, стараясь улыбкой и шутливым тоном смягчить ситуацию. — Агрессией ты только хуже сделаешь. Там же женский коллектив. С ними хитрее надо действовать. Приди, скажи, что у тебя сын тут учится, что ты в отпуске

ненадолго. Хочешь с учительницей классной поговорить об успеваемости, о поведении сына. Понимаешь?

— Можно подумать, от того, что я приду, у него успеваемость изменится. — скривился Григорий скептически.

— Если тебя интересует моё мнение, то да, изменится. Вот, увидишь. — убежденно ответил я. — Система оценки знаний очень субъективна. Один и тот же ответ из уст отличницы и хулигана будет расценен учителем по-разному, согласишься. И лучше будет, если школьные учителя к твоему мальчишке не будут относиться слишком предвзято. Если ты покажешься в школе, продемонстрируешь свою заинтересованность в его учебе и уважение к мнению педагогов, уверен, твой пацан сразу сильно вырастет в их глазах. Да и походишь там весь такой представительный, с военной выправкой, кому улыбнешься, кому подмигнешь... Учительницы, как и все другие женщины, бравых военных очень уважают. Не мне тебя учить, короче...

— Ладно. Схожу. — согласился он. — Может, ты и прав... Постараюсь дров не нарубить. Это если навстречу пойдут, а не будут глупости про сына говорить, конечно.

Дальше шли молча. Никак не мог решить, говорить с ним о Лине или нет. Из мужской солидарности, предупрежу. — наконец, решился я. — Тем более, что один раз я уже промолчал, когда она Ивана клеила. Ну и чем все это закончилось?

— Жена говорит, видела тебя несколько раз с нашей соседкой с шестого этажа. — нейтрально сказал я.

— Ага. Ну и что?

— Она женщина очень своеобразная. В смысле, любвеобильная.

— Это я и сам уже заметил, — рассмеялся Григорий.

— У меня сосед из-за неё раны душевные до сих пор зализывает. Не хотелось бы и тебя в таком состоянии увидеть.

— За информацию спасибо. Но за меня не бойсь! Плавали, знаем. У меня жена такая же была. Я дважды на одних и тех же грабли не наступаю.

— Ну и отлично. Теперь я спокоен. — усмехнулся я. — Значит, это ты не на грабли сейчас наступаешь?

— Нет, конечно.

— А что делаешь?

— Приятно провожу время в отпуске. — мечтательно улыбаясь, ответил подполковник, и тут уже я рассмеялся, глядя на него.

— Ну и отлично. Мое дело было тебя предупредить. — пожал плечами я. — Вы люди взрослые, лучше меня всё знаете.— с чувством исполненного долга переключился на Родьку и пса.

Утром в половине седьмого меня разбудил Тузик, привыкший в это время гулять. Поднялся и вышел на улицу. Немного погодя из соседнего подъезда вышли Гриша с Родькой и помахали мне рукой. Побежали привычным уже маршрутом в сторону школьного стадиона.

Когда занимались на турниках, Григорий вдруг разоткровенничался.

— Жара замучила... — признался он. — Специально в отпуск сейчас поехал, а не летом. А малый, оказывается, на море хочет. Куда его сейчас на море?.. — с досадой сказал он.

— Я жену тоже хочу летом на море свозить, чтоб отдохнула, сил перед родами набралась. Давай, мы Родьку с собой возьмём. — сразу предложил я. — Какие проблемы?

— Да? — оживился он. — А куда вы собираетесь? В Крым?

— Нет. Беременная же. Какой Крым? Нельзя в жару. В Калининград думал...

— В Прибалтику? Тоже хорошо. А почему именно в Калининград? У моего сослуживца мать живёт в Литве, в Паланге. Сдаёт комнаты туристам. Давай, договорюсь! Оплачу всё и отдыхайте сколько душе угодно.

— Паланга? — заинтересовался я. Отличный вариант. Если комнаты туристам сдаёт на постоянной основе, значит, недалеко от моря. — Всё не надо, пополам оплатим. — задумчиво ответил я. — А договаривайся на два месяца: июль и август. Сам я, может, и не останусь на столько, а женщинам и детям в самый раз.

Я вдруг вспомнил, что было в прошлой моей жизни в 1972 году. Адское было лето... Засуха, пекло, пожары и непроглядный смог. Мне было всего семь лет, но в памяти многое осталось. Сначала нас с сестрой родители пытались пристроить в Подмосковье на чьей-то даче, считалось, что на природе жара легче переносится, чем в городе. Но когда начались лесные и торфяные пожары, и вокруг Москвы начали гореть деревни, нас забрали обратно в город.

На всю жизнь запомнил кровавое солнце в кромешном смоге над Москвой. Зрелище было жуткое и завораживающее одновременно.

Трава стала жёлтой, а деревья сбрасывали листву.

Нечего тут делать жене летом, однозначно. Пусть сидит в Паланге. А с Родькой ей веселее будет. И я побуду с ними. Если работа какая хорошая наклюнется, типа гастролей с лекциями, поеду поработаю и снова вернусь. Недалеко ведь. Правда, там уже и рожать будет совсем пора... блин, как все непросто. Не помню ведь, когда эти пожары и смог прекратились. Если в августе, то можно будет и вернуться пораньше домой. Тем более, обычно со второй половины августа и погода на Балтике не фонтан. А что комната будет до конца августа оплачена — невелика потеря, не такие и большие деньги.

— Отлично! Всё, Родька, я договорился! — обрадованно заявил сыну Григорий. — Поедешь с Пашей и Галией на море летом.

— Ура! — завопил счастливый пацан на весь школьный стадион.

«Я договорился!». Ну, Гриша, молодец. — усмехнулся я про себя и улыбнулся, глядя на Родькину радость.

Возвращаясь после зарядки домой, заметил ту самую соседку, про которую жена рассказывала, что половики по утрам выбивает. Женщина, как женщина, среднего роста, худая, болезненная, лет чуть за сорок, в старой вязаной шапке. Серая шаль повязана на груди крестом. На специальной перекладине висела дорожка и небольшой ковёр. Рядом лежал ещё какой-то половик, кое-как закиданный снегом, женщина чистила его веником. На мой взгляд чистки снегом вполне достаточно, зачем еще на перекладине выбивать? Но меня она не сильно беспокоит, я уже не сплю. Прошёл молча с Тузиком в свой подъезд мимо неё, поймав её настороженный взгляд, как будто она была готова, что я скажу ей что-то или сделаю. Странная она, конечно...

Галия уехала пораньше, оставив мне завтрак на плите. Ей сегодня на анализы, потом сразу в институт. Интересно, догадалась она захватить для Жариковых подарки?

Я-то ещё с вечера положил в портфель журналы для Риммы Сатчан и Маши Шадриной. Галия ещё спицы просила ей одни передать.

В университете, встретившись с Брагиным, искренне поблагодарил его за помощь, жена рассказывала, как он ходил с ней и по магазинам, и два раза мотался на водительские курсы. Договорился, что забегу к нему вечером. Хотелось бы сразу отблагодарить товарища, а то вчера не до этого было.

После первой же пары меня вызвал Самедов, видать, сильно у него подгорает... Ладно, сейчас буду выкручиваться.

Глава 21

г. Москва

Решил вести себя уверенно, всё равно Самедов не сильно понимает, какой мне предстоит объём работы в связи с его поручением.

— Добрый день, Рашид Фархатович. — заглянул я в его кабинет. — Можно?

— Заходи, Ивлев. — сразу отложил он в сторону бумаги, с которыми работал. — Ну, что скажешь? Успел поработать с моими документами?

— Успел все просмотреть. — ответил я. — Я правильно понял, это та самая фабрика, где мы уже были с Прожектором?

— Правильно ты всё понял. По документам что?

— Ну, это обычные накладные на передачу сырья. Что с ними надо сделать?

— Как что? — опешил Самедов. — Найти нарушения!

— Рашид Фархатович. Чтобы найти нарушения, одних этих накладных мало. Данные в документах сопоставлять с чем-то надо, по-другому несоответствия не найти. Ну, имеем мы расход сырья и что? С чем его сравнивать? Как определить, верный он или нет?

— Что ты хочешь сказать?

— Нужны ещё документы... — пожал я плечами.

— И какие тебе нужны документы? — недовольно спросил Самедов.

— Это зависит от того, какие предполагаются нарушения. — невинно хлопая глазами, ответил я.

— А поточнее.

— Могут понадобиться технологические карты, накладные на приобретение сырья, ведомости передачи готовой продукции на склад, накладные на реализацию...

— Сдурел что ли? — цыкнул на меня Самедов. — Куда столько?

— А какие нарушения предполагаются? Знать бы, тогда можно ограничиться одним каким-нибудь видом документов.

— Знали бы, какие нарушения, тебя не спрашивали бы. — разозлился Фархатыч.

— Ну, давайте, как в прошлый раз, ту же схему проверим. — предложил я примирительно, зная, что на фабрике, в этом смысле, всё чисто. А сам лихорадочно соображал, какие же документы попросить, чтобы легче было за ними следить.

— Хорошо. Что тебе для этого нужно?

— Давайте, с техкарт начнём. — предложил я, всячески демонстрируя готовность к сотрудничеству.

— Так... Это так и называется? Техкарты? — сменил гнев на милость Самедов, приготовившись записать.

— Технологические карты, — продиктовал я. — производства изделий.

Вот и поговорили. — думал я, выйдя из его кабинета и возвращаясь на занятия. Если их крот не попадет в этот раз, ну, тогда я не знаю...

Не стал дожидаться окончания пар, сбежал в перерыве с занятий и помчался в Пролетарский райком. Сатчан встретил меня взъерошенным и настороженным.

— Ну, что тут у вас? — с ходу озабоченно спросил я. — Случилось что?

— Да, в том-то и дело, что ничего. Затихарился, гнида, и сидит на нас смотрит и посмеивается. — раздраженно ответил Павел. — А у нас, как назло, ни одной мысли подходящей...

— Ну, почему же. — возразил я ему. — Родилась тут одна, вполне себе, подходящая мыслишка. Вынужден был сегодня импровизировать. — Сатчан ошарашенно уставился на меня. — Да. — горько усмехнулся я. — Голова гораздо лучше работать начинает, когда тебя к стенке прижимают.

— Рассказывай. — опомнился он.

Пересказал ему сегодняшнюю встречу с Самедовым, как он злиться начал, как обрадовался, что есть вариант сдвинуться с мертвой точки.

— Похоже, его торопят. — сделал вывод Павел. — Он, небось, думал, что ты вернёшься и сразу что-то выявишь и ему предъявишь, а ты приехал и вместо результата заявил, что материала недостаточно. Так... И что ты у него ещё попросил?

— Техкарты. Если я правильно помню, они в кабинете начальника скорняжно-пошивочного цеха. Там не такой проходной двор, как в наборке, легче будет крота выследить.

— Ну, допустим. — одобрительно кивнул Сатчан. — Как же его выследить? Засаду в кабинете устроить?

— Ну нет... — с сомнением проговорил я. — Если прямо в кабинете его ждать, это ж с поличным, получается, возьмёте, втемную уже не сможете его использовать.

— И то верно. И что ты предлагаешь?

— Это на месте надо бы, конечно, сначала осмотреться, а потом уже решать... Можно, например, напротив кабинета в соседнее здание кого-нибудь посадить на круглосуточное дежурство, через окно за кабинетом следить, сделать фотографии. И компромат на крота будет, и по фото можно будет его опознать, если дежурные сами не будут его лично знать в лицо.

— Сфотографировать через окно. Ну ты придумал! — горько усмехнулся Сатчан. — Это какая техника нужна?

— Техника не проблема. — ответил я. — Есть у меня фоторужьё. Пылится дома без дела. Нужно помещение напротив окон кабинета начальника цеха и двое дежурных, которые будут неотступно пасти окна кабинета по очереди с фоторужьем наготове. Круглыми сутками. И срочно. Время пошло.

— Хорошо. — подтянул к себе телефонный аппарат Сатчан и стал набирать номер, кивнув мне при этом, мол, сейчас всё будет.

— Тарханов, это я. Дело есть срочное. Жди меня на проходной через двадцать минут. — распорядился Сатчан и положил трубку, дождавшись утвердительного ответа.

— Поедешь со мной? — спросил он.

— Мне надо в универ вернуться на занятия. — с деланным сожалением ответил я, очень уж мне не хотелось сейчас на фабрике светиться. Тем более, там человек Самедова с фотоаппаратом. — Фотки с фабрики где?

Сатчан вынул из сейфа мой газетный свёрток и отдал мне. Приятно удивился его предусмотрительности и осторожности, спрятал фотки в портфель и тут увидел журналы, что для Риммы Пашкиной привёз.

— Вот же, чуть не забыл! — воскликнул я, вынимая журналы и протягивая их Сатчану. — Римма заказывала.

— Да? — удивился он. — По Бурде я вроде сам тебя просил. А она что заказывала?

— Она моей звонила, и попросила по вышивке журналы. Рядом с Бурдой лежат. — ответил я.

— А жизнь-то налаживается! — воскликнул Сатчан, удивлённо усмехнувшись и покачав головой. — Глядишь, девчонки еще и подружатся.

Мы вышли с ним вдвоём из кабинета, я пошел в коридор, а он остался инструктировать помощницу. Подождал его на лестнице, вспомнив про свое предложение.

— Осмотритесь там, если мое фоторужье, правда, вам пригодится, то я дома буду часам к девяти. — сказал я, когда он появился в коридоре.

Сатчан кивнул. Мы вышли из райкома и разошлись в разные стороны. Успел вернуться к большому перерыву, удалось даже пообедать перед третьей парой.

*

Меховая фабрика.

Через полчаса второй секретарь уже был на фабрике и в сопровождении главного инженера шел по территории к тому зданию, где на первом этаже располагались наборные участки, а на втором и третьем этажах скорняжно-пошивочные цеха.

— Что за срочность? — взволнованно спросил Тарханов. — Опять проверка?

— Нет. Крота будем ловить. — воодушевленно ответил ему Сатчан. — Началось движение.

Ему дадут задание сфотографировать техкарты. Они же в кабинете начальника пошивочного цеха хранятся?

— Да. — кивнул главный инженер. — А какого цеха? Номер один, или номер два?

Павел остановился как вкопанный.

— А их что, два? — изумленно спросил он.

— На самом деле, их пять.

— Раф, а почему ты думаешь, что крота будут интересоваться именно эти два цеха? — настороженно взглянул Сатчан на главного инженера.

— Так, накладные из наборки, что ты показывал, как раз в эти два цеха. — уверенно объяснил Тарханов.

— Ё-моё!.. — воскликнул Павел. — А мы сможем установить наблюдение за двумя кабинетами сразу?

— Должны! — ответил ему главный инженер. — Куда нам деваться? Или мы его поймаем, или он нас в тюрьму отправит.

— Тогда, вперёд. Время пошло. — скомандовал Сатчан и мужчины припустили в сторону здания скорняжно-пошивочной фабрики.

*

После пар остались на репетицию агитбригады. Долго не сидели, за тридцать минут прогнали программу, чтобы не забыть и разбежались. Вручил Маше презент из Германии.

— Галия просила тебе передать. — протянул я ей журналы и спицы.

Раздался синхронный девичий «ах!», после чего Маша со Светой Костенко резко решили никуда не уходить пока и вместе полистать импортную периодику. Витя посмотрел на меня такими глазами, типа, ну ты чего брат! Нашёл время. Но трогать девчонок в такой момент было опасно, хоть и молодой, но некоторые вещи уже начал понимать, и Витька покорно сел рядом с недовольным видом.

Развёл руками ему в ответ, типа, прости, брат, это всё жена, я тут ни причём. Посидел с ним за компанию минут пять, поразвлекал рассказом о реакции таможенников на подписанные мемуары маршала, поблагодарил еще раз. Витька с большим интересом выслушал мою историю о приключениях на таможне. Настроение у него заметно поднялось. Увидев, что друг, вроде, воспрял духом, мы с Ираклием, посчитав свою миссию выполненной и попрощавшись со всеми, ушли. По дороге в гардероб Ираклий интересовался, какие у меня планы на выходные.

— Дядя Дато приглашал в гости на дачу. — напомнил он мне.

— Может, он забыл уже? — с сомнением спросил я. — Сколько времени уже прошло.

— Нет! — удивлённо взглянул на меня Ираклий. — Спрашивал на днях, не забыли ли мы про приглашение.

Странная, конечно, ситуация. Ну ладно, нас Витька однажды за собой потащил за город, чтобы Маше с ним скучно не было. А Ираклию-то это зачем? Уже второй семестр вместе учимся. А он только сейчас вдруг ко мне дружескими чувствами воспылал.

— Ну, так что? — напомнил он о своём вопросе.

— Мне с женой надо посоветоваться. — увильнул от немедленного ответа я. — Так-то вроде мы ничего ещё не планировали, но мало ли... Надо спросить, короче, как домой приду.

— Хорошо. Я позвоню тебе. — обрадовался он, как будто я уже согласился.

До курсов оставалось ещё время, решил ехать домой. Что три часа терять? Галии дома ещё не было. Решил сходить к Брагину, чтобы вечер освободить.

Костян куда-то собирался, я даже раздеваться-разуваться не стал. Вручил ему футболку с Гойко Митичем, он её сразу и напялил.

— Спасибо тебе за помощь супруге. — искренне поблагодарил я его. — Очень выручил. Если что надо будет, обращайся. Рад буду помочь.

— Спасибо! — явно в предвкушении чего-то приятного ответил Брагин, продолжая собираться.

— Куда это ты намылился? — улыбаясь, спросил я его. — Уж не в Подольск ли? На ночь глядя-то. На вокзале ночевать собираешься?

— Нет, — улыбнулся Костян. — Наташка сама сегодня собиралась приехать, Лёха сказал.

— О, как вам удобно! — усмехнулся я. — Никаких писем-телеграмм не надо. Связь через Лёху, а с ним ты каждый день видишься.

— Телефон буду у отца просить. Не всегда удобно через Лёху, не всё сказать можно. — подмигнул он.

Он оделся, выключил в квартире свет, и мы вышли на улицу. Костя, счастливо улыбаясь, помахал мне рукой и припустил со двора в сторону метро. Эх, молодость, молодость...

Вернувшись домой, застал жену уже дома. Она ездила после института опять в больницу, узнать, как там у неё анализы и врачу показаться. Настроение у Галии было прекрасное, значит всё хорошо. Но поинтересоваться надо, а то подумает, что мне всё равно.

— Ну и как там наш маленький? Врачу не хамил? — в шутку спросил я.

— Я ему похамлю женщинам. — состроив строгое лицо, так же шуткой ответила жена и рассмеялась.

— Настроение у тебя, смотрю, отличное, — обнял я жену.

— Да, — Галия кивнула и выплеснула на меня целый поток информации, — Ты не представляешь, что сегодня было в институте. Я взяла с собой журнал по шитью, который ты для Инны привез. И, когда конспекты выкладывала, случайно достала его. Девчонки в группе заметили. Что тут началось! Все перемены журнал листали. Попросила, чтоб аккуратно, объяснила, что в подарок его несусь. Даже из соседней группы девушки прибежали. А на одну из пар у меня журнал преподавательницы на кафедру забрали посмотреть, после пары отдали. Просили даже продать им, — смеялась жена.

— Да. Устроила ты ажиотаж. — я усмехнулся. — Придется тебе теперь преподавателям периодически свои журналы одалживать, будь готова морально. Не слезут.

— Я уже поняла это. — жена закивала головой. — Им сказала, что у меня свой такой же есть, смогу приносить иногда, так там уже очередь желающих образовалась. На кафедре записываются.

— Времени не теряют, я погляжу. — я улыбнулся и поцеловал жену. — Клуб кройки и шитья организуете в институте, будете выкройками обмениваться.

— Это я еще не говорила им, что у меня по вязанию журналы есть, — Галия хихикнула. — Я только «Бурду» случайно достала на перемене. Повезло. И не буду говорить пока. Связать не смогу ничего, если постоянно буду кому-то посмотреть давать.

— Инне-то хоть понравился подарок?

— Спрашиваешь. — Галия радостно улыбнулась. — Она очень довольна. И коллеги на нее там тоже налетели толпой, как увидели журналы, толком пообщаться не дали.

— Кстати, нас на завтра-послезавтра приглашают на дачу в Подмоскowie. — вспомнил я. — Дядя Ираклия, помнишь однокурсник мой. Что скажешь? Поедем?

— Почему нет? Развеемся, отдохнем. — беззаботно взглянула на меня жена, взяла один из привезенных журналов и побежала к соседям.

Ирине Леонидовне потащила сувениры... Надо будет и мне к Анне Аркадьевне заглянуть с ее подарком. — подумал я и вернулся мыслями к предложению Ираклия. — Ну, отдохнем, так отдохнем. У бабушек были не так давно. Можно через выходные их навестить, подарки отвезти. Ладно... Позвонит Ираклий, скажу, что мы едем. Всё равно они с дядькой не откажутся от своего, раз уже пригласили. Рано или поздно, но придется ехать. Ну сколько можно будет благовидные поводы для отказа придумывать? Или уже соглашаться сразу, или сразу твёрдо отказывать, чтобы больше не предлагали. А это уже ни к чему. Никогда не

знаешь, где найдёшь, где потеряешь.

Вскоре надо уже было собираться на курсы. Телефон молчал. Ни Ираклий, ни Сатчан не позвонили. Но ещё не вечер.

Вернулись мы с курсов опять поздно. Ещё на подходе заметил дежуривший у моего подъезда знакомый жигулёнок. Сатчан, нахохлившись, одиноко слушал радио в салоне машины и не заметил, как мы с женой подошли.

Постучал в окно. Он тут же ожил, засуетился обрадованно, вышел из машины и запер её, явно намереваясь подняться к нам.

— Давно ждёшь? — поинтересовался я.

— Минут двадцать. — ответил он.

В подъезде разговаривать не стали. Мало ли кто курит на площадке на каком-нибудь этаже. Пока дождались лифта, Сатчан нетерпеливо перекатывался с мысков на пятки.

— Там два скорняжных цеха, по которым документы. — заявил он, как только двери лифта закрылись, и тот тронулся вверх. — Два, представляешь? И два кабинета, соответственно.

— Так... Спокойно. — сам себе сказал я. — Безвыходных положений не бывает... Что вы решили?

— Там один цех на втором этаже, второй на третьем. Планировка аналогичная, кабинеты начальников цехов аккурат друг под другом. Решили воспользоваться твоим предложением и засесть напротив с фоторужьём, чтобы держать под контролем оба кабинета одновременно.

— Ну вот! Правильно. — одобрил я. — А сейчас там кто-то дежурит?

— Да. Тарханов с замом и с биноклем. Сегодня они будут ночь там дежурить. Утром их сменят. Я им твоё ружьё утром и завезу. Сейчас слишком заметно будет, никто же не знает, что они в клубе, в библиотеке на ночь остались.

— Ну, будем надеяться, ночью за техкартами никто не придёт. — задумчиво сказал я. — А в библиотеке днём их не просекут? У библиотекариши вопросы не появятся?

— Мы её отправили на неделю к Елене Викторовне в бухгалтерию, у неё там как раз кто-то на бюллетень ушёл и, как будто некому на телефон отвечать, поручения выполнять...

— Во даёте! Молодцы! — усмехнулся я и пошёл в спальню за фоторужьём.

— Когда земля под ногами горит, ещё не такое придумаешь. — ответил озабоченно Сатчан.

Он принял у меня чемоданчик с фотоаппаратом, открыл его и тщательно осмотрел содержимое.

— Объективы, только, надо поменять. — подсказал я. — Там стоит простой, это я в помещении снимал. Вам нужен вот этот, специальный.

— Инструкция есть? Разберутся. — уверенно заявил Павел и закрыл чемоданчик.

— Там три новых плёнки. По идее, должно хватить. — сказал я.

— Хватит, конечно. — собрался уходить он и протянул мне руку.

— Удачи. — искренне пожелал я.

— Римма передала большое спасибо за подарки! — сказал Сатчан, благодарно кивая Галие.

Жена радостно улыбнулась. Сатчан кивнул мне, Галие и ушёл. Закрывая дверь, увидел, что лицо у него снова стало озабоченным.

Вскоре зашли Гриша с Родькой, и мы опять пошли выгуливать моего пса целой делегацией.

Глава 22

г. Москва.

— Ходил сегодня в школу. — хохотнул вдруг Григорий. — Одейся, как на смотр...

И тут я представил себе эту картину: холостой бравый заслуженный подполковник в форме и при наградах явился в женский коллектив...

Он начал смеяться, я за ним.

— Они тебя на части делить не пытались? — смеясь, спросил я.

— Вроде того. — также смеясь, ответил он. — Еле ноги унес. Можно подумать, они там все незамужние. Хотя столько молодых девок, что и не удивлюсь!

— А насчёт учёбы Родиона удалось поговорить?

— Да что ты! О чем там говорить! У меня такой умный, способный мальчик оказывается! Ему бы чуть-чуть внимания от взрослых прибавить, и всё у него будет прекрасно. — со смехом поделился Григорий.

— Даже так? — искренне удивился я. — А говорили деду, запущенный... Хотя, конечно, где дед, а где ты. Ну, поздравляю! Ты сегодня очень сильно облегчил сыну жизнь. Теперь ему будут ставить оценки, исходя совсем из других субъективных ощущений. Вопрос только в том, на сколько этого аванса Родькиным училкам хватит. — многозначительно посмотрел я на него.

— А я что, я против, что ли? — опять хохотнул подполковник.

— Ты смотри. Тут игры в «поматросил и бросил» рискованны. — предостерёг я его. — До десятого класса Родьке проблем создашь. Отыграются на нем...

— Я же не по своей воле бросаю. У меня служба! — важно поднял вверх указательный палец Григорий.

Вот, хитрый лис! Служба у него...

— Когда тебе в отставку? — прищурившись, спросил я.

— В сорок пять пойду, как все. — сказал он. — Если, конечно, полкана не дадут.

Его такая жизнь явно устраивает. — подумалось мне. — Но не мне его судить. Сам в первой жизни не стал второй раз жениться.

Вернулся домой, Галия сообщила, что Ираклий уже два раза звонил. Второй раз она над ним сжалилась, потому как выяснила, что он к автомату каждый раз бежит позвонить, и передала ему, что мы едем завтра с ним на дачу. Договорились встретиться завтра в девять на Рижском вокзале у пригородных касс.

Ну, тем лучше, не надо звонка сидеть ждать. Пойду к Анне Аркадьевне на шестой этаж зайду, сувенир из Германии занесу.

Анна Аркадьевна не ожидала меня так поздно увидеть и удивлённо встретила меня громким приветствием.

— О! Павел! Проходи. — распахнула она передо мной дверь, увидев у меня в руках модный журнал.

— Добрый вечер. — улыбнулся я. Как мало надо советской женщине для счастья. — В командировку ездил в ГДР. Жена сказала, что это хороший журнал. — протянул я ей «Бурда моден».

— Спасибо большое! Так любезно с твоей стороны. — воскликнула Анна Аркадьевна и, не удержавшись, начала прямо при мне листать журнал. — Когда за диваном?

— Чуть позднее. Сначала надо холодильник купить. А то вот-вот потеплеет... — развёл я руками. — А финансы поют романсы.

— Ничего. Москва не сразу строилась. — улыбнулась она, ненадолго оторвав взгляд от журнала, чтобы с пониманием взглянуть на меня.

— Ну, не буду вам мешать. Спокойной ночи. — распрощался я.

Выйдя от Анны Аркадьевны, натолкнулся на Лину, спускающуюся с мусорным ведром от мусоропровода. В коротком красивом халатике и домашних шлёпанцах на низком каблучке она медленно спускалась, глядя на меня снисходительно и печально.

— Здравствуй, Паша. — произнесла она, и мне показалось, что я услышал сочувствие в её голосе.

— Привет. — коротко ответил я.

Лина пристально смотрела мне в глаза. Я не стал спешить к себе и дождался, пока она спустится.

— Ты что-то хочешь мне сказать? — прямо спросил я.

— Бедный Паша...

Так. Интересный заход. Промолчал, ожидая, что будет дальше.

— Не моё, конечно, дело. — зашептала она, совсем близко подойдя ко мне. — Но твоя жена, пока тебя не было... — она многозначительно замолчала.

— Продолжай. — мысленно усмехнулся я. Интересно, что моя жена? Вечеринки до полуночи на весь подъезд устраивала?

— Твоя Галя с другим мужчиной встречалась в твоё отсутствие. — выдала Лина, перестав прикидываться сочувствующей. На лице её появилось злорадное выражение. — Я сама видела!

— Интересно. — улыбаясь, спокойно произнёс я. — Это с кем же?

— С тем! — начиная злиться из-за моей невозмутимости, прошипела Лина. — Белобрысый такой, с тебя ростом. Целыми сумками продукты ей домой таскал.

— Откуда знаешь, что это продукты были? — догадавшись, о ком она говорит, спросил я, чтобы позлить эту мартышку. Завидно ей, видите ли, стало, что кто-то кому-то продукты таскает...

— Хвост рыбий видела! — победно заявила она. — Из сумки торчал.

— Ууу... Рыбий хвост — это очень серьёзно. — похлопал я её по плечу. — Благодарю за бдительность. Бдите дальше, товарищ! — рассмеялся я, не в силах больше сдерживаться, и пошёл вниз по лестнице.

Даже не оборачиваясь, был уверен, что на лице у нее сейчас должно быть очень озадаченное выражение.

*

Москва. Дом Ивлевых, однокомнатная квартира на шестом этаже.

Лина лежала в ванной, любила погреться перед тем, как лечь в холодную постель. Мысли

крутились вокруг Галии.

Ну почему так? — думала Лина. — Муж обеспечивает, какой-то парень ей сумки из магазина таскает, когда мужа нет, и, главное, Пашку это нисколько не волнует. Гриша с собакой гуляет, когда Пашки нет... Почему так? Почему одним всё, а другим ничего?!

У Лины слёзы навернулись на глаза от обиды. Она же, Лина, не плохая, она добрая, искренняя, весёлая. Почему же никак не получается найти хорошего мужчину? Который вот так же носился бы с ней, как курица с яйцом, как Пашка с женой. То ревнивые попадают и бешеные, как Иван, не разобравшись, сразу с кулаками бросается. То жадные до чужих квадратных метров, как тот Роман. Сразу испарился, как только узнал, что квартира не её, а мамина.

Теперь вот Гриша... Он Лине нравится. Но от него не чувствуется тепла, заботы... Он с ней и не с ней... И уже говорит, что скоро надолго уедет без возможности писать и звонить. Так не бывает. Захотел бы, позвонил. — в отчаянии думала Лина. — Или хотя бы написал.

*

С утра договорился с Родькой и Гришей, что они выведут сегодня вечером и завтра утром моего пса. Решил выделить Родьке ключ от моей квартиры на постоянку. Пусть он у них висит. Мало ли, задержусь где-то допоздна, позвоню... А куда я позвоню? Телефона-то у них нет.

Побегал как обычно и приступили уже к тренировке на школьном стадионе, как Григорий вдруг сказал, ставя малому удар ногой в голень:

— Жаль, тира приличного поблизости нет. Негде парня поучить пострелять из нормального оружия.

Услышав про «нормальное» оружие, Родька застыл на месте с широко открытыми ртом и глазами. Удивление в них сменилось надеждой.

— Слушай, я езжу стрелять иногда в Лосиный остров, там часть в лесу, знаешь? Можно с командиром части попробовать договориться.

— Серьёзно? — с удивлением посмотрел на меня Григорий. — Как ты туда попал? Знаешь кого?

— Ну, теперь уже знаю. Лекции читал от общества «Знание», познакомился. — не стал я вдаваться в подробности.

— Когда ты собираешься туда? — заинтересованно спросил подполковник.

— Да, давно не был... То сессия, теперь вот на курсы водительские с женой пошли. Надо бы собраться как-то... Доехать, что ли, перед курсами, а то навык теряется. А давай, в понедельник рванём? Сразу после пар из универа домой, потом с вами стрелять, а оттуда на

курсы. Но мне предварительно позвонить надо командиру части, чтобы одобрил. Наглеть неохота, а то сам оттуда тоже вылечу.

— Все правильно, порядок в части должен быть, нельзя, чтобы посторонние лица ни с того, ни с сего заявлялись. — усмехнулся Григорий. — Но как ты себя занял... Фигаро здесь, Фигаро там. Когда ты учиться успеваешь?

— Не поверишь, всё, что надо просто читать, в метро читаю по дороге. Дома только письменные.

— Ну, можно и так. — задумчиво покачал он головой. — Это только по молодости так можно. Мне вот уже так рваться не хочется...

Да, мне тоже разрываться не нравится. Но хочется успеть всего побольше, рационально отпущенное время использовать. Оглядываясь назад, как вспомню, сколько времени в прошлой жизни впустую потратил, плакать хочется. Второй шанс не для того дан, чтобы снова упускать возможности.

В девять утра мы с женой подходили к пригородным кассам Рижского вокзала. Ираклий уже ждал нас. За спиной заметил у него рюкзак приличных размеров. Чего он там набрал на два дня?

Ехали не больше часа. Если учитывать, что от Рижского вокзала полчаса только до МКАДа ехать, то дача дядьки Ираклия совсем недалеко от Москвы.

Дача директора фабрики внешне не очень впечатлила. Скромный, одноэтажный домик, правда, кирпичный. И соток у него, судя по соседним участкам, было поболее, чем у всех. Такое впечатление, что объединили два участка. В стороне от дороги, в глубине участка, заметил сруб, тоже одноэтажный. Похоже, баня.

Внутри дома было две тёплых комнаты, большая кухня, она же гостиная, и холодная широкая веранда вдоль всей фасадной стороны. Обогревался дом чугунной плитой типа буржуйка, но плита непростая, старинная, красивая, на кованых витиеватых ножках.

Нас встретили хозяева дома. Дато был шумный и энергичный, а его жена Нона поразила своей мягкостью и гибкостью. Смотрел на неё и казалось, она, как вода, везде протечёт, везде просочится, хотя девушка она была в теле. Парадокс...

Хозяйский сын Шалва, упитанный мальчишка лет одиннадцати-двенадцати, явно испытывал к Ираклию любовь и уважение, как к старшему брату. Он сразу оказался рядом с ним и, заглядывая в глаза, ловил каждое слово, помогая разобрать рюкзак, который Ираклий водрузил на табурет на кухне.

Галия вручила хозяйке журнал «Бурда Моден», Нона ахнула от восторга, и женщина сразу стали лучшими подругами.

А я с любопытством оглядывался вокруг. В свете предстоящего летом ремонта у бабушек

меня очень интересовало внутреннее обустройство дома. Дато, заметив мой интерес, охотно демонстрировал свои владения, мы очень конструктивно поговорили, обсудили нюансы. Дато при строительстве дома и бани во всё сам вникал, во всё старался сам разобраться.

Дотошный Дато. — усмехнулся я про себя. Мне понравилось его стремление к самостоятельности, этот директор фабрики не брезгует сам и краны чинить, и водостоки под крышей после осени от опавших листьев прочистить.

Несколько интересных идей Дато реализовал в бане, обещал продемонстрировать. А пока, нам с женой показали спальню, где нам предстоит ночевать.

Жена начала раскладывать вещи, а я вышел в кухню-гостиную. Ираклий привёз целый рюкзак всякой всячины. Мясо, вино, зелень...

— А это что? — спросил малый Ираклия, показывая на промокший газетный свёрток.

— Понятия не имею. — ответил тот, наблюдая, как Нона взяла свёрток и начала разворачивать.

— Маринованный чеснок, судя по запаху. — сказала она.

— Как же ты не знаешь, что привёз? — улыбаясь, подошёл я к ним.

— Ой, — отмахнулся Ираклий. — мне дядя сказал, возьми рюкзак, подъедешь на рынок, спросишь Като и заберёшь всё, что он даст. Я и подъехал. Сам не знаю, что привёз.

На столе уже лежали маринованные или солёные огурчики, черемша, круг домашнего белого сыра, несколько бутылей вина, зелень, приличный кусок отменной свинины.

— Мясо какое хорошее... Я тоже хочу к Като на рынок. — пошутил я.

Нона восприняла мою шутку буквально.

— Дато! — позвала она мужа. — Павел хочет к Като за мясом подъехать.

— Не вопрос! — тут же подошёл он. — Всё устроим!

Он осмотрел мясо, одобрительно поцокал языком и надел фартук.

— Шашлык, дети мои, женских рук не любит. — заявил он и принялся не спеша резать мясо. Делал он это с таким серьёзным и важным видом, что я сразу заинтересовался его рецептом. Мы втроём — я, Ираклий и Шалва — стояли у него над душой и наблюдали с живейшим любопытством.

Перво-наперво он нарезал мясо тонкими, сантиметра полтора-два толщиной, кусками где-то пять на десять сантиметров, что меня откровенно удивило. Сам я, обычно, мясо на кубы разделяваю четыре-пять сантиметров по стороне. Потом он начистил репчатого лука, много,

луковиц шесть, четыре луковицы нарезал, а из двух отжал сок через несколько слоёв марли. Потом намутил соус из половины стакана подсолнечного масла, хмели-сунели, соли и молотого перца. Причём хмели-сунели и перец не жалел, столовой ложкой отмерял.

— Главное, — нравоучительным тоном сказал он. — Это порядок действий. Запоминайте.

Он сложил нарезанное мясо в эмалированную кастрюлю и залил луковым соком, перемешал мясо руками. Добавил соус, перемешал.

— Видите? Мясо сразу всё впитало. — показал он нам чистое дно кастрюли, отодвинув чуть в сторону мясо.

Он засыпал мясо нарезанным луком, помял лук руками, чтобы сок появился и ещё раз всё перемешал.

— Всё. Больше ничего делать не надо. — отставил он кастрюлю в сторону. — У нас есть два часа подготовить гарнир и угли. Пошли на улицу.

— А что за гарнир? — поинтересовался я.

— Картошку будем жарить в казане. — ответил, хитро улыбнувшись, Дато. — Нона, картошка готова?

— Почти. — кивнула жена.

Дато с сыном и Ираклием оделись и ушли на улицу, а я остался узнать, не нужна ли помощь с картошкой. Что-то я не видел, чтобы её кто-то чистил.

Но волновался, оказывается, зря. Картошка была уже начищена. Нона выдала Галие фартук и фигурный волнистый нож, и они вдвоём ловко стали резать картошку на крупные фигурные ломтики. Третьего такого ножа в доме не было, помочь мне им было нечем, пошёл на улицу к мужчинам.

Дато разжигал самодельную плиту для казана, то ли из очень широкой трубы, то ли из узкой толстостенной бочки. Сверху поставил казан. Всё было идеально подогнано. Рядом стоял длинный мангал. Чувствуется, хозяин любит гостей и застолья.

В казан вылили не меньше литра подсолнечного масла и стали ждать, пока оно нагреется. Вскоре к нам присоединились Нона и Галия. Они вынесли целую большую миску красиво нарезанной картошки и шумовку.

Дато послал Ираклия и Шалву за скамейками и рабочим столиком на веранду, и вскоре мы сидели вокруг, наслаждаясь погодой и беседой.

Масло нагрелось, Дато высыпал туда треть картошки.

— Жарить будем по частям, чтобы хрустящая была. — объяснял он нам.

Картофель фри на советской даче? Признаться, не ожидал. Но вот, пожалуйста.

Мы засыпали уже вторую партию, и Дато дал команду Ираклию разжигать мангал. Дрова у Дато были особенные, необычно тонкие. Специально спросил его, что это такое.

— А это, когда яблони и груши обрезаем, ветки собираем. — хитро подмигнув, сообщил он.

Ираклий принёс кастрюлю с мясом, а Шалва шампуры.

Дато лично надевал мясо. Всё делалось не спеша, но не заметил, как два часа пролетело, и вскоре дачный участок наполнился такими ароматами, что сразу есть захотелось.

Женщины ушли стол накрывать, вскоре и мы подтянулись с картошкой и мясом. Дато при этом всё про лето вспоминал, с сожалением качая головой:

— Эх, летом помидоров бы сейчас нажарили...

— Жареные помидоры я ещё не ел. — усмехнулся я.

— О, друг! Ты много потерял! — воскликнул Дато, предлагая нам всем рассаживаться за столом. — Приезжай, обязательно, летом в гости! О, в Батуми приезжай! Там родни полгорода. Встретят, поселят, море, солнце, отдых замечательный!

— Угу!.. — промычал утвердительно Ираклий, успевший сунуть в рот кусочек мяса.

Дато торжественно взял бутылочку домашнего вина, неспешно открыл и разлил по нашим бокалам.

*

Москва. Дом Ивлевых, однокомнатная квартира на шестом этаже.

Лина полночи проворочалась, заснула только под утро. Тяжёлые мысли не давали уснуть. Двадцать восемь лет. Мужа нет. Детей нет. Часики, как мама говорит, тикают. У школьных подруг старшие дети уже в школу ходят...

Наконец, Лина под утро уснула, проспала до полудня и не слышала, как в замочной скважине повернулся ключ.

Приехала мать Лины. Проверить дочь. Инга Леонтьевна была женщиной умной, осмотрительной и упорной. Её любимой поговоркой была «Лучше синица в руке, чем журавль в небе». Она воспитывала дочь в строгих правилах, поощряла прилежность в учёбе и как могла старалась обеспечить единственной дочери ту жизнь, о которой сама могла только мечтать.

После первого неудачного брака дочери Инга Леонтьевна с беспокойством присматривалась к ней, не покатится ли дитя по наклонной плоскости: уж очень тяжело Лина переживала

развод. У подруги Инги Леонтьевны единственный сын так и спился...

Явившись к дочери специально без предупреждения, Инга Леонтьевна замерла от собственных страшных подозрений. Уж полдень близится, а дочь в постели... Мельком заглянув в единственную комнату квартиры, Инга Леонтьевна немедленно прошла на кухню, обследовала мусорное ведро и холодильник и, не найдя ничего похожего на алкоголь, обессиленно опустилась на ближайший табурет. Хоть и не обнаружила она улики, а материнское сердце не обманешь, оно чувствовало душевную боль дочки, как свою.

Да что с ней такое?! — в сердцах подумала Инга Леонтьевна, сильно разозлившись после накрывшего её вначале испуга.

Глава 23

г. Москва.

— Лина! — ворвалась она в комнату. — Да хватит уже спать!

— Ой... мама... — спросонья Лина приподнялась в постели, пытаясь сообразить, какой сейчас день и час.

— Что ты спишь? — мать пристально присматривалась к дочери.

— Не могла уснуть до утра. — пожаловалась та.

— Хватит валяться, подымайся. — строго велела мать. — Всё счастье проспичь.

— Да, где оно, счастье-то, мам? — покорно поднялась Лина и потащила в ванную.

— Знала бы, сама счастливо жизнь прожила. — проворчала мать, зная, что дочь её не слышит, вернулась на кухню и начала выкладывать из тяжёлой сумки сырники в фольге, банку варенья клубничного, банку сметаны деревенской, котлетки рыбные...

С тех пор, как Инга Леонтьевна отселила Лину в Москву, виделись они не часто. Мать очень скучала по своему единственному ребёнку и сокрушалась, коротая одинокие вечера в Быково под Москвой, что не может угостить своё чадо чем-нибудь вкусеньким.

Когда Лина вышла из ванной, на столе её уже ждал завтрак.

— О, сырнички! — воскликнула она и чуть не расплакалась.

От матери не ускользнуло состояние дочери.

— Что опять случилось? — недовольно спросила мать.

— Ничего. — пряча глаза, ответила Лина.

— Я же вижу! — настаивала мать. — Говори!

— Да, ничего! Мам! В том-то и дело. Ничего не произошло. А хочется, чтобы уже случилось...

— Ты о чём, дочь?

Лина присела перед матерью на корточки, обняв её за колени и глядя прямо в глаза.

— Мам... А если я забеременею и рожу без мужа? Ты же вырастила меня, справилась. И я справлюсь...

— Что?! — Инга Леонтьевна вскочила, оттолкнув от себя дочь. — Ты хоть представляешь, о чем говоришь? Ты понимаешь, вообще, чего мне стоило тебя вырастить и выучить?! Всю жизнь на полторы-две ставки! Мне пятьдесят три года, а мне ещё работать и работать, чтобы кооператив тебе выкупить! Ты так же свою жизнь прожить хочешь? Я для этого костями ложилась? Чтобы моя дочь матерью-одиночкой стала? Чтоб мой внук байстрюком рос?! Не смей мне даже говорить об этом... Выгоню к чёртовой матери...

Давление стремительно поднималось, Инга Леонтьевна почувствовала себя плохо и пошла по стеночке на кровать. Помирать сейчас нельзя. В кооператив только влезли, дочь одна его не вытянет... Без мужа она родит... Ради чего тогда столько усилий? Ради чего собственная жизнь коту под хвост?! Чтобы дочь промучилась всю свою жизнь точно также?

— Только попробуй! — показала она дочери кулак в бессильной злобе. — Без мужа она родит... Поедешь в наш старый дом в Быково... Печку топить... А я здесь буду жить, как королева.

Лина тихо плакала на кухне. И в Быково не хотелось... И любимые мамины сырники в рот не лезли... И замуж никто не берёт.

*

Шашлык получился обалденный, мясо таяло во рту. А картошечка!.. А что было бы летом в Батуми?.. Непроизвольно заулыбался, представив себе гостеприимных грузин.

— Этим летом, жаль, нельзя. — взглянул я на жену. — В сентябре ждем аиста в гости. В Батуми же добираться лучше на самолёте? На машине нереально, наверное. Не помню, до Батуми сколько километров ехать, тысячи две?

— Нет, нет, нет. — возразила Нона. — С животом в машине? Не выдумывай. Растрясешь по нашим дорогам и будешь в поле роды принимать.

Дато удивленно посматривал на жену.

— И то верно. — наконец, сказал он. — И в самолёте лететь тоже долго, не дай бог что в воздухе случится...

— Значит, на поезде! — предложил Ираклий.

— Да нет. В этом году без южного солнца, от греха подальше. — решительно ответил я. — Но за приглашение большое спасибо. Лето будет не первое и не последнее. Еще сможем друг у друга в гостях побывать. Да? — обнял я за плечи немного растерянную жену. Она с недоумением смотрела на меня. Ой, я же не сказал ей ещё, что она два летних месяца в Паланге проведёт!

Но сейчас при всех говорить не буду, потом наедине скажу. А то что-то хозяева расстроились, как будто. За столом повисло напряженное молчание. Не из-за моего ли слишком решительного отказа?

— А расскажи, как в Германию съездил. — вдруг попросил Ираклий.

Очень вовремя. — благодарно взглянул я на друга.

— Ну, как съездил?.. Погода, конечно, подвела. Сильный ветер с моря, очень влажный и холодный, слякоть. Но мы с Эммой Эдуардовной мужественно посетили все достопримечательные места города Росток, которые нам рекомендовали. Город портовый, летом там должно быть здорово. Порт даже сейчас впечатляет. Множество кораблей: и транспортных, и военных.

— А снабжение там какое? — заинтересовалась Нона.

— С вещами получше, чем у нас. — ответил я. — Европа ближе и своя промышленность неплохая. Да и город портовый, сами понимаете.

Хозяева активно закивали. Конечно, понимают они всё. Батуми — тоже порт.

— А продукты? — любопытно спросила хозяйка.

— Мы больше по сувенирным магазинам бегали, да по промтоварным. Кормили нас и в кафе при общежитии, и в университетской столовой. И в гостях у профессора местного побывали один раз. Если брать столовые и кафе, то все довольно незатейливо, если честно. Немцы вообще в еде непритязательны, и на их кухне это сказывается. В основном преобладают мясо с колбасками, картофельный салат и омерзительные супы-пюре, как они вообще их едят... Если бы они вашу еду попробовали, думаю, с ума бы сошли от счастья. — ввернул я комплимент гостеприимным хозяевам.

— В самом деле? — немного разочарованно протянула Нона. — Я думала, может они особенное что-то готовят.

— Ну, это же Германия, европейская страна. — развел руками я. — Про немцев, знаете, какая шутка ходит: «Какое национальное немецкое блюдо, знаешь? Бутерброд».

Нона рассмеялась, качая головой. Да, грузинам сложно понять такое незамысловатое отношение к пище.

— Ну, а вообще, какое впечатление от Германии осталось? — спросил Дато, с любопытством глядя на меня.

— Ну, какое? В пригородах, там, где люди побогаче живут, у них всё вылизано, чистенько, посёлки аккуратные, заборов нет, изгороди из зелени. Камня не найдешь, который бы лежал на земле без дела. Вдоль многих дорог изгороди из дикого камня сложены. — вспоминал я свои впечатления. — Надо же было заморочиться, перетаскать их, уложить... А поверху этих изгородей прямо между камней высажены растения вроде молодила. Красиво очень выглядит, и всякий мусор поверху изгородей не скапливается. Участки в частном секторе у всех ухоженные, много зелени и цветов всяких. Крыши у многих домов соломенные, выглядят потрясающе. Интересно было съездить, посмотреть, как другие живут. Но не более того и чтобы ненадолго. Дома все равно лучше.

Дато рассмеялся и потянулся за бутылкой вина.

— За это надо выпить! — воскликнул он. — Молодец, генацвале!

Дато рассказал, в свою очередь, как ездил однажды в Польшу. Тоже не сильно был впечатлен. Ну, Польша вообще, считай, рядом. Как один знакомый белорус любил приговаривать: «Курица не птица, Польша — не заграница». Вывод Дато примерно такой и сделал в итоге, тоже сказав, что под конец поездки уже сильно домой захотел. Мы ещё немного посидели и разошлись ненадолго по комнатам вздремнуть после сытного обеда. В пять у мужчин был объявлен сбор в бане.

Ираклий и Шалва разложили себе диван в гостиной. Нона вынесла им по подушке и по пледу. Ираклий развалился на своей половине дивана, а малый сидел на своей половине потурецки и захлеб слушал студенческие байки друга.

Улыбнулся этой картине. Всегда мечтал, чтобы сын родной также рядом сидел и слушал меня во все уши. Накатила грусть... А что это я, собственно! У меня же всё ещё впереди. Хе-хе!

Пошёл в нашу с женой комнату.

— Сегодня Родькин отец на зарядке посетовал, — начал я. — Что не может малого на море летом отвезти. Я предложил взять его с нами.

— Правильно. — озадаченно посмотрела на меня жена. — А куда мы поедем?

— Хотел в Калининград, там не так жарко будет, в отличие от Чёрного моря. Но Гриша предложил в Палангу, у него там знакомые. Это в Литве. Я попросил его забронировать нам жильё на два месяца: июль и август. А Родька нам будет помогать к будущей жизни с ребенком привыкнуть. Будет бегать по взморью, янтарь собирать, замки песчаные строить.

Галия обрадованно улыбнулась, хлопала в ладоши и, наконец, расслабилась. Поняла сразу, почему я так резво от Батуми отказался.

— Как здорово! Почти на все лето поедем. Это мы к первому сентября вернёмся? — уточнила она. — И ты с нами будешь?

— Буду, но не всё время. Попросил в обществе «Знание» мне после летней сессии еще одни гастроли с лекциями по Подмоскovie устроить. Это две недели. Если получится, то через месяц попрошусь ещё на две недели. Одного месяца отпуска мне хватит. И денег смогу подзаработать. Они нам пригодятся осенью.

Жена вздохнула, но при этом согласно кивнула головой. Понимает, что отдых отдыхом, а разбрасываться такими возможностями подработать глупо.

Успокоившись, что обещанный отпуск на море всё же будет, Галия задремала. Меня тоже в сон потянуло. Проснулся в комнате один от того, что меня Ираклий будил.

— Что, кислородный удар? — усмехаясь, спросил он. — Разоспался так.

— Что сейчас, вечер или утро? — потерялся я во времени.

— Сейчас время бани! — заявил приятель. — Подымайся.

— А жена где?

— Там с тетей Ноной колдуют над чем-то...

Заглянул к женщинам посмотреть, чем они так увлеченно на кухне занимаются. Оказалось, Нона учила Галию готовить хачапури. О, это они хорошо придумали! Пусть учится. Хачапури я очень уважаю.

В бане нас ждала кирпичная печь с котлом, где уже чуть не закипала вода. Только мы вошли, Шалва плеснул воды куда-то внутрь, на раскалённые камни. Не успел ещё до конца проснуться, и в тёплом воздухе парилки меня опять потянуло в сон.

— Лезь вверх. — предложил Дато. — Вытянись и лежи.

Разложил полотенце и лег, как мне советовал хозяин. Наверху было жарко, но постепенно привык, пригрелся, слушал разговоры, совершенно расслабившись. Не хотел вставать, даже когда все собрались выходить.

— Вставай! Перегреешься. — велел Дато.

В помывочной все вылили на себя по тазику холодной воды из бочки, что стояла в углу и вышли в комнату отдыха. Окатившись холодной водой, почувствовал себя гораздо бодрее. Пили чай, кто хотел, пил вино. На столе лежали ломтики домашнего сыра, остатки шашлыка и картошки.

Дато, как оказалось, знал тысячу анекдотов. Как начал рассказывать один за другим, у меня щеки от смеха болеть стали. Возвращались в парилку еще пару раз.

А потом вернулись в дом, где нас опять посадили за стол с чаем и хачапури с сыром. Вечер продолжился в том же духе, только анекдоты при дамах стали попрличнее.

В воскресенье спали до десяти, баня, вино, свежий воздух своё дело сделали. Проснулись полные сил, позавтракали и пошли гулять по дачному поселку. Дато рассказывал, что у кого и как в хозяйстве реализовано. Я слушал и мотал на ус. Мне понравилось, как он в бане сделал полы под парилкой и помывочной. Забетонировал плиту внутри ленточного фундамента, сделал в ней слив, как в ванной в уличный септик. А полы перекрыл шлифованными досками с гладкими краями, чтобы вода спокойно между ними стекала. Чтобы просушить бетонный пол под досками, поднимал пару досок в разных концах помещения после мытья и все дела.

— Доски со временем усохнут, — объяснял Дато. — между ними щели появятся и можно будет вообще не поднимать, и так все будет высыхать.

После обеда мы попрощались с гостеприимными хозяевами и пошли на электричку. Ираклий уехал с нами.

Мне очень понравилось. Галия тоже улыбалась всю обратную дорогу. Зарядились приятными эмоциями на неделю вперёд.

Вечером позвонил Сатчану, узнать, как у них успехи?

— Тишина. — разочарованно ответил Павел. — Два дня коту под хвост.

— Ну, подожди, — возразил я ему. — крот же не может в выходные незаметно по пустой фабрике шататься. Считайте, что это репетиция у вас была. А вот с завтрашнего дня и ждите его уже на полном серьёзе.

— Угу... — отозвался он. — Ждём, куда деваться?

В понедельник прилетело от Короля за то, что тренировку в субботу по волейболу пропустил. Забыл про нее напрочь! Клятвенно обещал в следующую субботу быть. После пар позвонил в часть в Лосином острове. Рассказал всё, как есть, про офицера, приехавшего в отпуск из длительной командировки, про его сына, который со старым дедом тут живёт... Про то, что малого отец-офицер хотел бы немного начать к армии приучать, на случай, если решит продолжить семейную династию. Подумал, если просто попрошу разрешения приехать с боевым офицером, меня не поймут, спросят, он что, там не настрелялся?

Моя история сработала. Мне дали добро. Думаю, из любопытства в том числе. Но, как бы там ни было, мне разрешили привезти и Григория, и Родьку.

Вот был бы у них телефон!.. А так я примчался к нам, и, не заходя к себе, сразу побежал к ним.

— Готовность пять минут! — скомандовал я, как только Родька открыл дверь. — Нас уже ждут!

Собрались даже быстрее. По дороге постарался убедить Гришу, что ему срочно нужен в квартире телефон. Пока он в отпуске, надо встать на очередь хотя бы. Для верности, ходатайство какое-нибудь от командования приложить.

— Дедушка у вас уже старенький, мало ли что. — говорил я. — Ни скорую вызвать, ни на помощь позвать...

Григорий призадумался серьезно, глядя на меня.

Стреляли мы, в этот раз, без Григория. Командир части ждал нас у себя. Как я и подумал, ему было интересно побеседовать с только что вернувшимся «оттуда» коллегой. Я прямо не говорил, где именно подполковник находился за рубежом, телефон могут прослушивать, за такие знания с моей стороны всем может прилететь. Но намекнул осторожно, чтобы стало понятно, что не бока пролеживает где-нибудь в воинской части в Венгрии. А нас с Родькой отправили стрелять с инструктором. Было бы интересно, конечно, посмотреть на Гришу в деле, но в следующий раз.

Родька был в неописуемом восторге. Постреляв, мы зашли за Григорием в кабинет командира части. Мужики хорошо посидели, прощались друзьями. Посоветовал Грише наладить прямые контакты, так как в ближайший четверг не смогу составить им компанию.

— Представляешь, он моего командира знает! — делился со мной выпивший Григорий.

— Военные! — пожал плечами я. — Или учились вместе, или служили, или общие знакомые есть.

Доехали вместе до Щербаковской, они вышли, а я поехал сразу на курсы.

Вечером позвонил Сатчану домой. Римма сообщила, что он сегодня дежурит где-то ночью. Поблагодарила меня за подарки из Германии. Пожелал ей спокойной ночи, а сам подумал, раз дежурит, значит днём на фабрике крот не проявился...

Во вторник, наблюдая за сокурсниками, отметил, что Брагин с Лёхой стали очень дружны. Вот как людей общие темы сближают! Тут мне пришла в голову мысль.

— Лёх! А Света когда приедет? — обратился я к нему. — Или, может, ты к ней поехать планируешь?

— Да, вроде, не собирались пока... А что?

— Хотел со Светой матери в Святославль кое-что передать...

— А, так давай я съезжу! — тут же переобулся Лёха.

— Ты же не собирался. — ехидно подколот его Костян.

— Ты ничего не понимаешь! — остановил я его. — Ему повод хороший нужен был. Правильно, Лёх? — тот покраснел и заулыбался, а мы с Брагиным рассмеялись.

— Тебе в Подольск никому ничего передать не надо? — смеясь, тут же спросил меня Брагин.

Тут уже и Сандалов с нами в голос рассмеялся.

Парни счастливые, влюбленные. И, главное, девчонки отвечают им взаимностью. Хорошо, когда у всех всё хорошо. Договорились с Лехой, что притащу ему в университет передачу для своих.

После пар мотался с лекцией на юг Москвы в очередной магазин «Дары природы». Уже в такую рутину лекции там превратились. Ощущение, словно год уже их читаю, не меньше. Заработал два кулька. Проверять при заведующей было неудобно, что она там мне положила. Но в автобусе посмотрел: в одном кулке было с полкило грецких орехов. Во втором грибы сушеные. Судя по цвету, грибы белые, сразу почуял сильный грибной аромат. Завернул поскорее обратно, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание.

Дома попросил жену собрать передачку в Святославль.

— Лёха в Брянск собирается. Хочу через него Свете для своих презент передать. А ты не хочешь матери журналчик какой-нибудь передать? — спросил я.

Галия задумалась, она уже давно остыла. Но и общаться с матерью она острого желания, как раньше, уже не испытывала, привыкла жить отдельно.

Загит звонил нам периодически. Сама Галия домой не звонила, опасаясь нарваться на мать, а то придётся разговаривать, все взрослые люди, не бросать же трубку, услышав её голос.

Тёща о себе никак не напоминала. И Галия первой на примирение не шла. Хотя, у отца всегда интересовалась, как там мама. И хотелось матери приятное сделать, и принципы не позволяли. Жена беспомощно посмотрела на меня.

— Положи для неё тоже сувениров из Германии. — посоветовал я. — И в записке, между прочим, напиши, что это я в загранкомандировку ездил и всем подарки привёз. Вроде как, это от меня ей подарок, а не от тебя.

Галия оживилась и занялась подготовкой посылок. Грибы сегодняшние поделила и другие наши запасы дефицита проредила.

— Хорошо было бы и Либкиндам что-то передать. — высказал я мысли вслух. — Кларе Васильевне, Эмме, ребятишкам их.

Галия кивнула:

— Это обязательно. Они там совсем не жируют.

Умница она у меня. И здорово, что не жадная. Никогда не понимал той жадности, что у некоторых девушек встречал, что за копейку удавятся. Галия хозяйственная, но о друзьях и родственниках не забывает.

Перед прогулкой с Тузиком позвонил Сатчану, узнать, есть ли новости с фабрики.

— Пока, никого и ничего. — сказал он устало. — Если бы сам своими глазами те фото не увидел, что ты принес, решил бы уже, что нет никакого крота.

— Смотрите, не расслабляйтесь. — посоветовал я. — Обидно будет потратить столько времени, а потом упустить, на полчаса бдительность утратив.

— Само собой. — сказал Сатчан. — У нас тут даже мышь не проскочит, не боись. Все под контролем держим.

На следующее утро на зарядке Родька при отце похвастался, что они домучали, наконец, модель. Удивился, что так долго возились, но вслух говорить ничего такого не стал. Григорий по моему взгляду всё равно, похоже, понял, о чём я подумал.

— Что-то как-то то одно, то другое... — подмигнул он мне. На Лину, что ли, намекает.

— Вообще, Родиону нравится моделирование. — заметил я. — Может, его куда в кружок пристроить?

— Был у меня приятель когда-то... — задумчиво сказал Григорий. — Отец его в доме пионеров с детьми занимался. Не помню, что за модели, вроде, парусники...

— О! Парусники! — воскликнул Родька.

Этому всё равно, что самолёты, что парусники. — усмехнулся я. — Ему главное, чтобы интересно было.

— Попробую этого приятеля найти. — пообещал Григорий сыну, оценив его реакцию. — Где-то был его телефон, если не переехал, найдём его. Отец его очень увлеченный человек, конструктор в прошлом. Руки золотые. Все, что угодно, починить может. Куча изобретений у него была, когда работал.

Это отличный вариант вообще, — возникла у меня сразу одобрительная мысль. Вот такие вот увлеченные своим любимым делом старички — лучшие преподаватели и пример отличный для пацанов вроде Родьки. И научат уму-разуму, и по улице шляться без дела не будет, и со сверстниками хорошими познакомится.

Вспомнил сразу, как подумал про это, про плитки, что он воровал и бил с приятелями. Кстати, да... Забыл про них, их же надо попробовать проварить. Хотя, не до них сейчас, это ж на несколько дней эксперимент.

В университет поехал с портфелем и тремя сумками. Журналы завернули в газеты, чтобы не

светить ими. Написали всем письма, запечатали в конверты, подписали с адресами и телефонами, чтобы было понятно, что кому. Отдал все Лехе, тот аж присвистнул, увидев, сколько всего надо передать.

— Ничего, мышцы накачаешь, сильнее станешь. Девушкам нравятся крепкие парни! — подбодрил я его.

Мои сами передадут передачи Якубовым и Либкиндам, маму проинструктирую, позволю ей на работу. Договорюсь, чтобы они с Ахмадом в Брянск к Свете сами приехали, чтобы ей самой не таскать наши сумки в Святославль. Но это если поездка не сорвется. Леха в Брянск поедет вроде бы на этих выходных, но кто его знает... Мало ли не получится, так что мы с женой специально не стали класть в передачи ничего скоропортящегося. Потерпит и до следующих выходных. А Свете за услугу Галия тоже один из журналов выделила, отдельно его Лёхе вручил.

— Ты не представляешь даже, какой это могучий любовный талисман, — сказал ему многозначительно. — Девушки, при виде его, сразу забывают обо всем. И полны серьезных чувств к тому, кто такой подарок им может вручить.

Леха повертел «Бурду» в руках, посмотрел на меня с подозрением — мол, не дурю ли я его?

— Как вручишь — сам по ее реакции поймешь, что это настоящая бомба. Вот представь, если бы тебе в двенадцать лет подарили бы настоящий кожаный футбольный мяч с автографом всех игроков Спартака, какая бы у тебя была реакция? Вот, что-то похожее испытывают девушки, когда берут в руки этот журнальчик.

Глава 24

г. Москва.

Вернулись с женой с курсов, только в квартиру зашли, а у нас межгород названивает. Не успели трубку взять, характерный длинный звонок прекратился.

Начали соображать. Так поздно почта уже не работает. С работы тоже в такое время никто звонить не будет. Значит, это с квартирному телефона кто-то дозвониться пытался. Галия сразу перепугалась, вдруг дома что-то случилось. Собралась звонок своим в Святославль заказывать.

— Подожди, — остановил я её. — Не дозвонились просто, позднее ещё раз наберут. Потерпи немного, снова сейчас позвонят. А то будем друг другу названивать, мешать связи.

Так и получилось. Минут через пятнадцать, мы только ужинать сели, опять требовательно зазвонил телефон.

— Алё! Алё! — Галия вперёд меня успела к телефону подбежать. — Папочка! Привет.

Услышав голос отца, жена успокоилась, заулыбалась, значит, ничего трагического. Хотел

было вернуться за стол ужинать. Но Галия остановила, показывая жестом, чтобы я дал ей ручку и бумагу.

Она начала быстро записывать. Тётя, поезд, вагон, места... Три места.

— Когда и на какой вокзал? — подсказал узнать я, сообразив, что надо ждать гостей.

Суббота, Казанский вокзал, в двадцать минут девятого...

Так, суббота. Блин! У меня же тренировка по волейболу. Я и так неделю пропустил... Король точно не поймет, нарвусь на неприятности. Да и неудобно, обещал ведь ему клятвенно. Что же делать? Как их встретить? Галия дома все подготовит, а вот с вокзала надо родственников доставить.

Прикинув варианты, побежал к Брагину. Решил сразу не откладывая договориться с ним, если получится. Суббота все-таки, вдруг он в Подольск намылился. Костя удивлённо пригласил меня войти, увидев на пороге своей квартиры.

— Костян, — сложил я руки в мольбе. — выручай! В субботу утром родня жены приезжает, а мне позарез на тренировке надо быть, и так неделю пропустил, соревнования на носу, тренер нервничает. Я такси вам оплачу. Только привези их к нам. Пожалуйста.

Брагин неопределённо пожал плечами.

— Напугал. Я уж думал, случилось что. Конечно привезу. Какие вопросы. Пиши вокзал и время.

*

Прибежав от Брагина, обрадовал жену, что вопрос с доставкой к нам родни решен успешно. Галия порхала по квартире, прикидывая, кого и как мы будем размещать.

— Кто хоть приедет? — поинтересовался у жены. — Про тетю понял. А с ней кто?

— Приедет тетя Диля с мужем и дочкой. Зара, помнишь? Они на свадьбе нашей были.

— Хорошо. Понял. — я неопределенно кивнул.

Народу у нас на свадьбе было много, но тетю Дилю я запомнил. И мужа ее Карима тоже. Дочка их у меня в памяти не сильно сохранилась. Смутно помню, что Галия с ней много общалась. Ну да ладно. Приедут ведь скоро. Хороший повод лучше познакомиться.

Только снова устроился на кухне, продолжил ужинать, опять раздался звонок. Тэкс. Ну вроде не межгород. А то весело было бы еще кого-нибудь в гости заполучить до полного комплекта. Это оказался Сквородка, водитель из общества «Знание».

— Здорово, лектор! — сразу узнал он меня. — Завтра к семи будь готов. Выезжаем рано. Нас

в девять уже будут ждать на первой фабрике.

— Да-да. — подтвердил я. Завтра же гастроли. — Привет. Рад слышать. Спасибо, что предупредил. Буду вовремя.

— Пока тогда. Не буду отвлекать вечером. — сразу попрощался он.

— До завтра. — усмехнулся я.

Какой суматошный вечер получился. Звонок Сковородки все же поставил точку в общении на сегодня. Ужин погрел заново и таки доел. На ночь полчаса посвятил упражнениям для связок. Работать день всего, но лучше подстрахуюсь.

«Гастроли» в Клину получились насыщенные. Отработали весь день с утра до вечера практически без передышки. Даже на обед всего сорок минут выделили, чтобы все успеть.

Из всех предприятий Клина особо мне запомнилось Клинское «Химволокно». Более «ароматного» производства я еще не встречал. Аж глаза слезились и в горле першило с непривычки. Дышать вообще не хотелось. Впервые столкнулся с таким ощущением, когда боишься вдохнуть. Организм словно говорит: «эта субстанция воздухом не является, воздух так не пахнет» и отказывается включать легкие. А уйти нельзя, лекция ведь... Непередаваемые ощущения. Как тут люди работают? Годами! Неужели даже к этому можно привыкнуть?

И ведь избалованным меня никак нельзя назвать. В прошлой жизни на нескольких заводах поработал. И в этой успел на механическом заводе начать свою карьеру. За прошлое турне по линии «Знания» посетил несколько десятков заводов в Московской области. Но приз за самый грязный воздух, несомненно, достался этому страшному предприятию.

При этом поразило, что народ в зале, в принципе, выглядел довольным. Никаких острых вопросов, и аплодировали очень оживленно. Приходится предполагать, что на заводе наладили мощную социальную защиту. Наверное, все есть, вплоть до финской сауны, дома отдыха в Крыму для работников и щедрых продпайков раз в месяц с дефицитными продуктами. Квартиру, наверное, тоже очень быстро можно получить за работу тут, намного быстрее, чем на относительно «чистых» производствах. Даже, не удивлюсь, учитывая все эти льготы, если я не ошибся, что люди в городе еще и стремятся устроиться именно на это предприятие, небось, еще и очередь из желающих на свободные места есть.

Потом были мясокомбинат, термоприбор, где делают градусники, хлебозавод, райком, стекольный завод, станкостроительный завод, ещё какая-то фабрика. Промышленность этого города поразила меня своими масштабами. Уйма производств, и все довольно масштабные. Не мелкие какие-нибудь заводики. Никогда не думал, что в Клину столько крупных предприятий.

Возвращаясь в Москву, Сковородка без умолку болтал, делился со мной наболевшим, не стесняясь в выражениях.

— Не понимаю!.. Как это так? — взывал он, обращаясь то ли ко мне, то ли сам к себе. — Ты посмотри, какие заводы! Какая мощь. Сколько народу на них работает. Все при деле. А товаров нет в свободном доступе. Как это так может быть?

Он заметно смелее стал высказываться, видимо, сделал вывод после первых наших совместных гастролей, что мне можно доверять. Либо все же он «засланный казачок» и таки пытается раскачать меня на антисоветчину. Поэтому я не имел никакого желания вступать в эту полемику. О чем тут говорить. Учитывая прошлую жизнь и все знания о том, как обстоят дела, не хотелось просто еще раз переливать из пустого в порожнее. Сегодня особенно обидно стало от осознания того, что мы потеряли... Точнее, потеряем со временем. Ну, конечно, кроме Клинского «Химволокна». Вот его совсем не жалко.

На обратном пути под конец едва не вырубился. Весь день держался, бодрячком по предприятиям скакал. Только сидя в машине осознал, насколько устал за день. И нагрузка, и новые впечатления дали о себе знать. Предоставил Василичу самому делить наш улов. Не смотрел даже, что он отложил себе. Сквородка вручил мне тяжёлую коробку, и я пошёл с ней бережно, обняв двумя руками.

Уже дома Галя обнаружила там разные пряники в кульках, соломку в коробке, сосиски и сардельки, два торта вафельных, масла сливочного с килограмм, чай разный, банку кофе, овощные консервы, в том числе венгерские, и разные другие консервы от печени трески, шпрот и икры минтая до импортной ветчины и даже банки дальневосточных крабов.

Посмотрев на все это богатство, прикинул, что, если бы даже за этот день мне не положено было девяносто рублей, за один этот продуктовый набор можно было бы съездить.

*

Межуев Владимир Лазоревич был рад встрече с директором Курчатовского института. Дмитрий Сергеевич был его старым другом, всецело увлеченным наукой с самого раннего возраста. Конечно, сорок лет назад Владимир знал, что он многого добьется, но что станет академиком... Впрочем, сорок лет назад он и не знал разницы между академиком и профессором, честно говоря.

Душевно поговорили. И о том, как науку нужно развивать, и что еще советское государство может сделать для этого. И уже в самом конце беседы Дмитрий Сергеевич возьми и скажи:

— Послушай, Володя, я беру назад свои слова, сказанные как-то тебе, что у нас гуманитарии совсем далеки от естественных наук. Был у нас недавно с визитом паренек с экономического факультета МГУ, так он такое, скажем, бодрящее впечатление произвел на моих научных сотрудников! Очень, очень интересные мысли по развитию технического прогресса высказывал, в особенности по прикладным аспектам. И ведь при том всего лишь первокурсник...

Владимир Лазоревич знал на первом курсе экономического факультета только одного студента, и память на имена его, как и обычно, не подвела. Павел Тарасович Ивлев. Паренек,

который помог выручить из потенциально серьезных проблем его хорошего товарища, директора мебельной фабрики. Нет, конечно, он и так бы его выручил, но одно дело упредить проблему, а другое дело вытаскивать товарища из-под возбужденного уголовного дела...

— А как вообще к вам мог первокурсник выступить прийти?

— Так по линии общества «Знание». Насколько я понял, их профессор то ли заболел, то ли не смог еще по какой-то причине нас посетить, и вот его и прислали на замену. Мы сначала подумали, что это какая-то шутка на грани неуважения — такого зеленого пацана прислать в столь серьезное научное учреждение. Но он так бойко начал выступать, а потом на заковыристые вопросы так толково отвечал, что я тебе скажу, и не от каждого профессора такого дождешься. Тем более, гуманитария...

— И что планируешь делать по этому поводу? — спросил Межуев, уже полностью укрепившись в мысли, что Курчатовский институт посетил именно известный ему Ивлев. В справке, которую ему подготовили, было указано, что он лектор общества «Знание». И он очень сомневается, что у общества «Знание» есть еще один лектор-первокурсник из МГУ.

— Ну сам понимаешь, нельзя разбрасываться светлыми головами. Мы даром что ядерной физикой занимаемся, но нам нужны специалисты и в экономике. Ремонты, строительство, бухгалтерия, у нас десятки должностей, и гораздо меньше толковых людей на них, чем бы хотелось. Буду стараться прикрепить паренька к нашему институту, чтобы начал подумывать о распределении к нам после окончания МГУ. Вначале на еще одну лекцию приглашу, снова его послушаем. И если первое впечатление подтвердится, предложу ему полставки лаборанта в обмен на такие вот регулярные лекции. Прикормим немного студента в голодные годы, пусть освоится у нас, все же приятней, чем на одну стипендию жить.

Владимир Лазоревич хмыкнул, услышав это. Видел он этого студента — так не одеваются те, кто живет на одну стипендию. Там у него солидно все с финансами, это очевидно. Но стало обидно, что перспективного кадра, которого сам раньше приметил, могут увести прямо из-под носа. Да, как-то он расслабился, сам же уже начал строить планы по поводу толкового паренька. Но что-то решил, что дождется, пока тот учебу завершит в МГУ — мол, куда он раньше денется, будучи простым студентом. А он до того шустрый оказался, что его и академик, ядерный физик загорелся к себе пристроить... И плевать ему, что он первокурсник...

Владимир Лазоревич аккуратно перевел разговор на другую тему, а вскоре и закончил встречу. Фамилии первокурсника он так и не спросил — так что потом, когда Дмитрий Сергеевич узнает, что он его к себе умыкнул, претензии выставить будет сложно. Совпадение, чистой воды совпадение! Бывает! Жизнь, она такая непредсказуемая штука...

*

Отдохнув немного после Клина, решил позвонить Сатчану. Снова получил только ту информацию, что на фабрике до сих пор ничего нового не произошло. Причем говорил не с

ним самим, а с женой. Римма сказала, что Павел опять на дежурстве.

Какие-то смутные сомнения меня грызли все больше и больше по этому поводу. Все ли правильно рассчитали? Почему не могут крота засечь? Не халявят ли там эти наблюдатели? Может, сидят, в карты режутся и вполглаза за кабинетами приглядывают. Не должны, конечно, но кто их знает...

В пятницу после пар набрал Сатчану в райком. Помощница его сообщила, что он сегодня в разъездах, будет в понедельник. Набрал домашний номер, никто трубку не взял. Теряясь в догадках и предчувствиях, поехал домой, намереваясь еще раз набрать Павла, как доберусь к себе.

Жена тоже уже была дома. Готовилась к завтрашнему приёму гостей, жарила, парила, попросила меня до курсов сходить в магазин, купить хорошего вина и хлеба.

Ну, хоть чем-то помогу, заодно руки и голову займу. А то беспокойно как-то... Вторая неделя скоро пойдёт, а результатов в поиске крота на фабрике никаких. Моя паранойя постепенно набирала обороты. Когда события несутся галопом, я в своей стихии. И решения быстро принимаю, и действую уверенно. А вот отсутствие информации и неопределенность меня сильно нервируют, постепенно нагнетая тревожное состояние. Осознавать это я умею неплохо, а вот контролировать такое сложно.

Так что беспокойные мысли нет-нет, а всплывали у меня в голове, не оставляя надолго, где бы я ни был и чем бы ни занимался.

После курсов снова набрал Сатчана. Тот оказался дома, трубку снял сам. Дежурно сообщил мне, что новостей нет. Заверил, что у них все под контролем, наблюдение ведется на высшем уровне. Ехидно попросил усмирить мою тревожность чем-нибудь, мол, нервничать вредно. После чего попрощался, попросив не беспокоить и сказав, что спать будет сутки минимум, устал.

Однако на этом со звонками покончено не было. Но теперь уже не по моей инициативе. Телефон затрезвонил, едва я встал и пошел в комнату.

— Да что такое сегодня! — разворчался я, как старый дед, пока шел обратно поднимать трубку. Устал за день, да еще и эти переживания...

Ну а что — как личность я и есть старый дед, привык уже ворчать, так что отвыкнуть тяжело. Хотя нахождение в молодом теле все же неплохо помогает избавляться от старческих привычек — гораздо меньше оснований иметь плохое настроение. Нигде не колет, не стреляет, по ступенькам, вон, как сайгак прыгаю. Полкилометра за автобусом бежать, чтобы успеть на остановку — вообще не вопрос, хоть с тяжелой сумкой. После того, как помнишь, как на третий этаж вскарабкался с одышкой — вообще тяжело себе представить такие новые возможности... Но как приятно! Как приятно!

— Алле? — спросил я.

— Павел Тарасович? — услышал я неспешные слова, сказанные человеком, который себя очень уважает. Такой голос обычно бывает у очень высокопоставленных людей. Никакого надрыва, который иногда можно услышать и в голосе директора крупного завода. Нет, это был голос человека, который забрался очень высоко, и не имеет никаких сомнений, что 9999 человек из десяти тысяч, что ему случайно встретятся, будут ниже его по положению.

— Да. Слушаю вас.

— Наверное, позабыли уже меня... Это Межуев. Из Комитета партийного контроля.

Кокетничает... Как же, забуду я ту встречу с членом Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Из всех, с кем я уже познакомился, самый высокопоставленный человек. Выше и замминистра иностранных дел, Витькиного отца, и министра транспорта, тестя Сатчана.

— Что вы, Владимир Лазоревич, как можно! Не скажу, что каждый день вспоминаю, но не забыл, конечно!

— Шутишь, это хорошо. — одобрительно хмыкнул тот. — Долго не виделись, надо это исправить. Подходи ко мне в понедельник на работу, есть для тебя предложение интересное. Пропуск будет на проходной лежать. Жду к одиннадцати утра.

Он продиктовал адрес и все на этом.

Офигеть новости!

Только положил трубку и задумался — с чего вдруг такой человек вспомнил о студенте-первокурснике, как телефон снова зазвонил. Я аж вздрогнул от неожиданности, не успел еще далеко от него отойти. А звонит он зараза, мощно!

— Алле! — осторожно спросил я, теряясь в догадках. Может, Межуев забыл сказать что-нибудь?..

— Это Фирдаус, дорогой!

— А, привет! Рад слышать. Как у вас там дела?

— Скоро узнаешь! Хотим сейчас в гости приехать. Вы никуда не собираетесь уходить?

Я глянул на часы. Восемь вечера. Однако... Мы в такое время уже обычно никуда не собираемся, кроме как с собакой погулять. А сегодня и подавно. Я набегался за день. Галия тоже устала, к завтрашнему приезду гостей готовясь. Но не обижать же отказом. Надо же, как Фирдаус быстро освоил чисто советскую привычку — приходить в гости, когда тебе заблагорассудится. Хотя... может я чего-то не знаю о ливанских традициях походов в гости?..

— Да, мы на месте. Никуда не собираемся. Ждем вас. — отрапортовал я бодро.

Предупредил Галию. Та захлопотала сразу на кухне, готовясь к приему гостей. Пару консервов открыла. Нарезала бутербродики с копченой колбасой из «Даров природы». Дары от «Даров природы», как она любила шутить.

*

Квартира замдекана по научной деятельности Гаврилиной.

Эмма Эдуардовна приехала домой невероятно уставшей. Конец недели, пятница, конец рабочего дня...

Хотела уже сесть за вязание и предвкушала тихий вечер перед телевизором.

Вдруг раздался телефонный звонок. Звонил Самедов. Странное дело... За девять лет работы в университете Эмма Эдуардовна и пары раз не могла припомнить, чтобы он звонил ей домой.

— Приветствую, Самедов. Телефон и адрес Ивлева есть? — сразу перешёл он к делу.

— Павла телефон? — переспросила, растерявшись, Эмма Эдуардовна.

— Павла, Павла. Телефон и адрес. — раздражённо подтвердил Самедов. — Есть или нет? Срочно надо.

— Были где-то... А что случилось?

— Ничего. Просто нужен. — отрезал тот. — По личному делу.

— Сейчас... — Эмма Эдуардовна поспешила за записной книжкой.

Она продиктовала телефон и адрес Павла, которые, на всякий случай, переписала себе из его личного дела еще перед поездкой в Германию. Самедов коротко поблагодарил и попрощался.

И что это значит? — теряясь в догадках, думала замдекана. — Зачем Самедову понадобился Павел? В такое время, в пятницу. По какому ещё по личному делу, интересно?

*

Спустя минут двадцать после разговора с Фирдаусом раздался новый телефонный звонок. Взял трубку:

— Мы приехали. — услышал я голос Фирдауса. — Можешь выйти вместе с супругой? Есть один разговор...

— Ты откуда звонишь? — удивился я. — Обязательно на улице хочешь разговаривать?

— Из телефонной будки набрал. Выходите, сам потом все поймешь.

Интрига, однако. Ну ладно. Сказал Галие. Она тоже была в полном недоумении, мы даже в окно выглянули. Увидели в темноте Фирдауса и Диану возле подъезда. Какие-то непонятки. Оделись и вышли.

Фирдаус радостно пожал мне руку, когда я вышел из подъезда. Диана приобняла Галию.

— Давайте пройдемся немного. — загадочно сказал Фирдаус, показывая направление рукой.
— Буквально метров сорок.

— Пошли, конечно. — сказал я, совсем перестав понимать, что происходит. — Заинтриговал.

Прошли сорок метров.

— Вот. — сказал Фирдаус торжественно, указав ладонью на молочного цвета «Победу». — Мой отец велел тебе подарить в благодарность за консультацию. Правда, он настаивал на Мерседесе, но я сумел ему объяснить, что у тебя будут проблемы из-за этого, тут никто не ездит на дорогих машинах из ФРГ. В особенности студенты. Потом я долго мучился по поводу «Волги». Хотел ее тебе подарить. Поспрашивал, мне тоже знакомые сказали, что могут быть проблемы у студента из-за такой машины. В итоге нашел вот эту с виду раритетную крошку.

— «Победа»? — радостно воскликнула Галия.

— Не совсем, эту машину в Польше по лицензии выпускают. Внешний вид один в один с «Победой». Но машина новая. Только что с завода. Экспортный вариант.

— Ничего себе подарок! — сказал я, совершенно ошарашенный полученной новостью. — Слушай, я не могу принять его. Это слишком дорого. Была ведь всего лишь небольшая консультация. Как-то неудобно.

— Даже не сомневайся. — горячо воскликнул Фирдаус, начав меня уговаривать. — Это от всей души. Родители очень благодарны тебе. И не преуменьшай. Не такая и небольшая консультация. И главное, сделана вовремя, что особенно важно. Отец сразу начал действовать, когда услышал то, что я ему передал от тебя. А так бы еще неизвестно, сколько месяцев прошло бы. Там на несколько мерседесов денег сэкономлено из-за того, что вора вовремя поймали, пока не успел слишком большой ущерб нашему бизнесу нанести. Кроме того, отец рассчитывает и дальше с тобой консультироваться, если ты не против. — сказал Фирдаус, подмигнув мне.

Улыбнулся и кивнул ему в ответ. Куда ж я денусь теперь. Умеют ливанцы благодарить, ничего не скажешь! Галия вон извелась уже вся. — усмехнулся, посмотрев на жену. Как на иголках стоит. Не может понять, уже можно радоваться и визжать от счастья, или я сейчас волевым решением вот эту молочно-белую красавицу с кожаным салоном гордо отвергну.

Такой лютой комсомолец, «фанат запорожцев со взором горящим»...

Ладно, больше упорствовать я не стал. Дал себя уговорить, что уж там. Крутой подарок по советским временам, однозначно, и самое главное, что серьезных проблем из-за такого я не получу. За Мерседес точно бы огреб, это Фирдаусу верно подсказали. А так — выглядит точь-в-точь, как давно снятая с производства советская «Победа». Ее уже больше десяти лет вроде как не выпускают. Уже никто и завидовать не будет, думая, что это старье. А на самом деле — новенькая. Да и нравится она мне внешне. Отличная модель.

— Мне рассказали, что в обычной «Победе» двигатель слабый. Много бензина ест и скорость большую не дает. А в этой машине четырехцилиндровый дизельный британский двигатель. Экономный и более сильный. А еще сильная сторона этой машины — очень толстая и крепкая обшивка. Тут все осталось, как и в СССР было. — пустился разьяснять детали Фирдаус, с удовольствием рекламируя свой подарок.

Обидно немного, когда тебе подарили новенькую машину, а ты не можешь даже сесть в нее и погонять. Прав нет пока ни у меня, ни у Галии. Правда, мы молодцы, уже решаем эту задачу. Скоро Галия получит права, уже меньше полутора месяцев осталось, и все изменится.

Но посидели, конечно, немного в машинке. Рассыпались в благодарностях, то и дело попеременно, то я, то жена. Галия от восторга вообще в словах путалась, глазищи счастливые, огромные. Прямо видно, как предвкушает уже грядущие покатушки. Вот теперь точно на права сдаст. Зуб даю, в кабину Зила на курсах взлетать теперь будет.

Фирдаус сиял, глядя на нас. Нравится ему подарки делать, это черта хорошего человека.

Машина, правда, называлась странно — ФСО Варшава. В салоне два сплошных кожаных дивана. Под ногами симпатичные коврики.

— Какая она чудесная! — снова восторженно сказал Галия, посидев внутри, и Фирдаус в очередной раз счастливо просиял.

Оставили машину во дворе, припарковав в удобном уголке недалеко от подъезда. Все формальности с документами договорились решить в понедельник.

Ну а затем мы, конечно, пошли к нам праздновать. Для такого случая у меня в загашнике, само собой, нашелся коньяк для нас и вино для Дианы. Галия пить не собиралась, хоть и повод был стоящий того. Умница моя!

Быстро сообразили на стол. Бутеров под такую выпивку маловато, поэтому располовинили часть еды, заготовленной на завтра для гостей. Фирдаус изумился, когда Галия совершенно невозмутимо начала выставлять на стол разносолы, типа, у нас каждый день так. Повеселился, глядя, как на его лице сменяются эмоции, отражая напряженную работу мысли.

Импровизированное застолье получилось очень душевным. Повод был самый что ни на есть стоящий, трудовая неделя закончилась, можно было спокойно расслабиться в хорошей компании. Гости шли один за другим. Мы с Фирдаусом уже оба были хорошо навеселе и вели весьма уместную для такой ситуации непринужденную беседу о планах на будущее, перспективах наших семей и всего человечества. Девчонки, посидев с нами немного, убежали в комнату рассматривать модные журналы.

Вдруг, в самый разгар наших вечерних посиделок зазвонил телефон. Удивленно переглянувшись с Фирдаусом, пошел брать трубку.

— Слушаю. — сказал я, стараясь говорить уверенно.

— Павел? Это Самедов. — услышал я и чуть не поперхнулся от изумления. Не понял... Это что за хрень творится? И откуда он мой домашний номер знает? — Выйди на улицу. Я во дворе у твоего дома. — велел он.

Ого?! Офигеть в деревне танцы! Откуда у него мой адрес? Да еще так вовремя он, блин, нарисовался. Я вот прямо во всеоружии сейчас...

— Я щас. — сказал я своим изрядно удивленным гостям и жене, переобулся, накинул пальто и быстро сбежал по лестнице, теряясь в догадках, что уже случилось такого, что Самедов ко мне домой приехал.

Немного в стороне от подъезда стоял жигуль, а рядом с ним Самедов.

А у меня машина лучше! — мелькнула в голове ехидная мысль. Тут же встряхнулся, забил обратно внутрь лица улыбку и постарался настроиться на серьезный лад. Самедов точно не поймет, если я сейчас начну хихикать или еще чего отчебучу.

— Что случилось, Рашид Фархатович?! — подошел я к нему, протягивая руку и здороваясь.

— Пока ничего не случилось. — невозмутимо ответил он, пожал мне руку в ответ и открыл заднюю дверь машины. — Забирай. — кивнул на что-то в салоне.

— Что это? — увидел я в темноте на заднем сиденье стопку папок на завязках.

— Техкарты. — ответил Самедов. — Ты ж просил.

Я стоял и смотрел на него, стараясь не выдать, насколько шокирован. Те самые техкарты, что люди Сатчана во главе с ним самим днем и ночью охраняют?!

Дорогие друзья! Тринадцатый том подошел к концу — ждем вас на следующем томе Ревизора! Он только что стартовал: <https://author.today/work/326667>